

Светлана Ивановна Ярославцева
От Черёмушек до Зюзина. В долине Котла.
Четыре московских района: Черёмушки,
Зюзино, Котловский, Академический
Серия «Москва и Подмосковье.
История, памятники, судьбы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9825753

От Черёмушек до Зюзина. В долине Котла. Четыре московских района: Черёмушки, Зюзино, Котловка, Академический: ЗАО Издательство Центрполиграф; М.; 2014 ISBN 978-5-227-05122-6

Аннотация

Улицы, расположенные в долине Котла четырех столичных районов ЮЗАО – Котловка, Академический, Черёмушки, Зюзино, – возникли в 1960-х годах во время массового жилищного строительства на территории присоединенных к Москве селений Ленинского района Московской области. Тогда на этих территориях были образованы другие районы, и в течение трех десятков лет они несколько раз меняли административные границы и названия.

В состав этих районов вошли в основном исторические селения: Никольское Верхние Котлы, Знаменское Черёмушки, Троицкое Черёмушки, Шаболово, Зюзино, Волхонка, Марково. Все четыре района смежны и вместе образуют единый массив, занимающий практически всю долину речки Котловки с ее притоками, ручьями и оврагами. У них единая историческая судьба не только в последние десятилетия, но и в древности.

Содержание

Введение	5
Историческая память природного рельефа	7
Котельские древности	17
Загадки Черёмушек	65
Троицкое Черёмушки	68
Село Знаменское Черёмушки	96
Конец ознакомительного фрагмента.	128

**Светлана Ярославцева
От Черёмушек до Зюзина. В
долине Котла. Четыре московских
района: Черёмушки, Зюзино,
Котловка, Академический**

© Ярославцева С.И., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Введение

Улицы расположенных в долине Котла четырех столичных районов ЮЗАО – Котловка, Академический, Черёмушки, Зюзино – возникли в 1960-х гг. во время массового жилищного строительства на территории присоединенных к Москве селений Ленинского района Московской области. Тогда на этих территориях были образованы другие районы, и в течение трех десятков лет они несколько раз меняли административные границы и названия.

В момент объединения с Москвой в августе 1960 г. пригородные селения Ленинского района Московской области, расположенные в долине Котла, вошли в основном в Москов-рецкий район.

Только кварталы западнее Профсоюзной улицы (в нынешних районах Академический и Черёмушки) вошли в Октябрьский район. В 1968 г. после очередного пересмотра административного деления Москвы эти кварталы отошли к вновь созданным Черёмушкинскому и Советскому районам, границей между которыми на рассматриваемой территории стали улица Большая Черёмушкинская и Севастопольский проспект, разделившие исторические владения. С востока граница Советского района проходила по Варшавскому шоссе (исторически оправданная граница – межа села Никольского по Серпуховской дороге), а после развилки с Каширским шоссе – по линии железной дороги. А граница Черёмушкинского района с запада проходила по улице Вавилова (до улицы Гарибальди), далее по Ленинскому проспекту.

В марте 1977 г. за счет разукрупнения Советского и Черёмушкинского районов был образован Севастопольский район. В последний вошли основные территории нынешних четырех районов. В Черёмушкинском остались кварталы нынешних районов Академический и Черёмушки, расположенные западнее Профсоюзной улицы, а также юго-западный угол нынешнего района Черёмушки (между улицами Намёткина и Обручева).

10 июня 1991 г. были образованы административные округа. Как отметил первый мэр Москвы Г.Х. Попов, они создавались «без всякой логики» с целью разделения старых районов, чтобы районные партийные организации не смогли воссоздаться.

Рассматриваемые четыре района были созданы в составе Юго-Западного административного округа. Котловка и Зюзино образованы на территории прежнего Севастопольского района. Академический и Черёмушки – Севастопольского и Черёмушкинского.

В состав вышеназванных четырех районов вошли в основном исторические селения: Никольское Верхние Котлы, Знаменское Черёмушки, Троицкое Черёмушки, Шаболово, Зюзино, Волхонка, Марково. Конечно, границы районов и округов 1991 г. не совпадали с прежними межами. Так, восточная межа Никольского проходила по Серпуховской дороге, отделявшей село от земель Коломенского дворцового приказа (деревни Котлы, Чертанова). Но в 1991 г. земли прежнего села Никольского разделила граница между Юго-Западным и Южным административными округами, которую проложили по фарватеру реки Котловки. Восточная часть ее долины отошла к Южному округу.

Район Котловка ЮЗАО получил западную часть земель села Никольского, расположенную по левую сторону от русла древней реки. В этот район вошло также низовье долины речки Коршунихи, левого притока Котловки. Вдоль этой речки располагались прежние села Знаменское Черёмушки и Троицкое Черёмушки. При установлении границ районов оба они разделены улицей Большой Черёмушкинской. В район Котловка вошла та часть Черёмушек, что расположена восточнее этой улицы.

Граница района Котловка проходит по оси русла реки Котловки, далее по осям: Севастопольского и Нахимовского проспектов, улиц Кржижановского, Большой Черёмушкинской, северо-восточной границе полосы отвода Малого кольца Московской железной

дороги, юго-западным и южным границам полосы отвода соединительной железнодорожной ветки, оси русла реки Котловки, северо-восточной и восточной границам Помологического рассадника им. Ленина, оси Нахимовского проспекта до реки Котловки.

Район Академический ЮЗАО включает западную часть Черёмушек. Вдоль западной границы этого района (между улицами Ивана Бабушкина и Вавилова) расположена также небольшая полоса земли сельца Семёновского, протянувшаяся по обоим берегам глубокого Челбыженского (Кадашевского) оврага, где текла речка Чура. Юг Академического района расположен в верховье речки Коршунихи, на которой образован древний пруд, входивший в земли сельца Шаболова, а на южном берегу пруда находилась деревня Шаболовка, часть территории которой, примыкающая к пруду, также входит в район Академический.

Граница Академического района проходит по оси улицы Кржижановского, далее по осям Нахимовского проспекта и улицы Вавилова, северо-восточной границе полосы отвода Малого кольца Московской железной дороги, оси Большой Черёмушкинской улицы до улицы Кржижановского.

Район Черёмушки ЮЗАО располагается южнее Нахимовского проспекта, от него почти до улицы Обручева располагаются шаболовские земли, с частью деревни и усадьбой владельцев. Шаболовскими называются и земли в верховье Котловки – овраги Кривой, Старостин, Стрыгин, из ручьев которых слагалась речка. Некогда они входили в зюзинское имение. К зюзинскому имению, к колхозным землям села Зюзина относится и территория района, расположенная вдоль западной стороны Севастопольского проспекта, разрезавшего колхозные земли и ставшего здесь границей двух районов. Граница района Черёмушки проходит по осям улиц Обручева, Профсоюзной, Гарибальди и Архитектора Власова, Нахимовского и Севастопольского проспектов до улицы Обручева.

Район Зюзино ЮЗАО занимает часть земель прежнего села Зюзина, расположенных восточнее Севастопольского проспекта вплоть до полосы скверов, разместившихся на месте засыпанного Волхонского оврага, с ручьем, правого притока речки Котловки прежней межи между селом Зюзином и деревней Волхонкой (Изютино). Земли этой деревни располагаются восточнее этого оврага вплоть до Симферопольского бульвара, границы района Зюзино ЮЗАО и Нагорного района ЮАО. Вдоль Балаклавского проспекта – между ним и Херсонской улицей – и далее до Большой Юшуньской, располагаются земли прежнего сельца Маркова (включая пруд в парке – прежний технический пруд кирпичного завода Лазарева-Станищева, построенный в верховье Афонинского оврага). Сам завод располагался примерно на месте гаражей (от пруда до проспекта). Другая часть сельца Маркова вместе с остатками прежней усадьбы И.И. Житницкого и прудами находится южнее Балаклавского проспекта, в Зюзинском лесу Битцевского лесопарка. В территорию района Зюзино вошли также: южная часть земель села Никольского (деревни Елистратьевой) – к югу от Нахимовского проспекта до оси Сивашской улицы), а также небольшая часть земель деревни Чертановой – между Черноморским бульваром и Балаклавским проспектом.

Граница района Зюзино проходит по оси Севастопольского проспекта, далее по фарватеру русла реки Котловки, осям Нахимовского проспекта, Симферопольского бульвара и Балаклавского проспекта, северной границе территории природного парка «Битцевский лес» до Севастопольского проспекта.

Все четыре района смежны и вместе образуют единый массив, занимающий практически всю долину речки Котловки с ее притоками, ручьями и оврагами. У них единая историческая судьба не только в последние десятилетия, но и в древности.

Историческая память природного рельефа

Многие века, пробивая сквозь суглинки глубокое русло, течет к Москве-реке ее правый приток речка Котёл, называемый нынче уменьшительно Котловка.

Сегодня ее бассейн в среднем и нижнем течениях относится к двум административным округам Москвы. Большая часть, расположенная к западу от среднего течения реки, где она протекает с юга на север и принимает левый приток речку Коршунику, относится к Юго-Западному административному округу Москвы. Здесь, в бассейне Котла, после массового жилищного строительства 1960–1980-х гг. возникли жилые кварталы, вошедшие в 1991 г. в сегодняшние районы ЮЗАО Котловка, Зюзино, Черёмушки, Академический.

Правый берег реки, текущей здесь почти параллельно Серпуховской дороге (Варшавскому шоссе), и низовье реки, поворачивающей к востоку и неподалеку от пересечения с Серпуховской дорогой впадающей в Москву-реку, относится к Южному административному округу. И русло реки здесь в основном служит границей между двумя округами, разделяя этим историческое единство территории. Но, исследуя исторический процесс возникновения и бытования владений в бассейне Котла, на берегах реки и ее притоков, невозможно разделять его сегодняшними границами районов и округов. В разные времена здесь возникали границы разных владений. И сегодняшние, возникнув в свое время, могут уйти в прошлое.

Забудем на время нынешние границы, познакомимся со всеми владениями, возникшими на территории Котельского бассейна: села Никольское, Троицкое Черёмушки тож, Знаменское Черёмушки тож, Зюзино, сельцо Шаболово и деревня Шаболовка, деревня Волхонка Изютино тож и частично сельцы Кленково, Марково, пустошь Боташова.

Речка носит название Котёл (и левый приток Вздериношка) в межевых книгах уже с 1623 г. и на чертеже 1694 г.

На плане Генерального межевания 1766 г. названия речек изменились – Котёлка и левый приток Коршуника.

На картах 1848 г. и позже – Котловка и по-прежнему Коршуника. Эти названия сохранились донныне.

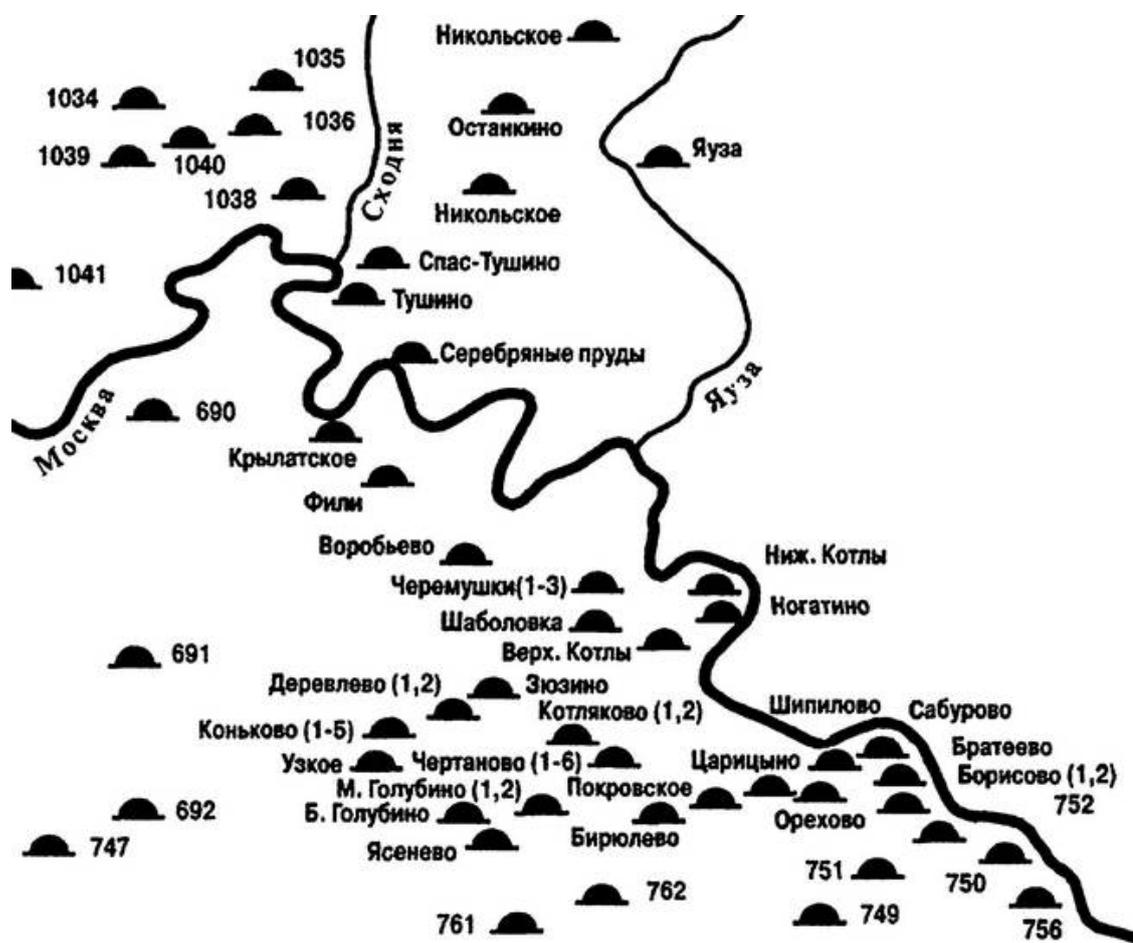
Курганные времена. Самые первые исторически известные жители этих мест – курганные племена. И не только вятические – XII–XIII вв., но и более ранние – дьяковской культуры.

К ним археологи относят Нижне-Котловское городище железного века (VII в. до н. э. – VII в. н. э.). В низовье речки, где она, обогнув деревню Нижние Котлы, пересекала Серпуховскую дорогу (позже Варшавское шоссе), в речку впадал небольшой правый отвершек. Здесь, на правом берегу, на высоком, крутом, уже не сохранившемся мысу между двумя оврагами (Котла и его правого отвершка), было найдено Нижне-Котловское городище.

Его открыл и обследовал (1893 г.) геолог Н.О. Криштафович. В городище были найдены: черепки горшков, сделанных от руки; бронзовая, витая из проволоки гривна, в окружности 5 вершков (возможно, детская); в нижних наслоениях – костяное острие, длиной в $3\frac{1}{2}$ вершка, заостренное с одного конца; кости рыб, птиц, млекопитающих, часто расколотые – остатки древней еды. По этим находкам Криштафович определил: городище – дьяковского типа¹. Историки и археологи фиксировали, а иногда и исследовали подмосковные курганы еще с середины XIX в. Не все из этих курганов раскапывались, и подавляющего большинства сейчас уже нет. Но все изученные археологические памятники позволяют сказать, что на землях Подмосковья и, разумеется, в Москве жили вятичи. Очень подробно о них написала Т.Н. Никольская в книге «Земля вятичей»². Она даже составила карту расположения

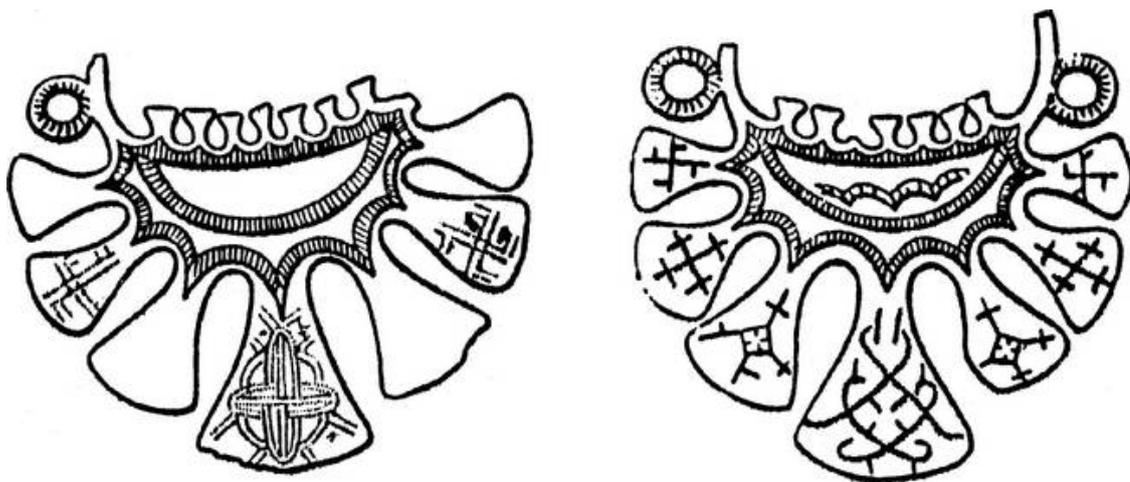
вятичских курганных комплексов, обозначив цифрами каждый курганный комплекс и определив по ним границы земли вятичей, располагавшейся в бассейне верхней и средней Оки и реки Москвы.

На фрагменте этой карты вместо цифр я поставила названия селений, близ которых расположены курганные комплексы Москвы и ее окрестностей. Как видно, курганы оказались около многих селений: Зюзино, Шаболовка, Черёмушки, Деревлёво и Коньково, Верхние и Нижние Котлы, Чертаново, Котляково, Покровское, Бирюлёво, Узкое, Ясенево, Большое и Малое Голубино, Фили, Воробьёво, Нагатино, Шипилово, Борисово, Братеево, Царицыно, Орехово. Кое-что, правда, упущено. В частности, на карту не нанесены курганы у селений Волхонка, Красново, Брёхово, Беляево, Тёплые Станы, Битцы, Тропарёво, Очаково, Никулино, Немчиново, Каменная Плотина, Спасское, Сетунь, Давыдково, Матвеевское, Зябликово, которые упомянул известный археолог О.Н. Бадер. (Называю только ближайшие к столице, южнее реки Москвы.)

Фрагмент карты курганных комплексов южного Подмосковья

Ученые пришли к выводу, что курганные комплексы являются, по сути, деревенскими кладбищами. Значит, близ каждой курганной группы существовало селение вятичей. А деревеньки были крошечные, две-три избы, не больше десяти. Вятичи жили крупными семьями, в нескольких километрах одна от другой. Курганные захоронения распространились среди вятичей к XII в., вытеснив погребение на столпах, на путях. Значит, все курганные захоронения можно относить к XII в. и позже³.

Височные кольца из кургана № 8 курганного комплекса «Зюзино-1»

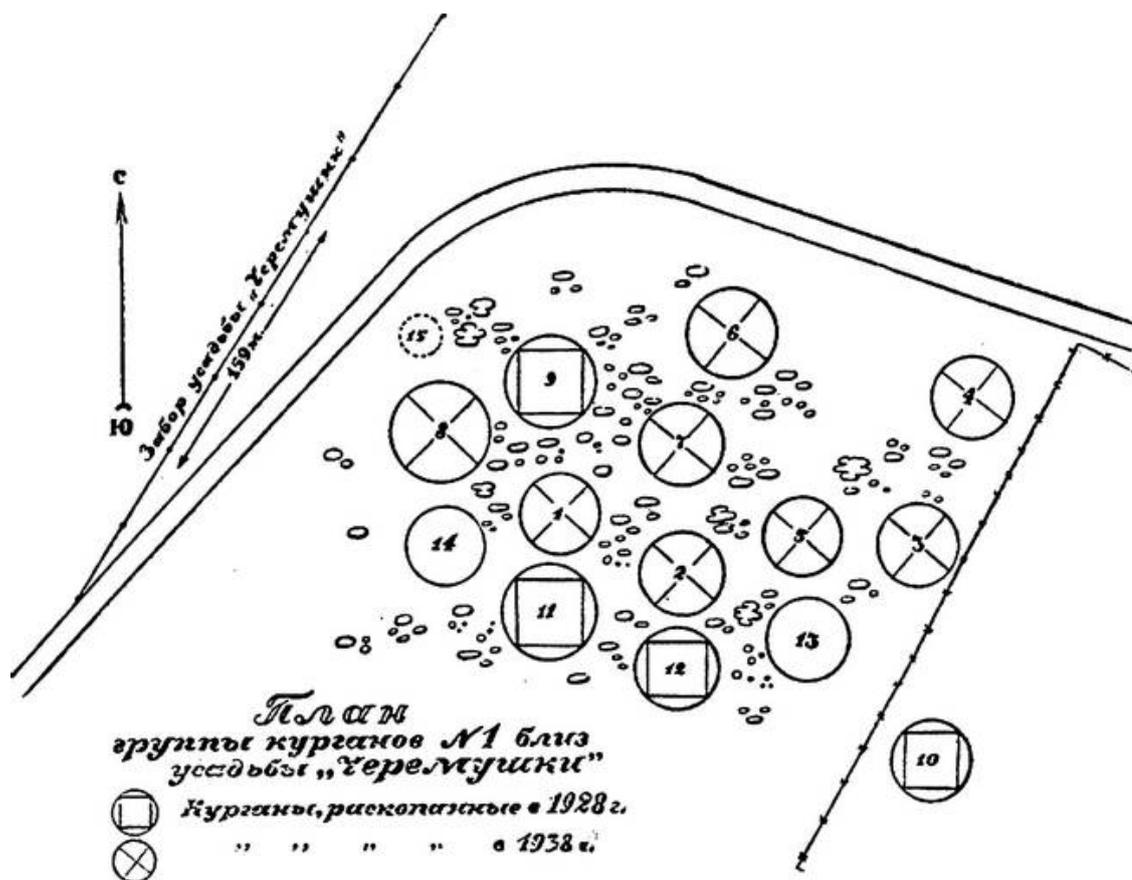
Несколько веков вятичи недвижимо жили в лесах своей жизнью, сопротивляясь поглощению соседними княжествами. Маститый археолог Б.А. Рыбаков, разбирая как пример поздние височные кольца с орнаментом из зюзинского кургана № 8, отмечал, что височные семилопастные кольца – один из основных отличительных признаков вятичей – на протяжении XII–XIV вв. менялись по форме, но одновременно на всей вятичской территории. Около трех десятков городов на земле вятичей занимались производством украшений в ремесленных мастерских, и это создавало «устойчивость и традиционность местных вкусов на протяжении нескольких столетий»⁴.

Сведения почти по всем курганным группам собрал из разных источников и классифицировал в 1947 г. О.Н. Бадер⁵.

В Верхнекотловском курганном могильнике, который находился у дачи Верещагина, за деревней Нижние Котлы, на правом берегу реки Москвы, раскопки проводились в 1909 г. Д.Я. Самоквасовым⁶. Здесь были найдены золоченые и сердоликовые бусы, орнаментированные перстни, кольца и горшки, а также «простые», более ранние, семилопастные височные кольца, характерные для вятичских курганов.

На территории около Черёмушкинского оврага с середины XIX в. археологи фиксируют подмосковные курганы. Три курганные группы были раскопаны неподалеку от села Знаменского Черёмушки.

Одна, самая большая – 14 курганов, находилась влево от шоссе в ольховой рощице между Домом агронома, располагавшемся во дворце Черёмушкинского имения, и военизированным лагерем Осоавиахима, использовавшего флигеля около оранжереи. Раскопки проводились в 1928 и 1938 гг. В курганах было найдено много вятичских вещей XI–XII вв. Глиняный горшок, браслет витой медный, семилопастные височные кольца, медный бубенчик, бусины из горного хрусталя, трехбусинное височное кольцо, ожерелье из стеклянных бусин – находки из черёмушкинских курганов подтверждают их вятичские истоки.

План расположения группы курганов № 1 в усадьбе Знаменское Черёмушки при раскопках 1928 и 1938 гг.

В кургане № 2 обнаружено два костяка – мужской и женский (пол определялся по вещам). У женского правая рука согнута в локте, кисть покоится на тазе. Мужской костяк обращен головой на юго-запад, а женский – на юго-восток.

Вторая курганная группа находилась приблизительно в 300 м от первой, в парке Дома агрономов, и состояла из двух небольших курганов, один из которых, раскопанный в 1938 г., тоже дал много предметов вятичских украшений XI–XII вв.

Третья курганная группа находилась на краю села, в огороде, в 70 м вправо от дороги, ведущей в деревню Шаболовку, и состояла из двух высоких курганов, которые не содержали ничего. Возможно, это не курганы, а просто кучи земли, образовавшиеся при углублении прудов, которые существовали на территории села Знаменское Черёмушки (судя по плану Генерального межевания 1766 г.).

Но первые две курганные группы, располагавшиеся на высоком берегу оврага, названного в XVII в. Черёмушкинским, свидетельствуют о наличии древнейших поселений XII в. в долине Вздериношки, на мысу между оврагом и речкой.

Шаболовские курганы находились тоже в двух местах. Один курган близ дома госпожи Ржевской в сельце Шаболове у Черёмушкинского шоссе и пять курганов на земле госпожи Ржевской в лесной даче Чищоба. Эта заповедная роща Чищоба еще при князьях Прозоровских входила в зюзинское имение и находилась на левом берегу речки Котловки, напротив заповедной рощи Грачевники, где был отмечен зюзинский курганный комплекс. Роща Чищоба – часть древнего селища Старое Шашеболцово, остатки рощи – в парке Сосенки нынешнего столичного района Котловка.

Волхонковский курганный могильник состоял из двух курганов, которые находились в одной версте от деревни Волхонки (что прежде была деревней Изютиной), в «Старой роще», в пашне надела села Зюзина. Сегодняшняя его примерная привязка: улица Азовская, 7.

В Зюзине на высоком берегу Котловки было найдено 22 кургана. За два сезона в 1949 и 1950 гг. археологи под руководством М.Г. Рабиновича раскопали тринадцать курганов. Во всех раскопанных курганах были обнаружены захоронения, мужские и женские. Костяк располагался на спине, головой на запад или с небольшим поворотом на юго-запад, лицо повернуто влево или вправо.

В женских захоронениях найдено более ста предметов украшений около сорока наименований: ожерелье и отдельные бусины сердоликовые и хрустальные, перстни витые, решетчатые, пластинчатые, рубчатые, браслеты витые и пластинчатые, кольцо поясное, гривны, крест каменный – символ благополучия на все четыре стороны и, конечно, семилопастные височные кольца. Височные кольца были разные: медные и серебряные, в большинстве без орнамента и только два кольца – у женского погребения в кургане № 8 – с орнаментом⁷.

Раскоп кургана № 6 курганного комплекса «Зюзино-1»

Курганы полушарной формы были сильно распаханы. Много веков они находились на территории заповедной сосновой рощи Грачевники (в XX в. – Грачи). А в годы войны роща у реки, с 1920-х гг. относившаяся к Битцевскому лесопарку, была вырублена и использовалась жителями села под огороды. Археологи не без основания полагали, что курганов могло быть больше и некоторые ранее были просто уничтожены – жителями для огородов или зенитчиками при обороне Москвы (в этом месте в годы войны дислоцировалась четырехорудийная 15-я батарея 329-го зенитного артиллерийского полка ПВО). На вершине самого большого кургана на плане № 18 (диаметр 15 м, высота 2,3 м) археологи обнаружили врытый металлический колпак укрытия. В книге «Культура средневековой Москвы» эта группа курганов зафиксирована как два курганных комплекса «Зюзино-1» (насыпи 14–22) и «Зюзино-2» (насыпи 1–13), раскопанные соответственно в 1949 и в 1950 гг. и расположенные в непосредственной близости друг от друга (по современным адресам, соответ-

ственно, улица Болотниковская, дом 48 и дом 52, корпус 3)⁸. Кстати, еще одна группа из семи курганов, в 150 м к югу от села Зюзина по дороге на Деревлёво, была обследована М.Г. Рабиновичем. Эти курганы тоже были безвозвратно утеряны, пять из них разрушены в годы войны – там дислоцировалась четырехорудийная 22-я батарея того же полка. А позже на этом месте проложен Балаклавский проспект с многоэтажными зданиями вдоль него. Современное обозначение этой группы курганов «Зюзино-3», на месте между домами 52–56 по Балаклавскому проспекту в 150 м от круга на пересечении Балаклавского и Севастопольского проспектов⁹.

Бассейн реки Котловки. Река Котловка, правый приток реки Москвы. Подробное исследование геометрических специальных планов селений, составленных при Генеральном межевании 1766 г., и полевых записок землемеров позволяют детально описать все овраги и ручьи, составившие обширный бассейн реки, несущей свои воды в Москву-реку уже много столетий.

План «Бассейн реки Котловки», составленный по специальным геометрическим планам Генерального межевания 1766 г. *Копия автора.*

Котловка образовалась при слиянии нескольких оврагов. Длинный *Старостин овраг* с ручьем имеет в верховье левый сухой приток *Волотухин овраг*, в вершинке которого образован *безымянный пруд*, у которого стояла *деревня Петровская*. Она входила во владение *сельца Воронцова*. Сельцо стояло выше, на холме, на суходоле, на водоразделе между бассейном реки Котловки и реки Раменки, на западной стороне Калужской дороги. Сейчас на месте деревни Петровской – сквер перед Институтом космических исследований на улице Обручева. В глубоком Волотухинском овраге стоит здание ЦКИ «Меридиан».

Верховья Старостина оврага доходят до земли деревни Деревлёвой, курганы которой отмечены среди отвершков этого оврага.

В Старостин овраг справа впадал сухой *Стрыгин (Стрыгинской) овраг*, у которого было два правых притока: большой *Гостевской овраг* и выше небольшой *Боташовской*.

Между этими оврагами расположена *пустошь Боташова*, которой около двухсот лет (1639–1834) владели Репнины, после них – действительный статский советник С.И. Муханов. Новый владелец обменял пустошь Боташову, перешедшую в 1843 г. в Удельное ведомство. Части пустоши сегодня входят в районы Зюзино, Черёмушки и в состав нынешнего Битцевского парка (угол у перекрестка Севастопольского и Балаклавского проспектов). Над Стрыгиним оврагом проходит крутой поворот Херсонской улицы.

Основной поток Котловки – ручей Старостина оврага – отмечен на сегодняшних картах между Хлебобулочным и Научным проездами, он протекает по территории Газпрома.

Ниже Стрыгина оврага в Старостин впадал небольшой правый приток *Безымянный овраг* с ручьем, а затем левый большой приток – *Кривой (Крутой) овраг* с ручьем. Длинный и широкий Кривой овраг, с отвершками в верховье, начинался почти у сельца Воронцова, поэтому окрестные жители села Зюзина в XX в. называли его *Воронцовским*. По широкой долине они ездили из Зюзина в Воронцово. У Кривого оврага имелся левый безымянный приток, ниже которого в русле Кривого оврага возникал ручей. В этом месте позже, при Екатерине Ивановне Козицкой, существовал пруд усадьбы сельца Шаболова, завершавший аллею обширного парка (отмечен на карте 1818 г.).

Ниже слияния ручьев Старостина и Кривого оврагов на плане Генерального межевания 1766 г. речка называется *Котёлка*.

В речку Котёлку впадают справа два сухих безымянных оврага – короткий и длинный, а затем *Волконской овраг* с ручьем.

Между длинным *Безымянным* и *Волконским оврагами*, на дороге, пересекающей речку Котёлку и ведущей к селу Ясенеvu, находилось село Борисоглебское (Борисовское) Зюзино тож. В длинном Безымянном овраге у села Борисовского устроен каскад из двух прудов, по запруде первого проходила дорога в поля. В XX в. крестьяне называли его *Медовой пруд*. Этот пруд сохранился до сих пор, рядом с ним – памятник героям Перекопа (нынешний адрес: Перекопская улица, 13).

На противоположной стороне села в длинном левом отвершке Волконского оврага располагался пруд, называемый в XX в. Лимонным, по запруде которого проходила дорога в земли сельца Изютина.

Несколько выше в том же отвершке Волконского оврага – каскад из двух прудов. Запруда нижнего стала дорогой в деревню Чертаново. В XX в. его называли *Средний пруд*. Второй – *Илюхин пруд*. Доныне сохранился Средний пруд. На месте Илюхина пруда выросла длинная пятиэтажка на перекрестке улиц Керченской и Каховки.

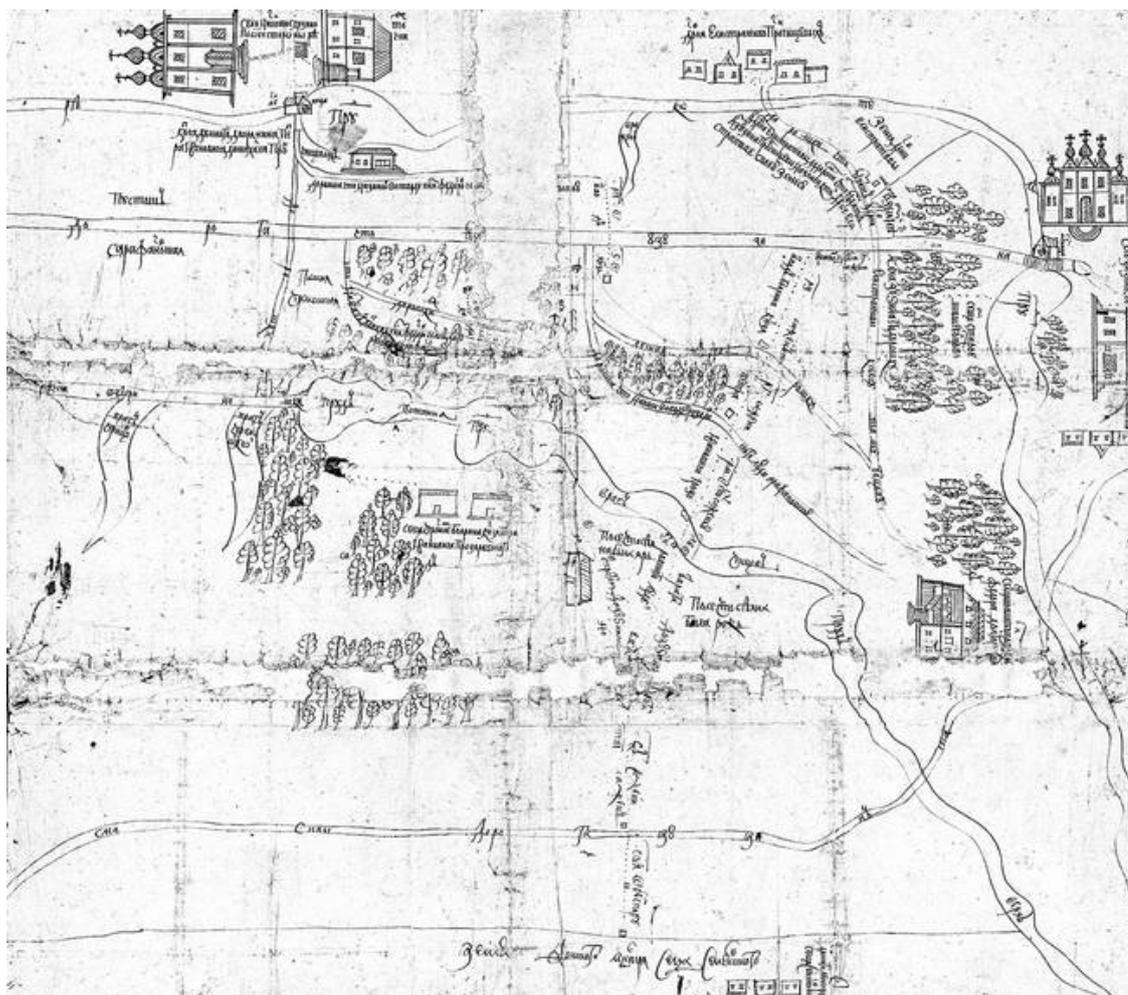
На правой стороне Волконского оврага размещались земли *деревни Изютиной*, что стояла «на враге у речки Котла», по плану она только углом прикасалась к долине Котла. В состав дачи деревни Изютиной входили также две пустоши: Чахловы Нижние и Чахловы Вышние Остаповское (Онтоновское) тож, последнюю пересекала Серпуховская дорога, к которой в начале 1700-х гг. перенесена деревня Изютина, названная в 1858 г. по-новому: Волхонка. В 1937 г. на земле этой деревни появился Сталинский поселок (рабочих автозавода им. Сталина), позже известный как поселок Волхонка-ЗИЛ.

Напротив устья длинного Безымянного оврага слева в речку Котёл вливался сухой *Винокуренный овраг*. Между ним и речкой при князе Б.И. Прозоровском образовалась *деревня, что была пустошь Новосёлки*. Вершина Винокуренного оврага подступает к *сельцу Шаболову* (в 1636–1646 гг. деревня Шашеболцово), где располагалась усадьба его владельцев. При Генеральном межевании 1766 г. крестьяне жили в отдельной от господского сельца *деревне Шаболовке*, разместившейся неподалеку, у вершины левого притока Котёлки *речки Коршунихи*, рядом с двумя прудами в русле речки: один копаный в виде прямоугольного бассейна, другой ниже по течению образован запрудой.

Ниже Винокуренного оврага вдоль левого берега Котла, до поворота его русла на северо-восток, располагалась пустошь (селище) Старая Шаша (на чертеже 1694 г. сельцо Старое Шашеболцово). Расположение селища обнаружено на старинном чертеже 1694 г., который много лет находился на реставрации и до сих пор не опубликован¹⁰. Все селения в долине Котла, о которых будет идти речь в этой книге, изображены на этом чертеже, поэтому в каждой главе будет идти о нем речь.

По берегам Котла еще сохранились сосны древней заповедной рощи, изображенной на чертеже. Судя по названию, здесь и возникло Шашеболцово (позже Шаболово), к XVII в. переместившееся выше по течению Котла, ближе к проходившей там дороге из Москвы, пересекающей Котёл в его верховье и отдельными ветвями уходящей в Зюзино и Ясенево. Здесь же возник и проспект нового сельца Шашеболцова, проложенный по водоразделу Котла и Коршунихи, текущих здесь с запада на восток, и соединяющий Калужскую и Серпуховскую дороги. А пустошь Старое Шашеболцово к середине XVII в. принадлежало уже владельцам села Зюзина.

Овраг, в котором протекала Коршуниха, на чертеже 1694 г. назывался *Чернецев*, а сама речка – *Вздериношка*, у него было два левых притока, один из них – Черёмошский овраг с ручьем, который в 1630 г. стал межой между двумя полупустошами Черёмошье. На одной половине пустоши, по правую сторону от Черёмошского оврага, вскоре образовалась *деревня Черёмошье* (1633), ставшая много позже *селом Знаменским Черёмошки тож* (1745). А другая половина пустоши стояла впусе до 1732 г., в котором тогдашний владелец поставил здесь Троицкий храм и дворы для крестьян – так возникло *село Троицкое Черёмошки тож*.

Чертеж земель разных владельцев у села Зюзина. 1694 г.

Земли села Знаменского Черёмушки тож, смежные с Шаболовом, разместились по обе стороны речки Коршунихи. Здесь, на Коршунихе, был устроен каскад прудов, сформированных в виде прямоугольных бассейнов. На территории усадьбы было еще несколько прудов разных форм в стороне от русла реки, несомненно, копаные – под прудами и каналами в 1766 г. значилось 13 дес. 1620 кв. саж. Крестьяне в Знаменском не жили, ни пашни, ни покоса во владении не было, усадьба с обширным парком находилась в лесу.

Земли села Троицкого Черёмушки тож располагались смежно с селом Знаменским, ниже его по течению Коршунихи, только по ее левому берегу.

Институт археологии РАН
Сектор Археологии Москвы

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ЛАНДШАФТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОПОРНЫЙ ПЛАН

древнего села Никольского на Котле
(район Нагорное ЮАО г. Москвы)

Москва. 2006 г.

Титульный лист, где на приведенной фотографии промзоны расположена фотография храма над тем местом, где он находился

По правому берегу Коршуники и по обе стороны Котла располагались земли села Никольского. На правом берегу Котла, где ныне Коробковские сады, находилась деревня Елистратьева.

На ручье, протекающем через Коробковские сады, существует каскад прудов. В устье Елистратьевский ручей делится на два потока, расширяющие болотистое низовье.

Там, где когда-то было древнее село Никольское, насыпана гора грунта, вынутого при проходке метро, на которой устроен горнолыжный спуск. Глядя на вершину этой насыпи, можно только в воображении увидеть, что один из древнейших московских храмов – храм Святого Николая – стоял там, на высоком берегу, среди нынешней промзоны.

Место его нахождения, с любезного разрешения археологов С.А. Смирнова и С.З. Чернова, можно увидеть на иллюстрациях к их работе.

Это самое древнее селение в окрестности, с самым древним храмом. С него и стоит начать знакомство с историей территории районов.

Котельские древности

История владельческой дачи. Ранние упоминания в летописях, относящиеся к 6898 (1390) г., связывают речку Котёл и стоявший у Котла храм Святого Николы, бывший местом торжественной встречи почетного гостя: «Тоя же зимы прииде Киприанъ митрополить въ Кіевъ изо Царяграда, от патріарха благословень... на Кіевъ и на всю Русь... и прииде къ Москве в великое гов#ние, на Средокрестной нед#л#...

И ср#те его самъ князь велики Василей Дмитреевич съ матерію своею великою княгиною Евдок#ею, и з братьею, и з бояры, и со вс#ми христіаны, на Котле, и благословися отъ него съ матерію своею, и з женою своею, и з братьею, и з бояры, и со вс#ми христіаны, и бысть радость веліа и поидоша въ градъ Москву...

И облечеса въ святителскій санъ Киприанъ митрополить у Николы у Стараго, и поиде во градъ Москву съ кресты, съ священнымъ събором, къ пречист#й Богородиц#, и с#лз на своемъ столе митрополст#мь...¹¹

В лето 6912 июня в 22 [июнь 1405 г.]... Киприанъ митрополить отпустилъ в Новгородъ Ивана архіепископа, а былъ [Иоанн] на Москве въ поиманіи 3 л#та и 6 м#сяцевъ, а сид#лъ в манастыр# у Николы у Стараго» (6909–6912, январь 1402 – июнь 1405 г.)¹²

В 1543 г. 21 декабря в Жалованной льготной грамоте великого князя Ивана IV Васильевича архимандриту Симонова монастыря Савве на все монастырские владения было упомянуто и Ратуева стана село Никольское на Котле и пожалованы «лготы ото всех своих пошлин на два года... А в те им два года теми своими крестьяны делати церковь...», которая к тому времени обветшала¹³.

Неожиданный путь встречи крымских гонцов, следовавших по Серпуховской дороге, описан в «Разрядной книге 1638 г.»: 23 мая 1638 г. гонцов ждали у Калужских ворот – «за Москвою рекою по Колужской дороге...

Боярин князь Андрей Андреевич Голицын с полчаны своими стоял по Колужской дороге у Крымского двора и от Крымского двора по Колужской дороге до повороту с Колужские дороги на Серпуховскую дорогу на Котёл для тово, что крымские гонцы с приставом с Котла ехали на Колужскую дорогу.

Боярин Борис Михайлович Салтыков стоял с повороту Колужские дороги до Котла, а полчаны ево стояли по полю по обе стороны дороги.

Окольничей Михайло Михайлович Салтыков стоял на Котле, а полчане ево стояли по Котлу и за Котёл по Серпуховской дороге»¹⁴.

Дорога от Калужской до Серпуховской дороги проходила по земле сельца Шаболова между оврагами двух речек – Котла и его притока Вздериношки – и вела к селу Никольскому. Дороги вдоль Котла и за Котёл хорошо видны на «Чертеже земель разных владельцев у села Зюзина. 1694 г.», который представлен на стр. 21 и описан ниже в главе о Знаменском Черёмушках, потому что стал результатом полувековых споров, завершившихся при владельце сельца Черёмышья боярина П.И. Прозоровского.

За этим чертежом, который был недоступен много лет, таилась загадка, речь о которой в следующей главе. А сейчас о селе Никольском.

Вотчиной Симонова монастыря была земля, расположенная у слияния Котловки и Коршунихи между руслами речек. А выше правого отвершка Котла, где была устроена запруда, она располагалась по обе стороны Котла и вдоль левого берега отвершка доходила до Серпуховской дороги. До XVII в. вотчиной значилось село Никольское с храмом Святого Николы, в 1623 г. записана запустевшая деревня Котельская, с давно отсутствующим храмом, в 1627–1629 гг. – уже пустошь, что было сельцо Никольское, по обе стороны речки Котла («пашни

наездом пахано средние земли 20 чети да перелогом и лесом поросло 210 чети в поле, а в дву потому ж»).

По левому берегу Коршунихи и ниже, по левому берегу Котла, располагались земли Даниловского монастыря, а по правому берегу Котла – земли деревни Котёл Дворцовой Коломенской волости (в межевой книге 1623 г., в описях документов Дворцового ведомства 1675–1677 гг. название этой деревни писалось в единственном числе, как и у речки, на которой она стояла и от которой происходило название деревни).

Рядом с этой вотчиной Симонова монастыря, выше по реке, по обе стороны Котла, находилось сельцо Козино а Копытово тож, расположенное между сельцом Никольским и деревней Елистратьевой. И на чертеже 1694 г. отмечена граница – овражек – между землями сельца Козина и деревни Елистратьевой. Сельцо Козино – самое раннее в этих местах владение Прончищевых.

До 1628 г. поместьем владел Осип Яковлев сын Прончищев, а затем сельцо перешло к его сыну Афанасию.

Осип Яковлев сын Прончищев – внук Ивана Васильевича Прончища, выехавшего из Польши на службу к великому князю Ивану III Васильевичу. Начав службу в 1613 г. воеводою в Галиче, О.Я. Прончищев был позже головой в Казани, в Калуге, послом в Швеции, объезжим головой по Москве, воеводой в Уфе (1618–1622). Позже – переписчик в Кевроли, посол в Крыму (1625), где он имел чин стольника.

Сын его Афанасий Осипов сын Прончищев как московский дворянин упомянут в боярской книге 1625–1626 гг. В 1628 г. назначен был «укладчиком» для царских походов. Довверенное лицо.

Он сумел использовать свое положение и в том же 1628 г. увеличил доставшееся ему от отца поместье.

Тем же 1628 г. Афанасий Осипов сын Прончищев записан владельцем поместья – деревни Елистратьевой а Ристово и Рылеево тож, расположенной южнее Козина, выше по Котлу («в деревне двор помещиков, в нем деловые люди, двор прикащиков, да два двора деловых людей, да двор бобыльский, лесу непашенного по Большой Серпуховской дороге и по другой стороне речки Котла по князь Богданов рубеж Долгорукова, по дорожку, что ездят от Зюзина на Сарафановскую пустошь, 10 дес.»). Деревня Елистратьева оказалась старым поместьем Афанасия, подтверждением чего стала память из Поместного приказа, выписанная дьяком Венедиктом Маховым. В той же памяти дьяк Венедикт Махов подтвердил и переход Афанасию отцовского поместья, сельца Козина.

Когда Афанасий Прончищев приобрел – и сразу в вотчину – пустошь Сарафанову, – неизвестно, но в писцовых книгах 1627–1628 гг. по приправочным книгам с продажных книг он значится владельцем вотчины – пустоши Сарафановой, межи которой описаны тут же: в межах «земля Симонова монастыря у рч. Вздериношки; пустошь *Коршунова* – Тимофея Васильчикова; поместное сельцо *Козино* – его ж Аф. Прончищева; дорога зюзинская». Это описание и изображение пустоши на чертеже 1694 г. не равнозначны – пустошь к концу XVII в. значительно увеличилась.

Тимофею Никитичу Васильчикову вместе с пустошью Коруниной Коршуново тож принадлежала и пустошь Ефонино (поместье было дано еще его отцу Никите Григорьевичу Васильчикову в 1587 и 1588 гг.). Но когда в 1631 г. стольнику Василию Ивановичу Стрешневу было отказано поместье бездетного Тимофея Васильчикова: «Пуст. Коршунова а Корунино тож на Черном враге, пустоши *Захарово* и *Обводная* на речке Котле, пустошь *Подберёзная* в верх речки Городенки. Пуст. *Ефанову*, 16 четвертей в поле а в дву потому ж, тоже отказано, но такой нет... И сказали сторонние люди деревни Ногатинской: «Пахали-де мы из оброку у Тимофея Васильчикова его те пустоши, которые ныне даны Василью Ивановичу Стрешневу с пустошью Сарафановой, которая в выписи написана пустошь Ефанова, а пустоши де Ефа-

новой мы не знаем, а владеет тою пустошью Сарафановою Тимофея Васильчикова Офанасей Прончищев другой год, а почему владеет тою пустошью, того мы не ведаем...»

Удачно приобрести в вотчину чужую пустошь Сарафанову Афанасию Прончищеву удалось не без помощи дьяков, возможно, того же дьяка Венедикта Махова, который выписал ему память и на деревню Елистратьеву.

В 1632 г. Афанасий Прончищев отбыл послом к султану в Константинополь.

Вернувшись еще до 1634 г., А.О. Прончищев расширил владение – приобрел запустевшую вотчину Симонова монастыря пустошь, что было сельцо Никольское. И, поставив в Козине крестьянские дворы, назвал его селом. И хоть храма в Никольском еще не было, но действовал поп Никольский Спиридон Власьев – присутствовал от села Козина в числе понятых на отказах в смежных владениях и в 1634, и в 1636 гг.

В 1635 и 1636 гг. А.О. Прончищев годовал воеводою на Ваге, в 1638 г. – на службе дворянином при воеводе в Туле. В 1642–1648 гг. Прончищев – межевой судья при пограничных спорах с Польшей. Только к 1646 г. дворянин Афанасий Осипов сын Прончищев, выхлопотав разрешение у Синода, сумел построить на правом берегу Котла деревянную церковь Николая Чудотворца да Зосима и Савватия Соловецких чудотворцев, которая была освящена как храм Николая Чудотворца.

Одновременно со строительством храма Прончищев поставил на другом берегу Котла дом вотчинников и поселил в него деловых людей.

В 1649 г. А.О. Прончищев – посол в Швеции, в 1652 г. – посол в Польше. 2 февраля 1654 г. он пожалован в думные дворяне и с тех пор принимал участие при «ответе у бояр» посланником в посольской избе. В том же году был приставом у царицы Грузинской, в следующем – приставом при патриархе Антиохийском Макарии, который долго гостил в Москве. А в 1656 г. А.О. Прончищев назначен наместником Боровским. Скончался в 1660 г.

Уже после кончины А.О. Прончищева его сын Иван прибавил к своей Никольской вотчине небольшую дачу пустоши Коршуновой, которая располагалась на речке Коршунихе внутри его земель.

Как сказано выше, в 1628 г. пустошь Корунина Коршунова тож была дана в поместье боярину Василию Ивановичу Стрешневу, а в 1661 г. по его подписной челобитной ему же продана в вотчину. В том же году боярин В.И. Стрешнев эту пустошь продал боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому, который продал пустошь Федору-меньшому Ртищеву, но та вотчина была за ним не записана. В 1663 г. окольничий Федор Михайлович Ртищев эту вотчину брата своего Федора-меньшого Ртищева пустошь Коршунову продал думному дворянину Ивану Афанасьевичу Прончищеву¹⁵.

И.А. Прончищев, начав службу в 1640 г., уже в 1644 г. продолжил посольскую службу отца: стольником он состоял при посольстве в Литву. В 1655–1656 гг. – рында царя Алексея Михайловича.

В 1658 г. участвовал в переговорах со шведами на реке Плюссе, где проходила тогда западная граница Московского государства, и в заключении перемирия с ними.

В 1661 г. как стольник и наместник Елатомский участвовал в мирных переговорах со шведским королем Карлом-Густавом и в заключении в Кардисе договора о вечном мире, а во главе посольства стоял его сосед по Черёмошкам Иван Семёнович Прозоровской.

В 1661 г. – пожалован в думные дворяне и назначен послом в Швецию, куда ездил и в 1662, и в 1663 гг.

В 1663 г. как думный дворянин и наместник Елатомский Иван Афанасьевич Прончищев был приставом у английского посланника. В 1677 г. на месте обветшавшей деревянной Никольской церкви, построенной отцом, Иван Афанасьевич Прончищев построил новую каменную церковь Знамения Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, но она

не была освящена новым антиминсом – осталась Никольским храмом, и по книгам Чудова монастыря уставника записано: «Прибыла вновь церковь Николая чудотворца»¹⁶.

Одновременно с каменным храмом И.А. Прончищев поставил на Котле запруду с мельницей.

К переписи 1678 г. вотчина Ратуева стана окольного И.А. Прончищева – село Знаменское Никольское и Козино тож, деревня Елистратьева, да прикупная деревня Коршунова – достигла, пожалуй, своего максимума. В селе – двор вотчинников, в котором жили приказчик, конюх, псари; при мельнице жил мельник; да за двором 3 двора деловых людей (20 душ), в 8 крестьянских дворах – 28 душ; в 2 бобыльских дворах 20 душ, да 2 бобыльских двора пусты; в деревне Коршунове – двор вотчинников с дворовыми людьми, да 2 бобыльских двора пусты; в деревне Елистратьевой в одном крестьянском дворе – 3 души, да 3 крестьянских двора пусты¹⁷.

В 1678 г. И.А. Прончищев, в чине окольного и наместника Чебоксарского, участвовал в совершении договора с польскими послами. В 1681 г. великим и полномочным послом отправлен на посольский съезд в Швецию, в дворянах при нем находился его сын стольник Михаил Иванов и еще четверо Прончищевых, его дальних родственников.

В промежутках между посольскими назначениями И.А. Прончищев выполнял и многие другие государевы службы и начальствовал в приказах: 1662–1663 гг. – приказ Большой казны и Монастырский приказ, 1668 г. – приказ Большого прихода, 1674–1675 гг. – Разбойный приказ. В 1670–1673 гг. И.А. Прончищев – второй воевода в Казани.

А в ноябре 1673 г. он вместе с первым казанским воеводой князем А.А. Голицыным и дьяками был приглашен в село Преображенское, где служилые люди удостоены были чести – быть «у руки» царя. Как видно, за казанскую службу окольный Иван Афанасьевич Прончищев был награжден титулом наместника Елатомского, с которым в 1674–1675 гг. начальствовал в Разбойном приказе.

В 1680 г. великий и полномочный посол окольный Иван Афанасьевич Прончищев, а с ним в товарищах Емельян Украинцев, был послан к польскому королю Яну Казимиру, с которым было подписано продолжение перемирных лет на 13 лет и 6 месяцев.

В 1682 г. окольный Прончищев присутствовал на соборе, уничтожившем местничество. В 1687 г. Иван Афанасьевич умер.

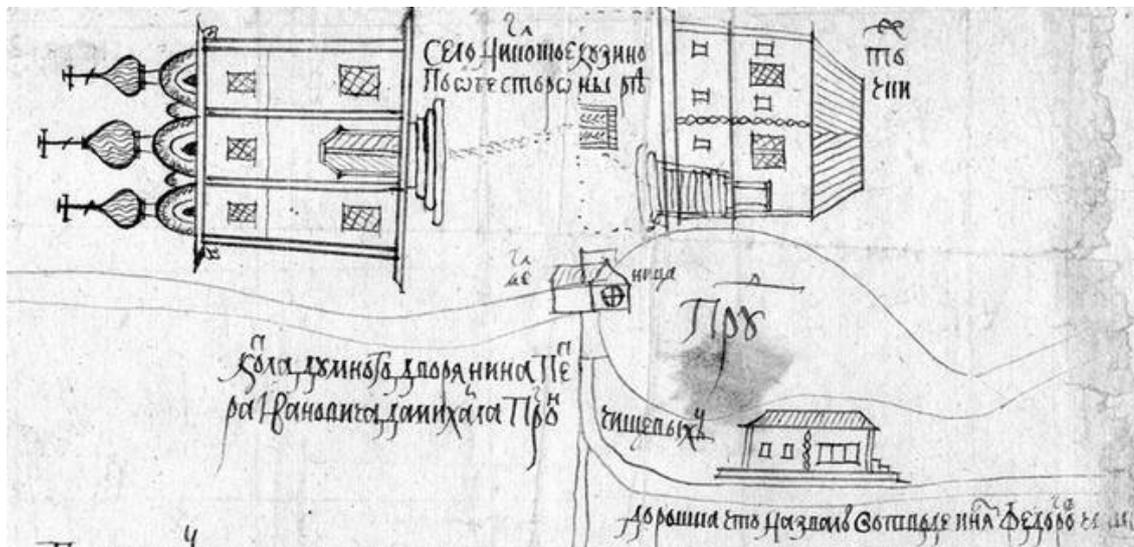
Его сын стольник Пётр Прончищев обозначен уже в разрядных книгах 1667 г. Вскоре он тоже продолжил посольскую службу, как отец и дед. В 1670-х гг. П.И. Прончищева часто назначали быть «головою у сотни жильцов» при торжественных встречах за городом иноземных послов, приезжавших в Москву.

Около 1682 г. Пётр Иванович Прончищев был пожалован из стольников в думные дворяне. А в 1685 г. отправлен с посольством в Швецию. В 1687 г. П.И. Прончищев – полковой воевода в Чугуеве. В земляной тюрьме Боровско-Пафнутьева монастыря в 1675 г., как известно, окончили свою жизнь и похоронены известные ревнительницы старой веры: дочери окольного Прокопия Соковнина боярыня Феодосия Морозова и княгиня Евдокия Урусова. Как записано в синодике монастыря, Евдокия Урусова – племянница Пелагеи Ивановны, жены Ивана Афанасьевича Прончищева. Возможно, именно поэтому здесь похоронена Анна Прончищева (? – 26 марта 1692, Пафнютин монастырь, Архангельская церковь), девица, дочь окольного И.А. Прончищева. А позже – и Пелагея Ивановна, имя которой Пётр Иванович Прончищев внес в 1698 г. в синодик монастыря. Самое раннее изображение села Никольского с храмом в рисунке можно видеть поверху чертежа 1694 г. (приведен выше).

У реки Котла изображен построенный И.А. Прончищевым каменный храм во имя святого чудотворца Николая и Знамени Пресвятой Богородицы с подписью: «Село Никольское

Козино тож по обе стороны речки Котла думного дворянина Петра Ивановича и Михаила Прончищевых». Оба престола в храме за одним иконостасом.

Рядом с храмом нарисованы рубленые хоромы о двух этажах (клеть с подклетью), высокая лестница ведет на жилой второй этаж. Изображены и резные ворота. Их, возможно, поставили владельцы села тех лет – братья думный дворянин Пётр Иванович и стольник Михаил Прончищевы.

Село Никольское Козино тож. Фрагмент чертежа 1694 г.

Вправо по чертежу – вверх по речке Котлу – земли сельца Козина, расположенного по обе стороны речки. Им владел Афанасий Осипович Прончищев до приобретения Никольского. Овражек справа (левого притока Котла) – граница между Козином и деревней Елистратьевой.

На чертеже обозначена межа деревни Елистратьевой, которой с 1628 г. владел А.О. Прончищев, и ее территория оказывается необычно большой – по обе стороны речки Котла и даже по Ченцову врагу, в меже с сельцом Шашеболцовым, и пустошь Сарафановская. Но слияние рек Котла и Вздериношки осталось за пределами чертежа. Позже она сократилась.

Показана и граница между землями деревни Елистратьевой и села Зюзина, и сельцо Старое Шашебольцево с рощей – владение села Зюзина, и пруд с мельницей на Котле.

Несколько лет, пока шел спор и размежевание владения сельца Черёмошья князя П.И. Прозоровского с владением Шашеболцова князя Ф.Б. Долгорукого. Прончищевых это как бы не касалось. Они пользовались пустошью Черёмошьем «опче» – как хочется. Но после установления в 1694 г. межи с Шашеболцовом Прозоровский настоял на размежевании и с Прончищевыми, на что ушло еще два года.

Назначенный во владимирский Судный приказ Пётр Иванович Прончищев оставался в нем до его упразднения в 1699 г. Скончался в 1700 г.

В 1701 г. Боровско-Пафнутьеву монастырю от его имени было пожертвовано кадило серебряное чеканной работы в память митрополита Петра, московского чудотворца.

Вскоре и Михаил Иванович Прончищев (1655–1702), как и сестра, умер и похоронен в монастыре.

Одни Прончищевы складывали вотчину, другие стали ее делить. После кончины Петра Ивановича (1700), а вскоре и Михаила (1702) Прончищевых внуки Ивана Афанасьевича Иван Петрович и Анна Михайловна, вышедшая замуж за стольника Алек-

сандра Тимофеевича Ржевского, полюбовно разделили земли. В состав имения тогда входило село Никольское и полпустоши Черёмошье.

Ивану Петровичу Прончищеву и Александру Тимофеевичу Ржевскому досталось по половине этого имения. Первому отошла основная часть села Знаменского Никольского Козино тож вместе с храмом, полдеревни Елистратьевой, треть деревни Коршунова Серакино тож.

А Анне Михайловне с мужем А.Т. Ржевским – другая половина села Знаменского Никольское и Козино тож и деревни Елистратьевой на реке Котле, а также деревня Поклонная Гора («едучи от Москвы по правую сторону Серпуховской дороги»).

К 1710 г. опустели деревни села Никольского: Коршунова – на Чернцове враге, Елистратьева, Поклонная Гора – вдоль Серпуховской дороги, крестьян из которых переселили в село Знаменское. Тогда же в соответствии с указом Петра I были поставлены крестьянские дворы для приема постояльцев напротив такого же постоянного двора дворцовой деревни Котёл на Серпуховской дороге, которая была межой между дворцовой деревней Котёл и землями села Никольского на Котле. Так и возникло множественное число названия деревень – Котлы. В селе Никольском деревня из постоянного двора сформировалась только к Генеральному межеванию 1766 г. Но так как она была выше по течению речки, постепенно возникло уточнение: Верхние Котлы. А дворцовую деревню стали называть соответственно – Нижние Котлы, хотя в официальных документах она очень долго значилась по-прежнему: деревня Котлы Дворцового ведомства.

У Ивана Петровича Прончищева, как видно, потомства не было. И в перепись 1722–1727 гг. Государственной Юстиц-коллегии прокурору Александру Тимофеевичу Ржевскому принадлежало уже все село¹⁸.

По челобитью А.Т. Ржевского о строении новой церкви взамен обветшавшей церкви 12 декабря 1727 г. был запечатан указ: велено ему строить в вотчине его «каменную церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы да придел Николая Чудотворца. Ветхие своды и стены починить вновь, а как построены будут, и тоя церковь и придел освятить...»¹⁹

Когда старшая дочь Ржевского Дарья вышла за морского флота лейтенанта князя Ивана Михайловича Одоевского (1702–1775), родители решили отдать ей село Знаменское Никольское и Козино тож с деревнями. В 1738 г. президент Государственной вотчинной коллегии А.Т. Ржевский вместе с женой Анной Михайловной отдали все село Никольское «в приданство» дочери Дарье Александровне, у которой с Иваном Михайловичем Одоевским родилось трое детей: Сергей (1735) и близнецы Пётр и Евдокия (1742). Дарья Александровна умерла до 1754 г.

В исповедных ведомостях Пречистенского сорока того года в приходе церкви Всемилостивейшего Спаса или Пятницы Божедомской, в соседних домах отмечены два семейства: № 9 – генерал-майор Александр Тимофеевич Ржевский – 63 лет, его жена Анна Михайловна – 63 лет, дочери девицы Екатерина – 34 и Анастасия – 32 лет; а в № 10 – Мануфактур-коллегии советник князь Иван Михайлович Одоевский – 43 лет и его дети: лейб-гвардии Семёновского полка сержант Сергей – 19 и близнецы Пётр 12 и Евдокия – 12 лет.

Князь Иван Михайлович Одоевский владел селом Никольским до 1764 г.²⁰

В том году у села Троицкого Черёмошки тож было два владельца. У генеральши вдовы Анны Михайловны Ржевской оставался только двор с дворовыми людьми, а все село стало вотчиной Александра Ивановича Головина.

А позже Головин успел приобрести у Ивана Михайлова Одоевского и вторую часть имения – село Никольское. Но в 1766 г. Головин умер, и приобретенные села разделили между собой его наследницы – жена и дочь. Село Никольское получила дочь – Анна Александровна Голицына, бездетная вдова князя Михаила Васильевича Голицына.

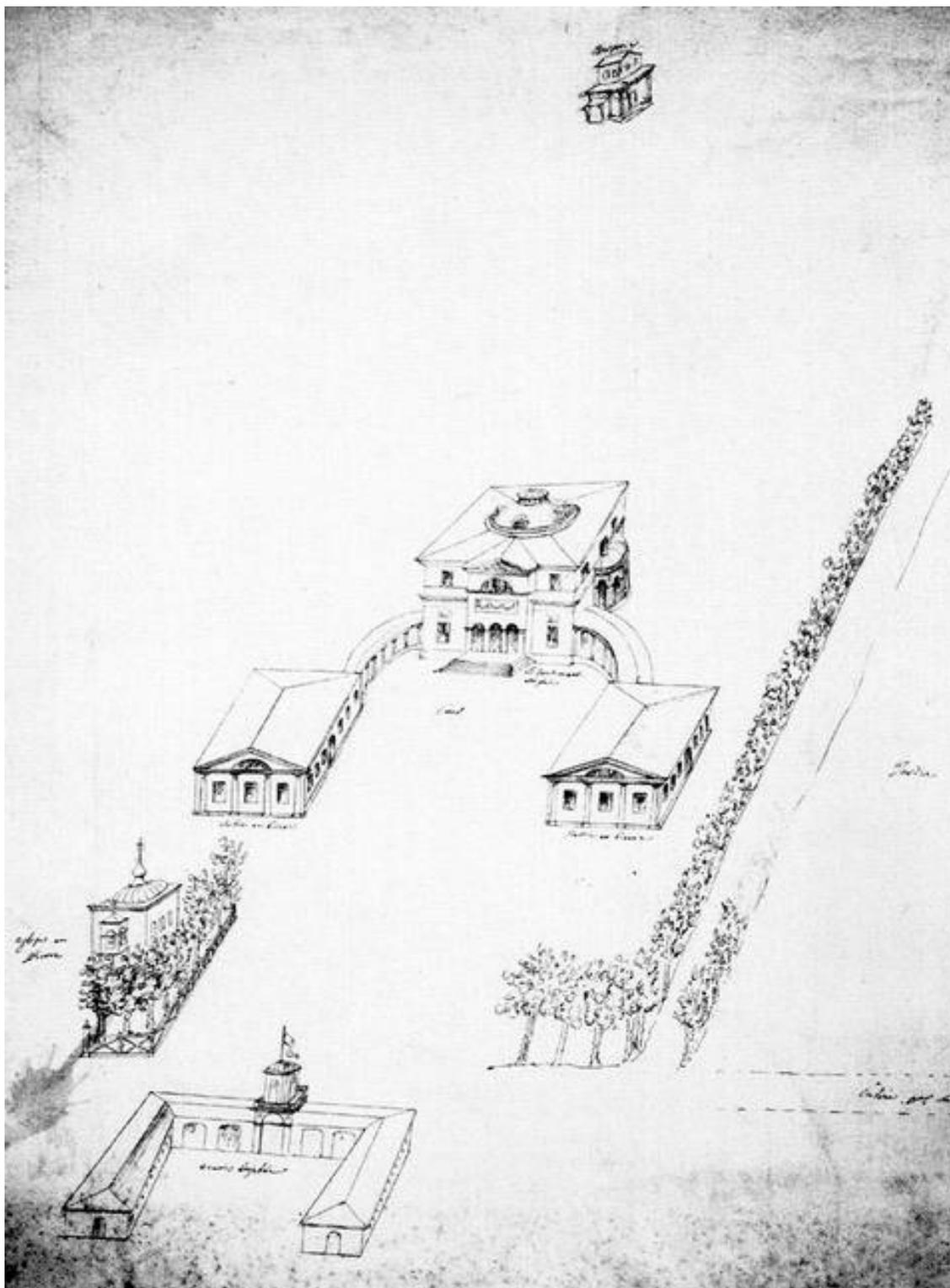
При Генеральном межевании 15 сентября 1766 г. она записана владелицей села Никольского и деревни Котлов «...с выделенной церковной землей, село по обе стороны речки Котёлки. Церковь деревянная Св. Николая Чудотворца. Деревня Котлы на суходоле при Большой Серпуховской дороге. Церковная земля на суходоле ж. Земля иловатая, хлеб и покосы средственны, лес строевой еловый и липовый. Крестьяне на пашне». В селе и деревне было 30 дворов (118 мужчин и 97 женщин). Под селениями 3 дес. 2039 кв. саж., пашни 158 дес. 1131 кв. саж., сенные покосы 10 дес. 500 кв. саж., лес 198 дес. 2091 кв. саж., неудобья 23 дес. 1739 кв. саж., всего 388 дес. 200 кв. саж.

Сын Екатерины князь Александр Николаевич Голицын (1769–1817) в 1786 г. стал наследником всего, что сумел скопить и скупить адмирал Александр Иванович Головин и что осталось от бабушки Марьи Ионичны Головиной и тети княгини Анны Александровны Голицыной, бездетной сестры его матери, в том числе сел Никольского и Троицкого Черёмушки, которыми он владел до 1809 г.

(Прошу не путать этого Голицына с полным тезкой, Александром Николаевичем Голицыным, бывшем несколько младше возрастом (1773–1844), оставшимся холостым, другом императора Александра I, ставшего главой Министерства духовных дел и народного просвещения (1816–1824), членом Государственного совета (с 1810 г.), сенатором (с 1812 г.). Этому А.Н. Голицыну – по ошибке тоже – приписывают шалости молодости, которые совершал другой, старший Александр Николаевич, потомок Головиных.)

Семнадцатилетний князь Александр, получив наследство, владел не только огромными землями, но и десятками тысяч крепостных и вскоре стал известен как расточительный мот, получивший прозвище Cosa-Rara (переводится как «редкая вещь»).

Пятнадцатилетняя княжна Мария Григорьевна Вяземская (1772–1865), появившись в свете в 1794 г., произвела фурор: все восхищались ее красотой и прочили ей богатых женихов. И такой жених появился: князь Голицын хоть и был известен как картежник – но кто тогда не играл в карты? – а ведь богат и молод, всего 25 лет. Как вспоминали современники, князь был вспыльчив, неделикатен и самовлюблен, но умел пустить пыль в глаза: его расточительность поражала всех. Он разжигал трубки ассигнациями, бросал извозчикам золото, а цыганкам – драгоценности. Юная княжна его попросту боялась. И когда он посватался, она умоляла родителей не выдавать ее за Голицына. Но Вяземские согласились, и князь Александр подарил невесте на свадьбу такой роскошный убор из жемчугов и бриллиантов, какого не надевали в день свадьбы царские невесты. Он и позже вывозил ее на балы в прекрасных нарядах, ничего не жалея для красавицы. Но Мария не могла перебороть своей неприязни и была неизменно печальна. Семейная жизнь пары не заладилась. Поговаривали, что князь силой принуждал жену к исполнению супружеского долга.

«Эскиз вида с птичьего полета села Котлы в 5 верстах от Москвы» (конец XVIII – начало XIX в.)

К этому времени (конец XVIII – начало XIX в.) относится рисунок «Эскиз вида с птичьего полета села Котлы» – тонкий перовой рисунок с французскими надписями, на котором представлена ориентированная на север проектная перспектива усадебного ансамбля. Возможно, камергер князь Александр Николаевич Голицын надумал построить прекрасную усадьбу неподалеку от Никольской церкви – на рисунке она изображена слева за оградой среди деревьев. Справа на рисунке пунктиром показан «въезд из деревни» (все надписи на

рисунке по-французски), от Серпуховской дороги, где в 1766 г. уже образовалась деревня Верхние Котлы. Позднее эта дорога укрепилась и ныне известна как Электролитная улица. Замыкает парадный двор конюшня с башенкой над проездом и начинающаяся за ней осевая аллея. За домом с двумя флигелями карандашом намечена парковая планировка, тоже с осевой дорогой, пересекающая овраг²¹.

Это мог быть дом счастливого семейства князей Голицыных.

На одном из балов молодая княгиня Мария Голицына встретила графа Льва Кирилловича Разумовского (1757–1818), который был немного старше Голицына. Но умный, обаятельный, добрый, сердцеед и волокита, Лев Разумовский, сын гетмана Разумовского, пленял женские сердца. Он и сам влюбился в «печальную красавицу» княгиню Голицыну и решил выволить ее, воспользовавшись одержимой увлеченностью картежника Голицына, который в азарте мог поставить на кон абсолютно все. Публикаторы называют разные даты карточной игры между Голицыным и Разумовским, которая затянулась на всю ночь: 1799–1801 гг. Разумовскому везло, он выигрывал снова и снова и в конце предложил Голицыну поставить на кон жену в обмен на весь его проигрыш безумной ночи. Иначе уже утром он потребует выдачи всего долга. Князь после недолгих колебаний согласился. Разумовский выиграл и увез Марию, на которой позже, после официального развода (1801 г.), женился в 1802 г. И Мария счастливо – в любви и богатстве – прожила с ним несколько лет до его кончины и около полувека после него, даже стала статс-дамой.

Строительство усадьбы в Никольском по французскому проекту, судя по всему, так и не началось. Князь А.Н. Голицын промотал остатки своих богатств и к 1804 г. задолжал казне и разного звания людям столь много тысяч рублей, что и имений его на оплату тех долгов стало недостаточно. Поэтому он просил «своих кредиторов принять от него все его недвижимое имение на удовлетворение долговых его претензий, и составить конкурс. А его оставить спокойным». Для оплаты долгов он даже заложил в банке более пяти тысяч душ крестьян своих владений. Его недвижимые имения перешли под управлением попечителей, избранных его кредиторами. 5 декабря 1804 г. они продали старинное родовое имение А.Н. Голицына, Верейской округи село Таширово с деревнями, 401 душу ревизских мужеска пола с женами их и с новорожденными после пятой ревизии детьми и со всеми семействами коллежскому асессору греку Федору Анастасьеву сыну Ардалионову. (Так как его фамилия в различных документах записана в нескольких вариантах, далее используем наиболее употребимый вариант последних лет его жизни.) Ардалионов купленное им имение сразу же (март 1805 г.) заложил жене своей Елисавете Францовой дочери за 316 тысяч руб., закрепив этим имение за семьей – женой и детьми.

Для скорейшей уплаты долгов князя Голицына кредиторы решили приступить к продаже по вольным ценам всех его недвижимых имений, в том числе села Котлы, где имелось 122 ревизских души²². Фёдор Анастасьев сын Ардалионов купил у Голицына не только село Таширово с деревнями Верейского уезда, но и село Михайловское Звенигородского уезда, и села Никольское на Котле и Троицкое Черёмушки тож Московского уезда. Последние приобрел в 1809 г., уже поселившись в Троицком, где и жил до оформления купчей 28 сентября 1809 г.

Родственники князя Голицына спохватились, что родовые княжеские имения ушли неизвестному в обществе человеку низкого происхождения, – да и имеет ли он право владеть дворянскими землями?! Был проведен розыск, а по его результатам составлена справка. По собранным сведениям на 1804 г. оказалось, что Фёдор Анастасьев сын Ардалионов – из дворян, женат на иностранке Елисавете Францовой, при нем дети Анастасий 6, Константин 4 лет; имел 37 дворовых людей (из них 14 душ мужского пола) да Московской губернии Звенигородской округи в селе Михайловском и деревнях 495 душ. Служил с 1 мая 1794 г. в Главном почтовом правлении переводчиком с чином коллежского актуариуса. Находясь в

этой должности при его светлости господине камергере главном директоре почт кавалере князе Александре Андреевиче Безбородко, Ардалионов 4 мая 1797 г. произведен коллежским секретарем; по ордеру сего ж светлости представлен в Московский почтамт 22 октября 1798 г. По его собственному прошению уволить от службы из-за болезни – уволен 20 июля 1799 г., и так как он в списке показан из дворян, то в связи с увольнением с государственной службы за добропорядочную и беспорочную службу 23 февраля 1800 г. ему повысили чин до коллежского асессора²³.

В те же годы службы Фёдор Анастасьев сын Ардалионов заключил с генералом от инфантерии и кавалером князем Юрием Владимировичем Долгоруковым контракт, по которому взял в содержание на пять лет (с 1796 по 1803 г.) «Московской Большой Суконной Двор с имеющеюся в нем суконной фабрикою, с мастеровыми и рабочими людьми и с принадлежащими ко оной сукновоюльными мельницами и лавками с таким обязательством: чтобы содержать оную фабрику в должном порядке без малейшего упущения и как оною, так мастеровыми и работными людьми в производстве суконного дела распорядиться хозяйственно и по собственной моей воле с представлением мне над всеми людьми права, каковое по закону он, князь Долгоруков, имеет»²⁴.

Мастера фабрики, созданной еще при Петре I в 1720 г., в марте 1798 г. жаловались государю «на содержателя оной грека Ардалионова за разныя, чинимыя им притеснения», в частности за неправильный платеж за работу; и в ноябре 1799 г. мастеровые опять писали «о притеснениях и мучительных с ними поступках содержателя этой фабрики Фёдора Ардалионова»²⁵.

Но рассмотрение дела закончилось оправданием Ардалионова. Владелец суконного двора князь Ю.В. Долгоруков написал похвальный отзыв на его работу: «Во все пятилетнее время содержания им у меня по контракту Большого Суконного Двора оной содержал исправно, даже так, что еще старался всеми своими силами для размножения фабрики приводить ее в лучей порядок и исправность, по прошествии же срока сдал ее с точностию, как следовало по контракту, и по учиненным мною с ним во всем ращетам за ним никакой недоимки не осталось...»

Взявшись за работу на суконной фабрике, Ардалионов, как видно, сумел сэкономить деньги для приобретения земель и крестьян. За годы службы Ф.А. Ардалионов сделал несколько покупок (купчие оформлены в Московской гражданской палате): приобрел 20 декабря 1798 г. у графа Головкина звенигородское недвижимое имение 495 душ; 17 мая 1799 г. у титулярного советника Д.П. Аносова дворового человека Якова Иванова; в том же году у князя Алексея Одоевского дворовых людей; у поручика Ивана Беляева в Волоколамской округе землю и крестьянина; у майорши вдовы Настасьи Смольяниновой в Коломенской округе землю и крестьян; 4 мая 1800 г. дворового человека у майора Николая Наумова; а в апреле 1801 г. дворового человека у князя Петра Оболенского²⁶.

А в 1804 г. Ардалионов уже купил верейское имение Таширово князя Александра Николаевича Голицына, имения которого тогда находились под управлением кредиторов.

В 1806 г. коллежский асессор и кавалер Ф.А. Ардалионов жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство.

У князя А.Н. Голицына Ф.А. Ардалионов приобрел также составное подмосковное имение – села Никольское Котлы и Троицкое Черёмушки – по купчей от 28 сентября 1809 г.

В небольшом селе Троицком он поселился задолго до совершения купчей. В январе 1809 г. в Троицком храме он выдал замуж старшую дочь Елену за секретаря Правительствующего сената надворного советника и кавалера Николая Петровича Андреева. В 1811 г. у четы Андреевых родилась дочь Анна.

29 декабря 1811 г. Ф.А. Ардалионов скончался. Кроме замужней дочери Елены, у него остались еще трое детей, как записано в справке опеки: «Анастасу 17, Константину 12, а Катерине 10 лет». На основании этой записи дети Ардалионова – несовершеннолетний сын Анастас и малолетние Константин и дочь Екатерина – и его имущества, которыми дети управлять не могли по малому возрасту, в течение нескольких лет были под управлением Дворянской опеки. Из дела опеки прояснилась сложная судьба семейства Ардалионова²⁷.

Для управления имениями покойного Ф.А. Ардалионова, у которого остались дети – один несовершеннолетний и двое малолетних, – Дворянская опека 19 февраля 1812 г. назначила опекунов Андреевых, его зятя надворного советника и кавалера Николая Петровича и жену его Елену Фёдорову, старшую дочь Ф.А. Ардалионова. Они же стали опекунами малолетних Константина и Екатерины. Старшему Анастасу, с его письменного согласия, того же Николая Петровича Андреева назначили попечителем.

В марте 1812 г. Н.П. Андреева по служебным делам направили в Казань, где Андреевы, вместе с младшими Ардалионовыми, находились до марта 1814 г. А по Москве и Подмосковию тем временем прокатилась Отечественная война 1812 г. И управление опекаемыми имениями Андреевы не вели с должной отчетностью, что позже объясняли своим незнанием порядка опекунской отчетности.

Трудно сказать, почему записи о возрасте детей Ардалионова при оформлении опеки в начале 1812 г. были ошибочны – позже Анастас и Екатерина оказались значительно старше. Уже через год Анастас Фёдоров сын Ардалионов определился на военную службу – юнкером Иркутского гусарского полка. А в мае 1813 г., ссылаясь на метрические книги о рождении церкви Флора и Лавра, что на Зацепе, где он был крещен, Анастас сообщил в Дворянскую опеку, что он уже совершеннолетний, и просил, в связи с достижением 23 лет, снять с него попечительство Н.П. Андреева, а опекунство над имением и младшими братом и сестрой передать ему, как наследнику, при этом – «выделя ему из оставшегося после отца его имения следующую ему часть, предоставить в полное его управление и распоряжение».

Опека уже в июне того же года сняла с Андреевых опекунство, назначив на эти должности наследника Анастаса Ардалионова и его знакомого надворного советника Ивана Григорьевича Муратова.

По возвращении из Казани Андреевы передали Анастасу опекунство и при этом все документы по имениям и по должникам и кредиторам покойного отца. И одновременно они сообщили в опеку, что права на четыре имения – у Елены, которой отец заложил их перед смертью.

Вероятно, Ф.А. Ардалионов тяжело болел и, чувствуя предстоящую кончину, незадолго до нее, 7 декабря 1811 г., заложил старшей дочери Елене четыре имения на общую сумму 750 тысяч руб. В четырех договорах было записано, что он, Ардалионов, берет займы у своей дочери Елены Фёдоровой Андреевой деньги, а в залог суммы займа оставляет ей имение. Так за взятые в долг 100 тысяч руб. до 7 июня 1813 г. Фёдор Ардалионов заложил купленное у князя А.Н. Голицына в 1809 г. село Знаменское Никольское Козино тож Московского уезда, в котором по 5-й ревизии (1795) крестьян 122 ревизских души мужского пола; за 75 тысяч руб. до 7 декабря 1813 г. заложил купленное у А.Н. Голицына в 1809 г. село Троицкое Московского уезда (29 крестьян); за 75 тысяч руб. до 7 декабря 1814 г. заложил купленное у А.Н. Голицына в 1809 г. сельцо Ивашково Звенигородского уезда (106 крестьян); за 500 тысяч руб. до 7 декабря 1814 г. заложил купленное у А.Н. Голицына 2 июня 1805 г. село Таширово и деревни Новую и Бархатову Верейской округи (401 крестьянин).

Опеке стало известно, что недавний грек и греческий купец Фёдор Анастасьев сын Ардалионов дворянство Российской империи приобрел получением чина коллежского асессора. А так как дети его родились не только до пожалования Ф. Ардалионову чина коллежского асессора, но и прежде поступления его в службу, то они дворянами не являются.

Поэтому, сообщили из опеки, Анастас «не есть дворянин, и права владеть деревнями не может; а потому обязан будет, получа принадлежащую ему часть деревень, продать оную в полгода». Что останется тогда малолетним детям и сможет ли Анастас удовлетворить закладным? Исходя из этих сомнений, опека не выделила Анастасу его часть наследства. Прежде всего потому, что на имения, находящиеся в залоге, во избежание их раздробления было наложено запрещение до уплаты закладных и до пришествия в совершеннолетие Константина и Екатерины.

В августе 1814 г. Н.П. Андреев обратился к московскому уездному предводителю дворянства А.А. Арсеньеву с прошением о выдаче Константину Ардалионову свидетельства о происхождении, о том, что он – сын дворянина коллежского асессора Ф.А. Ардалионова, так как Константину 21 мая 1814 г. исполнилось 15 лет, «а в государственную службу еще не определен, которую желает он продолжить по военной части». Свидетельство такое было выдано, и Константин вскоре был определен юнкером в лейб-гвардии уланский полк.

А Анастас затеял тяжбу со старшей сестрой. В прошениях в Дворянскую опеку он утверждал, что залог был безденежным, а значит, подложным, и требовал закладные письма опротестовать, а Екатерину, жившую со старшей сестрой, отобрать. Он писал в опеку, что Андреевы недоброжелательны к ним, детям Ардалионова, и хотят присвоить себе все имения.

Анастас поддержал Константин, написав в опеку прошение с места службы. Ему Анастас, как попечитель, из доходов по имениям высылал деньги на содержание.

Екатерину еще отец определил на воспитание в Московский Екатерининский институт. Но вскоре после его смерти она переехала к старшей сестре (Андреевы, как видно, жили тогда в Москве). Но брат Анастас, став опекуном, потребовал, чтобы она переехала к нему. И так как она не захотела выполнить его требование, Анастас не давал денег ни на нее, ни на ее прислугу.

В феврале 1815 г. подростя Екатерина сообщила в опеку, что ей, согласно метрическим книгам церкви Всех Скорбящих, что в Коломенской Ямской слободе, где она, рожденная в ноябре, крещена 17 декабря 1799 г., уже пошел шестнадцатый год. В июне 1815 г. она жаловалась на брата, что он не только не дает ей денег, но даже подсылает к ней своих людей, угрожавших девушке силой вывезти ее к брату.

В сентябре 1815 г. она писала, что по закону имеет право лично выбирать попечителя и просит снять с нее опеку старшего брата, обвинив его в неправильном ведении хозяйства в имении Таширово, где он поселился и тратил только на себя доходы с нераздельного имения покойного отца. Она просила назначить себе другого попечителя: надворного советника и попечителя Ивана Иванова Кочергина.

Попечитель И.И. Кочергин, ознакомившись с документами, обнаружил, что Анастас родился раньше, чем его отец Ф.А. Ардалионов получил дворянство: «приобрел дворянство сие получением чина коллежского асессора. В чин сей произведен он 1800 генваря 23, а в вечное российское подданство принят 1805 августа 17 дня, начав службу с 1794 г.». А так как прежде он был грек и греческий купец, все дети его владеть крестьянами не имеют права. Анастас, следовательно, не имея никакого чина, принадлежит к классу разночинцев, и Кочергину приступать к управлению дворянского имения совместно с ним неприлично и притом опасно. И вскоре, сославшись на занятость, он снял с себя опеку.

А Елена 31 августа 1815 г. предъявила к оплате давно просроченную закладную на село Троицкое в 75 тысяч руб. И Дворянская опека вместо опекуна Анастаса Ардалионова назначила особого опекуна, чтобы сохранять Троицкое в целости, чтобы займодавица Елена смогла им воспользоваться, а доход не ушел к Анастасу. Анастасу было велено сдать имение Елене, но он тянул и не хотел сдавать дела по имению.

Тем временем 16 июля 1816 г. умер, находясь на службе, брат Константин Ардалионов.

Так как Анастас Ардалионов остановил законные выплаты в Дворянскую опеку, не ремонтировал сломанные окна и двери в большом доме Троицкого имения, где он жил некоторое время, но должен был передать Елене по закладной, не желал выдавать должные средства на содержание Екатерины (3449 руб. 3 коп., по подсчетам попечителей Екатерины), управа благочиния запретила ему выезд из Москвы. Тяжба между детьми Ардалионова постепенно зашла так далеко, что их пытались урезонить и в уездном суде, и в Дворянской опеке. Дело дошло даже до министра юстиции. Когда в феврале 1817 г. из управы благочиния вновь потребовали от него хотя бы копии документов на имения, для подсчета доли сестры Екатерины и для взыскания с него 3449 руб. 3 коп. в ее пользу, Анастас сообщил, что он вновь на военной службе – подпрапорщик Углицкого пехотного полка, а с сестрой Екатериной примирился.

Более того, все трое составили мировое соглашение и предъявили его в Московскую палату гражданского суда: «Будучи движимы столь близким родством, по которому отложив на сторону все бывшие доселе обоюдные их неудовольствия и приказные ссоры, но поговоря между собой полюбовно, Анастас Ардалионов, Елена Андреева и Екатерина Ардалионова, последняя как имеющая от роду осьмнадцатый год с согласия попечителя своего Александра Петровича Алексеева, положили и с сим к непеременимости постановляют: все прежде сего возникшие между ними обоюдные распри и несогласия совершенно прекратить навсегда».

Они договорились, что Анастас и Екатерина отдадут Елене село Троицкое (как бы по закладной), а Елена не предъявляет три других закладных. Все остальные (кроме села Троицкого) владения они поделили на троих. Село Таширово с двумя деревнями разделили на три части поровну.

Село Котлы было разделено между Екатериной и Анастасом. Анастасу в селе Котлах отошла «господская усадьба с имеющимся на ней каменным строением и садом, 11 дворовых людей с семьями и крестьян 52 души» (по последней 7-й ревизии).

На часть Екатерины – в селе Котлах «четверо дворовых людей семьями и крестьян 68 душ (по последней ревизии) – крестьяне с женами и с детьми, со всеми семействами и со вновь рожденными после подачи последних ревизских сказок, обоюбого пола, их усадьбами, строением, огородами, гуменниками и конопляниками, со скотом и всякого рода их крестьянским имуществом; землю же в их селениях, пашенную и непашенную, с покосами и всякими угодьями, поделить им, Анастасу, Елене и Екатерине, по числу доставшихся каждому ревизских мужского пола крестьянских душ, по способности к одним местам с соблюдением обоюдных выгод в удобности и неудобности ее...» Так как у Екатерины в Котлах крестьян было больше, чем у Анастаса, то и земли, по их числу положенной, у Екатерины в селе Никольском Котлах было больше.

Ардалионовы, по сути, в 1817 г. повторили раздел начала 1700-х гг. Анастас взял себе часть деревни Верхние Котлы с землями вдоль Серпуховской дороги, с деревней Елистратьевой. А Екатерине досталась другая половина этого имения.

Как видно, этот раздел, утвержденный на уровне Правительствующего сената, закрепил недворянина Анастаса Ардалионова в правах на владение дворянскими имениями, тем более что он владел только их частью, вместе с дворянкой Еленой Андреевой (в Таширово) и девицей Екатериной (в Котлах и Таширове).

Екатерине в том же 1817 г. нашли жениха, хоть и в годах, но дворянина – полковника Александра Ивановича Калашникова, в браке с которым у них в 1822 г. родился сын Николай.

Анастас Фёдоров Ардалионов был женат на дочери отставного прапорщика Фомы Давыдова сына Капонадзева, жившего в 3-м квартале Пресненской части (о чем имеется упоминание в деле опеки, относящееся к 1816 г.)²⁸. Но никаких других сведений о семье Анастаса или его детях не нашлось, потомства он не оставил.

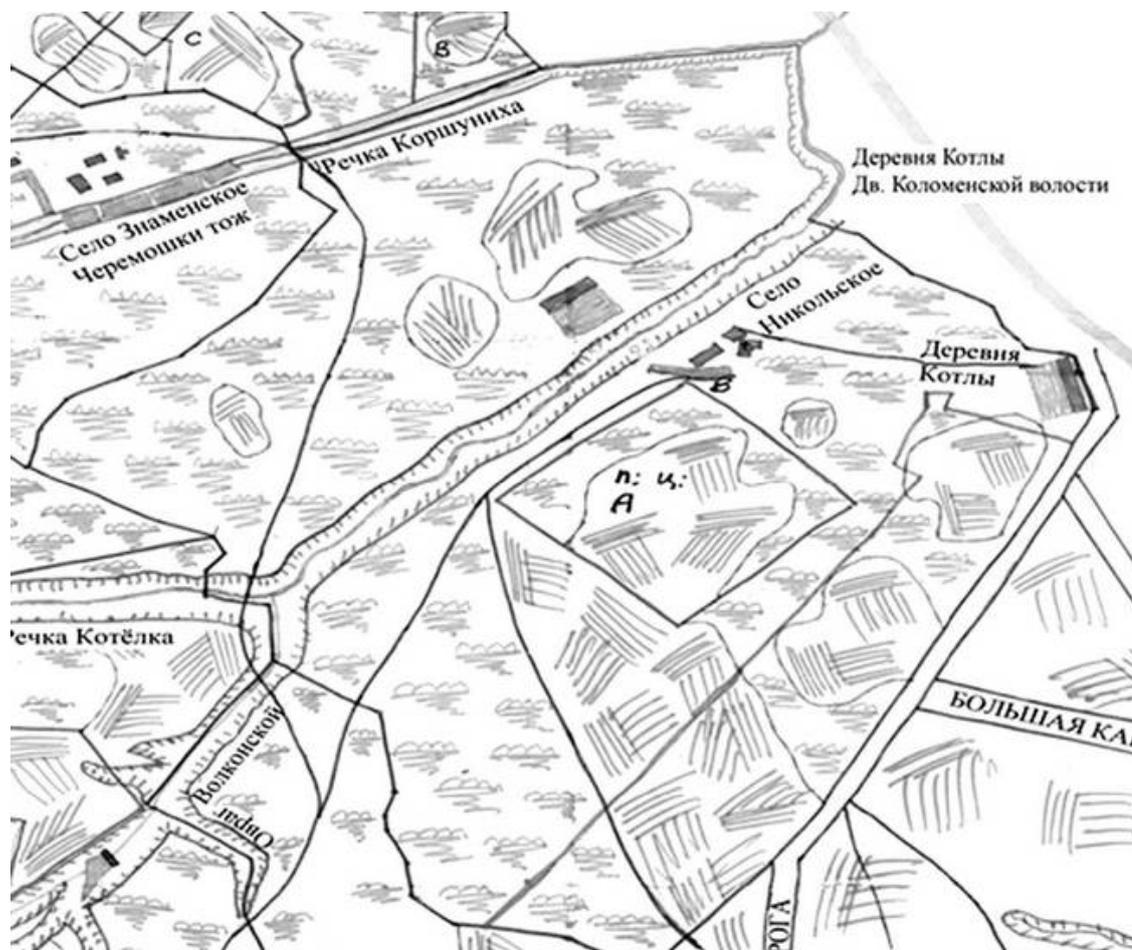
После раздела Анастас Ардалионов продолжал военную службу: в 1817 г. он – подпрапорщик, в 1820-м – прапорщик... В 1826-м, уже поручик в отставке, он живет на Большой Ордынке в собственном доме 618²⁹.

Он по-прежнему владел доставшейся от отца частью Верейской вотчины – селом Ташировом, куда отсылал проштрафившихся в городской жизни дворовых на исправление. Вотчина эта надолго осталась за Ардалионовыми и их наследниками: при Подворной переписи 1869–1871 гг. в деревне Верхние Котлы жили крестьяне господина Н.А. Калашникова из Верейской округи. Своей частью Верейской вотчины владели и дворяне Андреевы, внуки Елены Фёдоровны Андреевой.

К 8-й ревизии (30 марта 1834 г.) А.Ф. Ардалионова не стало, и его часть деревни Верхние Котлы отошла как наследство старшей сестре статской советнице Елене Фёдоровне Андреевой (урожденной Ардалионовой). Таким образом, село Никольское с деревней Верхние Котлы стало общим владением обеих сестер. Но у обеих были свои семьи, дети – надо было юридически закрепить фактический раздел.

Для этого в 1844 г. было проведено специальное межевание села Никольского и деревни Верхние Котлы. На плане под литерой Н-17 село Никольское с деревней Верхние Котлы – владение полковницы Екатерины Фёдоровны Калашниковой (урожденной Ардалионовой).

«Внутри этого владения... земли состоит пашенной 116 дес. 1400 кв. саж., лесу строевого и дровяного 177 дес. 1340 кв. саж., сеного покосу 10 дес. 500 кв. саж, под поселением, огородами, гуменниками, конопляниками и садами, в том числе у священно- и церковнослужителей, 10 дес. 1000 кв. саж., под проселочными дорогами 3 дес. 300 кв. саж., под речками и прудами 2 дес. 700 кв. саж. Всего во всей окружной меже удобной и неудобной земли 320 дес. 440 кв. саж. А за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли 314 дес. 1840 кв. саж. Да из того числа вырезано к состоящей в селе церкви во имя Николая Чудотворца на довольствие священно церковнослужителей в одном месте церковная земля, значащаяся на плане под литерами Ц: 3: В ней пашенной 21 дес., лесу 12 дес. 42 кв. саж. А всего 33 дес. 42 кв. саж. Затем в действительном владении всяких угодий 287 дес. 398 кв. саж. В селе Никольском и деревне Котлах за вышеписанною владелицею состоит крестьянских дворов 32, в них по ревизии и ныне их налицо мужеска и женска пола 117 душ»³⁰.

Межа размежевания на плане Генерального межевания села Никольского – Котлы.
Копия автора

А под литерой К-43 – план дачи, образовавшейся по специальному межеванию под названием «части деревни Котлов» владения статской советницы Елены Фёдоровой Андреевой, расположенной широкой полосой вдоль Серпуховской дороги и включавшей земли полдеревни Котлы и полдеревни Евстратьевой. «А внутри того владения... земли состоит пашенной 33 дес. 2160 кв. саж., сеного покосу 22 дес. 1200 кв. саж., лесу строевого и дровяного 3 дес. 1000 кв. саж., под поселением, огородами, гуменниками, коноплянниками и садами 7 дес. 1500 кв. саж., под полупрудом 480 кв. саж., под проселочною дорогою 620 кв. саж. А всего во всей окружной меже удобной и неудобной земли 67 дес. 2160 кв. саж., а за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли 67 дес. 1060 кв. саж. В деревне Котлах за вышеписанною владелицею состоит крестьянских дворов 6, в них по ревизии и ныне их налицо мужеска и женска пола по 28 душ»³¹.

Николай Александрович Калашников, сын Екатерины Фёдоровны, вступил в службу 15 лет – 10 января 1838 г. унтер-офицером в Белгородский (что позже стал Белозерский пехотный его королевского величества Великого герцогства Гессенского) полк. 19 лет, 25 сентября 1841 г., в том же полку он произведен в прапорщики. Особого рвения и усердия в военной службе не проявил, но в Крымской войне 1853–1856 гг. в чине капитана участвовал в боях с турками... В 1854 г. 29 декабря командир 4-й роты капитан Николай Александрович Калашников по болезни был уволен от службы с мундиром и с пенсионом одной третью оклада 105 руб. серебром в год. За службу был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с бантом и бронзовой медалью в память минувшей Крымской войны. Позже отстав-

ной капитан Н.А. Калашников в гражданской службе и по выборам дворянства не служил. Вскоре после отставки Николай Александрович женился на дочери надворного советника Креля девице Софье Андреевне. Они жили в Верхних Котлах, где у них родилось двое детей, крещенные в Никольской, что на Котлах, церкви. Дочь Екатерина Николаевна родилась 30 декабря 1859 г. Восприемниками Екатерины были: дедушка, полковник Александр Иванович Калашников, и бабушка, надворная советница Сусанна Миновна Крель. Сын Александр родился 8 февраля 1862 г., крещен 16-го числа; его восприемниками были: инженер путей сообщения подполковник Всеволод Лукич Климов и тетя, статская советница Елена Фёдоровна Андреева, урожденная Ардалионова.

Екатерины Фёдоровны не стало к 10-й ревизии 1858 г., ее сын, отставной капитан Николай Александрович Калашников, стал владельцем ее доли во всех имениях деда Ф.А. Ардалионова.

Его семейная жизнь, судя по документам, не сложилась. Жена без развода ушла от него вместе с малолетними детьми – Екатерине было 10, Александру 8 лет. Она арендовала квартиру с мебелью у полковника Экстена. Когда в 1880 г. Софья Андреевна умерла, дети, не достигшие совершеннолетия, не захотели даже, чтобы отец был им попечителем. Они просили назначить им в попечители подполковника Всеволода Лукича Климова, крестного отца Александра: «...просим Опекун назначить нам обоим в попечители инженера статского советника Всеволода Лукича Климова. Причем просим об устранении от попечительства отца нашего капитана Николая Александровича Калашникова, который по собственному желанию совершенно отстранился от всякого попечения о нас уже в течение 10 лет». Жила семья Софьи Андреевны бедно. Домашнего скарба и женских украшений, оставшихся в наследство от нее, было едва на 2 тысячи руб., но и на них Н.А. Калашников предъявил наследственные права, как муж умершей. И только свидетельства Климова и Экстена, что украшения мать еще при жизни подарила дочери, сохранили их Екатерине³². Дальнейшая судьба потомственных дворян Екатерины и Александра Николаевичей Калашниковых неизвестна.

А их отец, получивший после матери немалые земельные владения, постепенно их распродал, лишая этим своих детей будущего наследства. Он продолжил и даже развил начатое матерью использование земель села Знаменское-Никольское-Козино-Верхние Котлы тож под кирпичные заводы.

К 10-й ревизии 1858 г. в ревизских сказках села Никольского появились первые записи о кирпичных заводах: купчихи Перелыгиной, княгини Крапоткиной, князя Енгальчева³³.

Кирпичные заводы в Верхних Котлах достойны подробного рассказа.

Уже на карте 1852 г. в междуречье Котёлки и Коршунихи отмечены кирпичные сараи. Возникли они, конечно, много раньше – после грандиозного московского пожара Отечественной войны 1812 г. Ставили их заводчики на арендованных землях. Сведения о заводчиках скупы и разрозненны.

Самые ранние из найденных документов по поводу кирпичных заводов в Верхних Котлах упоминают московского 3-й гильдии купца Ивана Алексея Нечаева, в 1840 г. поставившего кирпичный завод на земле Екатерины Фёдоровны Калашниковой. Возможно, это был сын упомянутого в 1824 г. купца Алексея Васильева Нечаева, имевшего завод в селе Троицком Черёмушки³⁴.

26 августа 1840 г. был объявлен указ Правительствующего сената «об учреждении Комитета о фабриках и заводах», в соответствии с которым требовалось получить свидетельство на производство заводов. Иван Алексеев Нечаев только 21 января 1850 г. обратился с покорнейшим прошением к московскому военному генерал-губернатору генералу от инфантерии генерал-адъютанту и кавалеру графу Арсению Андреевичу Закревскому о выдаче сви-

детельства и представил ведомость о состоянии завода за 1840 г. Завод помещался в восьми деревянных сараях и в первом шатре, под коим находились две обжигательные печи, дров использовали до 160 куб. саж. в год. На 12 станах 30 вольнонаемных рабочих вырабатывали «кирпич красный железняк и алый», за каждую тысячу Нечаев брал по 12 руб. серебром. В 1850 г. сработано 250 тысяч штук на 3000 руб. серебром. 30 марта 1850 г. из Управления московского военного генерал-губернатора графа А. Закревского поступило разрешение: выдать надлежащее свидетельство... «и обязать Нечаева подпискою, чтобы он всячески старался дрова заменять торфом»³⁵.

В рапорте от 9 августа 1850 г. исправник Муратов сообщает исправляющему должность московского гражданского губернатора действительному статскому советнику, камергеру и кавалеру П.П. Новосильцеву, что один из двух кирпичных заводов умершего купца Якова Михайловича Китайцева был построен им на земле госпожи Калашниковой, в трех верстах от Москвы, машин на заводе не имеется, и препятствий для дальнейшего существования не предвидится³⁶... Судя по всему, завод действовал уже не один год. Наследники Якова Михайловича, малолетние сыновья Алексей и Сергей, находились под опекой вдовы Александры Алексеевны, которая и управляла заводами до совершеннолетия сыновей.

Когда дети подросли, они получили свою долю, а матери достался Котловский завод. Впрочем, некоторое время спустя она купила у сыновей и Троицкий в Черёмушках завод... В 1867 г. Котловский завод Александры Алексеевны Китайцевой выдeldывал 1 миллион 500 тысяч штук кирпича в год. При взыскании земского сбора за 1867 и 1868 гг. с московской купчихи Александры Алексеевны за кирпичный завод, существующий при Котлах на земле князя Грузинского, 225 руб. и за другой, при Черёмушках, порушенный в 1867 г., 75 руб., Китайцева просила произвести переоценку заводов, так как их производительность резко снизилась, а Троицкий завод в 1868 г. был и вовсе разрушен. А 19 декабря 1869 г. закончился срок условия аренды – и все строения и печи заводов Александры Алексеевны Китайцевой были разломаны³⁷.

Когда Николай Александрович Калашников стал после матери владельцем села Знаменское-Никольское-Козино-Верхние Котлы тож, он сдал в аренду участок земли, смежный с селом Зюзином.

Новый арендатор – отставной инженер-подполковник Ипполит Осипович Серебряков – в декабре 1858 г. представил в Департамент мануфактур и внутренней торговли описание – для выдачи пятилетней привилегии – на изобретенный им «способ производства из глиняных масс искусственного щебня, могущего во многих случаях заменить естественный значительным сбережением капиталов и времени при устройстве дорог».

Поселившись в имении генерала Бутурлина сельце Шаболове Московского уезда в пяти верстах от Серпуховской заставы, Серебряков договорился об аренде нужной земли с Калашниковым и в июне 1859 г. обратился к московскому военному генерал-губернатору генералу от кавалерии генерал-адъютанту и разных орденов кавалеру графу Сергию Григорьевичу Строганову с ходатайством: «В настоящее время, желая устроить завод для производства искусственного щебня и для делания кирпича, имею честь почтительнейше ходатайствовать о дозволении у Вашего Сиятельства, – завод, мною предположенный, находится в 5 верстах от Москвы за Серпуховскою заставою близ села Зюзина, на земле взятой мною в аренду на 12 лет у г-на Калашникова». Судя по уточнению – «близ Зюзина», арендованная земля примыкала к меже с селом Зюзином. Министерство внутренних дел по запросу губернатора собрало сведения о Серебрякове, которые переслали министру финансов, в чьем ведении находился Департамент мануфактур: «Из собранных сведений оказалось, что местность эта для устройства завода удобна, и опасности для соседних строений на случай пожара не предвидится; на заводе будет находиться только одна чугунная конно-приводная

машина для делания искусственного щебня и до 30 человек рабочих; для действия же завода ежегодно будет требоваться до 110 сажень трехполенных дров».

Уже 22 сентября 1859 г. московскому губернатору поступило распоряжение из Министерства финансов: выдать Серебрякову «надлежащее на сей предмет Свидетельство, означив в оном, что на заводе находится одна чугунная конно-приводная машина для делания щебня, 30 человек рабочих; а для годового действия завода употребляется до 110 сажень трехполенных дров». При этом распорядились взыскать с Серебрякова 3 руб. 60 коп. серебром в доход казны за бумагу «и обязать его подпискою, чтобы старался заменять дрова торфом»³⁸.

Построил Серебряков завод или нет, сведений не нашлось. Пока Серебряков хлопотал о дозволении поставить завод, отставной капитан Н.А. Калашников нашел арендатора на смежную с его участком землю.

30 апреля 1859 г. Калашников по договору отдал в арендное содержание отставному поручику М.С. Белавину на 12 лет «для вынудия глины, камня и песку по речке Котёлке на кирпичное и гончарное производство» 12 дес. пустопорожней земли вдоль речки, заключающиеся «в межах: с левой стороны, участок земли, арендуемый г. Серебряковым, с правой земля, принадлежащая мне, Калашникову, передняя сторона также владения моего граничит обрывом оврага, и задняя с дачей владения князя Меншикова». Но уже в июле Белавин с согласия Калашникова передал право аренды коллежскому советнику князю А.Е. Енгальчеву. И уже князь Енгальчев в июле 1859 г. обратился к московскому генерал-губернатору «с просьбою о дозволении ему строить кирпичный завод на земле г. Калашникова, состоящей при деревне Верхних Котлах», взятой у Калашникова на 12 лет аренды, то есть до 1871 г., а 31 августа получил разрешение: завод должен «помещаться в 10 сараях с 2 печами и избе для рабочих; машин на заводе не имеется, для выделки же кирпича будут употребляться ручные станки, рабочих на заводе потребно до 100 человек, а дров на годовое отопление до 400 сажень трехполенных»³⁹.

При составлении Московским дворянским собранием по итогам 10-й ревизии в 1859 г. списка помещичьих имений в имении Калашникова было отмечено три кирпичных завода княгини Крапоткиной, купчихи Перелыгиной и князя Енгальчева, на которых работало 500 рабочих⁴⁰.

В книге «О кирпиче и московских кирпичных заводах», выпущенной в 1861 г., подробно рассказано обо всех кирпичных заводах Московского уезда, и прежде всего о тех, что возникли недавно за Серпуховской заставой. Княгиня Крапоткина, которая за Калужской заставой годом раньше поставила еще один завод, вскоре остановившийся в первую очередь из-за отсутствия хорошей глины, в 1859 г. построила другой завод на земле Калашникова. К 1861 г. он вырабатывал уже более 4 миллионов кирпичей. Автор отметил удобство местности и богатый запас «цельной глины, хорошего качества, которая добывается здесь же, на месте завода, и слой ее начинается тотчас же по снятии пыловки не более четверти аршина... Кирпич, приготовляемый на этом заводе, имеет качества хорошего кирпича, требуемого для кладки стен, сводов, арок и проч.; он полномерен, хорошо выправлен и прожжен...».

Завод Перелыгиной появился тоже в 1859 г. 30 сентября купеческая вдова Марья Ефимовна Перелыгина обратилась с прошением к московскому военному генерал-губернатору Павлу Алексеевичу Тучкову за разрешением на открытие «завода, поставленного на земле капитана Калашникова, взятой мною в арендное содержание». Выяснив, что завод находился от деревни Котлы в расстоянии полутора версты, опасностью пожара угрожать не мог, машин на заводе не было, а работа производилась на ручных станках, 40 рабочими; дров на годовое отопление и действие означенного заведения потребуются до 200 саж., завод открыть разрешили⁴¹.

К 1861 г. завод Перелыгиной вырабатывал до миллиона подпятного кирпича, разделяемого при высадке из печи по сортам: отборного, красного и полужелезняка.

Сведения о заводе князя Енгальчева за 1859 г. опубликованы Н. Матисеном в «Атласе мануфактурной промышленности»: там было 3 печи, 20 станков, 10 сараев, 45 рабочих выпускали 650 тысяч штук в год, оборот завода составлял 13 тысяч руб.⁴²

Завод князя Енгальчева в 1861 г. вырабатывал до миллиона кирпичей. Та же производительность сохранялась у завода князя Александра Енгальчева и в 1867 г.⁴³

Цена кирпича у всех заводов тогда была практически одинаковой – от 20 до 23 руб. за тысячу штук⁴⁴.

В том же «Атласе» сообщалось, что при Верхних Котлах действовали еще два кирпичных завода: в 1860 г. завод Петра Акимовича Краснова (1 печь, 12 станков, 7 сараев, 28 рабочих выпускали 500 тысяч штук в год, оборот завода составлял 11 тысяч руб.); в 1862 г. завод вдовы Катуар с сыновьями (1 машина, 65 станков, 1 печь Гофмана, 217 рабочих выпускали 6 миллионов 338 тысяч штук в год, оборот завода составлял 158 450 руб.).

Судя по документам, в 1860-х гг. на владении под литерой Н-17 находились заводы почетных граждан Льва и Константина Катуаров, купцов П.А. Краснова и П.Ф. Косогорова.

В 1867 г. завод Краснова производил до 900 тысяч штук кирпича в год. В сентябре 1869 г. купец Краснов обратился в Московскую уездную управу с прошением о снижении окладного земского сбора, считая, что он должен быть снижен: «Не нанимая земли и глины, невозможно бы иметь и производства кирпича; расход этой арендной платы, как существенное условие производства кирпича и доходности завода, необходимо и неизбежно, а как плата эта уменьшает сумму доходности, то по всей справедливости и подлежит исключению, при нем и скидке при расчете окладного сбора...» Кроме того, он просил изменить категорию земли, на которой стоит завод и которая определяла величину сбора: «Мой завод почему-то отнесен к высшей категории, чем на самом деле приходилось бы по действительному по расстоянию от города Москвы; а от этого налог оказался непропорциональным и весьма тягостным. Но как завод мой отстоит от Москвы более чем на 10 верст, то и прошу Управу, доложивши о том Земскому Собранию и исходатайствовавши на то его разрешение, перечислить мой завод, сообразно его действительному расстоянию в третью категорию распределения сбора на 1869 г. При этом имею честь представить в подлиннике свидетельство московской уездной полиции в том, что завод мой отстоит даже от Серпуховской заставы, не только что от центра города, более десяти верст». Завод находился на краю Котельской дачи на второй половине деревни Евстратьевой, у межи с селом Зюзином, и добираться до него приходилось по Серпуховке, а от нее влево более двух верст⁴⁵. Так набегало 10 верст, что снижало бы земский сбор. Но вся земля Котлов считалась землей первой категории. И прошение Краснова не было удовлетворено.

Когда началась крестьянская реформа 1861 г., в результате которой крестьяне получили свои наделы, многие владельцы стали распродавать свои занадельные (оставшиеся после выделения наделов) земли, в которых обнаружили ценные кирпичные суглинки.

Первым приобрел у Калашникова 139,3 дес. князь Павел Иванович Грузинский (предположительно в 1861 г.) На земле, купленной Грузинским, арендовал землю под кирпичный завод полковник князь Ельпидифорович Енгальчев. Срок условия на аренду истек 30 апреля 1871 г., и кирпичный завод, как положено, уже в конце 1870 г. был уничтожен, строения сломаны и производство работ на нем прекращено. Но пока не был распродан скопившийся кирпич, завод считался действующим. И взимание земского сбора не прекращалось. Пристав Кузьмин-Короваев считал, что «земский сбор должен быть прекращен февраля 13 дня 1871 года»⁴⁶.

3 августа 1868 г. по купчей крепости штабс-капитан Михаил Николаевич Андреев, получивший по наследству недвижимое имение в Котлах 67 дес. 2160 кв. саж., продал его за 4350 руб. жене титулярного советника Елене Михайловне Емельяновой⁴⁷.

В 1869 г. коллежский асессор П.А. Краснов приобрел по купчей крепости у капитана Калашникова землю 30 дес. за 6 тысяч руб., на которой стоял его кирпичный завод, поставленный им еще на арендованной земле 10 лет назад⁴⁸.

10 июня 1870 г. Калашников продал 43 дес. 1732 кв. саж. за 30 тысяч руб. ростовскому купцу Павлу Фёдоровичу Косогорову⁴⁹. Через полгода 30 января 1871 г. и купчиха Вера Леонтьевна Косогорова купила по купчей крепости у капитана Калашникова 6 дес. 1200 кв. саж.⁵⁰

У Калашникова в Верхних Котлах остался только дом каменный со службами.

5 октября 1871 г. по купчей крепости князя Георг и Павел Ивановичи Грузинские продали потомственным почетным гражданам Катуарам (Льву, Константину и матери их Анне Ивановне) землю со строением и кирпичным заводом 182 дес. 2332 кв. саж. за 85 тысяч руб.⁵¹ В число этих десятин вошли 139,3 дес. села Верхние Котлы, а остальные – смежных владений, приобретенных ранее Грузинскими. Таким образом, в списке фабрик 1872 г. оказалось два кирпичных завода Катуара: один – бывший прежде за губернским секретарем князем Павлом Ивановичем Грузинским, ныне за почетными гражданами Анной, Константином и Львом Ивановичами Катуарами, доходностью 3 тысячи руб.; второй – доходностью 1500 руб.⁵² Позже они были объединены в один завод. Это был самый крупный в окрестностях кирпичный завод⁵³. Его владельцы потомственные почетные граждане Анна Катуар и ее сыновья Константин и Лев Ивановичи даже держали управляющего Евгения Фёдоровича Фохта. Вскоре выпуск красного кирпича был доведен до 9 миллионов штук. Из этих кирпичей были построены Верхние торговые ряды (нынешний ГУМ), Музей изящных искусств (ГМИИ им. Пушкина) и другие здания в Москве. Не позже 1876 г. по купчей крепости Л.И. Катуар приобрел и участок у П.Ф. Косогорова 43 дес. 1732 кв. саж., вероятно, смежный с его 139,3 дес., и теперь он стал основным владельцем Верхнекотельских земель.

С марта 1870 г. 4 дес. земли с кирпичным заводом взял в арендное содержание у П.А. Краснова московский купеческий сын Иван Егоров Обрезков, и уже в сентябре 1870 г. он обратился с прошением в управу о снижении земского сбора из-за дальности арендуемого завода, повторив те же, что и Краснов, доказательства дальности расположения завода, подтвердив их свидетельством уездной полиции⁵⁴. Но прошение Обрезкова о снижении земского сбора тоже не было удовлетворено.

19 мая 1877 г. кирпичный завод был куплен у И.Е. Обрезкова московским купцом Матвеем Александровичем Кухновым, который вскоре, 29 декабря 1877 г., умер, оставя, по духовному завещанию, кирпичный завод своей жене Ольге Александровне Кухновой. Хлопотал о передаче дел с заводом московской купеческой вдове О.А. Кухновой, получал документы у Обрезкова ее доверенный почетный гражданин Сергей Иванович Поземщиков⁵⁵.

Поначалу московская 2-й гильдии купчиха Ольга Александровна Кухнова сама распорядилась своим заводом. В 1879 г. она сумела добиться значительного снижения земских налогов, доказав, что доходность, с которой считали налоги, намного превышает реальную, определенную малыми размерами обжигательных печей завода. Посланный для проверки член управы И.В. Васильев обмерил печи и согласился с доводами Ольги Александровны. Налоги снизили⁵⁶.

В дальнейшем, вероятно, московский купец С.И. Поземщиков не только вел дела Кухновой с заводом, но и приобрел его. В июне 1882 г. именно он записан владельцем этого

завода, что стоял на земле Краснова. И хоть он сообщил, что еще будет сделано 328 тысяч кирпичей, но предупредил десятника, что завод прекращает работу⁵⁷.

В ноябре 1890 г. П.А. Краснов продал по купчей крепости свои 30 дес. за 6 тысяч руб. жене коллежского регистратора Елизавете Ивановне Сретенской⁵⁸.

Судя по всему, владелец села Зюзина московский купец Дмитрий Андреевич Романов взял у Сретенской в аренду землю, примыкающую к Зюзину, которой до нее владел П.А. Краснов, купив стоявший на ней кирпичный завод. Ему, в отличие от прежних владельцев, расположение этой земли было удобно. В 1899 г. на этом его верхнекотельском заводе работало 200 мужчин. (Заводы, на которых работало 200 и более рабочих, считались тогда крупными предприятиями.) Но после его кончины в 1901 г. наследники, сыновья Д.А. Романова, с двумя заводами не справились, и к 1906 г. верхнекотельский завод Романова остановился⁵⁹.

И хоть в дальнейшем завод не действовал, однако по-прежнему принадлежал наследникам Д.А. Романова. В 1925 г. при обследовании кирпичных заводов Московской губернии, проведенном Московским Советом народного хозяйства, этот завод «быв. наследников Романова» был упомянут под № 14 в IV группе ликвидированных предприятий, отмечен как смежный с другим заводом «бывш. наследников Романова», и его территорию было предложено наметить как место для прирезки к смежному участку кирпичного завода «быв. Романовых», расположенного на земле деревни Волхонки, поблизости от платформы Коломенской, и действовавшего вплоть до 1917 г. В 1927 г. развалины верхнекотельского завода «бывш. наследников Романова» были проданы для разборки на щебень⁶⁰.

В 1884 г. в ведомости кирпичных заводов был указан единственный кирпичный завод в Верхних Котлах «в собственных строениях потомственного почетного гражданина Московского 1-й гильдии купца Льва Ивановича Катуара, торгующего под фирмой «Вдова А. Катуар с сыновьями»⁶¹. О Катуарах надо сказать подробнее.

Торговый дом «Вдова А. Катуар с сыновьями» появился в Москве много раньше. Купеческое семейство Катуар имело долгую историю и не угасающие связи с Францией. Эмигрировав из Франции в Москву, выходец из знатного дворянского рода Катуар де Бионкур – Жан-Баптист (1789–1831) в 1821 г. получил российское гражданство, а в 1825 г. был причислен в купечество. Дети его носили отчество Ивановичи. В 1831 г. он скончался, и его вдова Анна Ивановна Катуар (урожденная Леве, дочь известного московского виноторговца) взяла дело в свои руки, стала купчихой. В 1845 г. был причислен в купечество к семейству купчихи Анны Катуар ее сын Карл, а в 1849 г. – ее сын Константин. В 1855 г. купчиха Анна Катуар получила звание почетного гражданина, а в 1859 г. стал почетным гражданином и ее сын Жюль-Константин Катуар.

В 1869 г. Анна Катуар учредила торговый дом в образе полного товарищества «Вдова А. Катуар с сыновьями».

Семейство жило на Петровском бульваре в собственном доме 4. Под фирмой «Вдова А. Катуар с сыновьями» семейство торговало заграничными винами и москательным товаром и имело банковскую контору.

В 1874 г., когда скончалась Анна Ивановна Катуар, 74 лет, во главе фирмы стал ее сын Константин, 49 лет. В семействе были еще братья: Лев Иванович, 45 лет, и Андрей Иванович, 42 лет.

В 1877 г. не стало Константина, и во главе фирмы стал московский 1-й гильдии купец потомственный почетный гражданин Лев Иванович, 47 лет. Кроме него, представителем торгового дома состояли: его жена Елизавета-Анна-София Катуар и его сыновья Лев и Андрей Катуар, потомственные почетные граждане. Торговали разными иностранными товарами в собственном доме в Тверской части, 3-й участок Л.И. Катуар возглавлял торговый дом семьи более 20 лет.

Сын Андрея Ивановича Катуара Александр, унаследовав от отца значительное состояние, отошел от торгово-промышленных дел. Тяготая к дворянской среде и намереваясь вступить в брак с Жилонной-Генриеттой д'Аркур (из старинного французского дворянского рода), он добился права носить фамилию Катуар де Бюнкюр и возведения в российское потомственное дворянство (1891 г.). С 1859 г. представители мужской линии семейства Катуар избирались в руководящие органы французских благотворительных учреждений в Москве и считались, наряду с семействами Арманд и Депре, наиболее авторитетными членами французской колонии в Москве.

С 1894 г. на кирпичном заводе Катуары стали выпускать не только обыкновенный, но и рельсовый, и кленчатый кирпич. Завод рос и постепенно использовал почти все 139 дес. вдоль берегов речки Котёлки (ныне – Котловки). Воды ее использовались, как уточнили в описании завода, «только для питья». На территории завода по правому берегу речки было выкопано 15 прудов для производства, самый большой длиной 7 аршин (около 5 м), глубиной 4 аршина (около 3 м) образован в верховье отвершка речки Котёлки.

Двор верхнекотельского кирпичного завода. *Фото автора 2000 г.*

Надо отметить, что в декабре 1896 г. из кирпича своего кирпичного завода Катуары построили шелкокрутильную фабрику на низменном левом берегу речки, заросшем вековыми ветлами. При этом они дали купеческое слово, что вредных сбросов в реку не будет, а расход топлива не превысит 15 тысяч пудов мазута в год⁶². Речка, впадающая в Москву-реку, жива до сих пор. На месте шелкокрутильной фабрики, где сохранились отдельные здания времен Катуаров, ныне располагается ОАО «Крунит», производитель нитей из синтетиков.

Катуары провели по левому берегу речки к шелкокрутильной фабрике и дальше по междуречью, где добывали глину, собственное шоссе, по которому от завода, стоявшего у переезда на высоком правом берегу, до Москвы было всего полторы версты (позже Катуаровское шоссе, с 1951 г. – Нагорная улица). Это шоссе было необходимо. Ведь по нему возили

кирпич, сырье, топливо – и не дерево, как у всех, а уголь. Использовался не только английский, но и русский (подмосковный) каменный уголь, кокс и русский антрацит. В 1889 г. на заводе было уже три гофманских печи для обжига кирпича. Гофманские (берлинские) печи стояли на возвышении – между речкой и Серпуховской дорогой в версте от села Верхние Котлы. Одна из них работает и до сих пор. Жив пока и кирпичный завод, который находится поблизости от станции метро «Нагорная» и носит название «Котельский». Хотя в судьбе его есть некоторая загадка.

Камеры для обжига кирпича гофманской печи на верхнекотельском заводе, которые установил еще Л.И. Катуар в 1889 г. *Фото автора 2000 г.*

В 1899 г. в Верхних Котлах названы только два землевладельца: почетный гражданин Лев Иванович Катуар имел 181,1 дес. – стоимость в земских сборах 32 142 руб.; жена коллежского регистратора Елизавета Ивановна Сретенская – 24,0 дес. – 4950 руб.⁶³

Крестьянам Верхнекотельского сельского общества после реформы досталась наделенная земля, в 1873 г. она состояла из двух частей: первая часть (быв. г-на Андреева) 13 дворов, земли всего 67,9 дес.; вторая часть (быв. г-на Калашникова) 20 дворов, земли всего 102,0 дес. Владельческие земли Верхних Котлов к этому времени практически все были проданы. Крестьянам своих земель не хватало, и они арендовали и удельные земли, и церковные земли по одной или полторы десятины.

Но в 1898 г. священник Михаил Воронцов решил обратиться в Московскую духовную консисторию с прошением по делу о сдаче в аренду под кирпичный завод церковно-причтовой земли села Котлы, расположенной на высоком правом берегу, рядом с селом: «Дело в том, что мы со всех сторон окружены кирпичными заводами, с которых рабочие прямо разоряют наше хозяйство. Как только начинают поспевать плоды или даже полевые посевы, например картофель, рабочие являются партиями и начинают безобразить, ни сторожа наши, ни ласки, ни угрозы, ни обращение к хозяевам – ничто не помогает... Самое то обстоятельство, что вокруг нас кирпичные заводы, нам кажется, указывает на то, что и нам единственный исход из печального положения – это отдать землю под кирпичный завод. Под другое

дело, например под дачи и т. п., земля наша не годится, так как не имеет никакой растительности, да и не в обычае у нас это дело»⁶⁴. Разрешение было получено, и 33 дес. церковной земли были сданы на 12 лет в аренду для добычи глины Зигфриду-Альфреду Якобсону, который должен был «платить причту по 800 руб. за каждую десятину в начале каждого рабочего года вперед по мере надобности», с тем чтобы в дальнейшем продлить аренду до 24 лет⁶⁵. Так, в 1899 г. З.А. Якобсон основал кирпичный завод на церковной земле, смежной с заводом Л.И. Катуара.

В 1904 г. в Верхних Котлах были отмечены только эти два действующих кирпичных завода, стоящие рядом, бок о бок. Владельцы: Торговый дом «Вдова А. Катуар с сыновьями» (375 рабочих) и Якобсон Зигфрид-Альфред (основан в 1899 г., 62 рабочих)⁶⁶.

После кончины в 1899 г. потомственного почетного гражданина Льва (Людвига) Ивановича Катуара, 71 года, обнаружилось разорение Катуара: его затраты настолько превышали доходы, что сочтены были расточительностью. Ввиду чего над имуществом Людвига Катуара была учреждена опека Московского губернского правления, поддержанная Собранием выборных московского купеческого сословия, членом которого Л.И. Катуар был до последнего часа.

Торговый дом «Вдова А. Катуар с сыновьями» не мог более торговать по 1-й гильдии и три года (1900–1903) вел оптовую торговлю чаем, иностранными винами и индиго в собственном доме на Петровском бульваре на самом нижнем уровне – по промысловому свидетельству на торговлю и промышленное предприятие.

Постепенно сыновья Льва Ивановича Катуара вступили в купечество. Во второй половине 1900 г. – Генрих-Иоанн-Баптист Львович, годом позже потомственный почетный гражданин Лев-Карл Львович. В 1902 г. семейный торговый дом вновь стал вести дела по 1-й гильдии – в образе полного товарищества, а в 1903 г. оба брата стали купцами 1-й гильдии.

В 1903 г. за Генрихом Львовичем, 37 лет, записана оптовая торговля под фирмой «Вдова А. Катуар с сыновьями» чаем, иностранными винами, индиго и шелком при жительстве, а также розничная торговля шелком и прочими товарами. Судя по этому перечню, ему отошла шелкокрутильная фабрика. А Лев Львович, 39 лет, записан собственником кирпичного завода Московского уезда, 5-го стана, Зюзинской волости, в селе Верхние Котлы, под фирмой «Вдова А. Катуар с сыновьями».

Уже с 1904 г. оба сына Льва Ивановича перешли во 2-ю гильдию и оставались в ней до 1916 г., не имея, как видно, достаточно личных средств для 1-й гильдии. Важнее было сохранять высокий статус семейного Торгового дома «Вдова А. Катуар с сыновьями».

Владельцем верхнекотловского кирпичного завода Лев Львович Катуар был записан и в 1904, и в 1905 гг. Позже эта запись отсутствовала, и можно предполагать, что строения кирпичного завода были сданы в аренду или проданы. Хотя бы его гофманские печи. Покупателем, вероятнее всего, стал владелец соседнего завода Зигфрид-Альберт Якобсон. Во всяком случае, в 1909 г. за Катуарами значилась только шелкокрутильная фабрика (основана в 1896 г., 292 рабочих). А кирпичный завод был только у Якобсона (основан в 1899 г., 200 рабочих)⁶⁷, который позже оставался единственным владельцем верхнекотловского кирпичного завода.

Московский 2-й гильдии купец Зигфрид-Альфред Якобсон (1839 г. р.), в купечестве состоял со 2-й половины 1884 г. и вплоть до 1895 г. был приписан к родному городу Митаве, хотя уже несколько лет жил и торговал в Москве в Мясницкой части, 1-й участок, в Георгиевском переулке, в доме Бахрушина. С 1896 г. он уже был полноправным москвичом и много лет подряд, состоя во 2-й гильдии, торговал различным мануфактурным товаром близ Кремля в Старом Гостином дворе, а с 1901 г. постоянно в Средних торговых рядах. Он несколько лет жительствовавал в доме музея Бахрушина, позже изредка менял место житель-

ства, не имея собственного дома, но торговал всегда в одном месте. В 1897 г. у Яковсона родился сын Владимир, и он, как видно, решил расширить дело. В 1899 г. он взял в аренду 33 дес. церковных земель храма села Никольского, где основал кирпичный завод рядом с заводом Льва Ивановича Катуара, который в том же 1899 г. умер. Почти разорившаяся фирма Катуаров с трудом восстановилась спустя три года. Дело фирмы на заводе продолжил Лев Львович Катуар, ставший купцом 2-й гильдии.

А с 1915 г. Яковсон стал торговать в Среднем ряду вместо мануфактуры исключительно кирпичом, в то время как Катуары кирпич уже давно не продавали. Как видно, Яковсон арендовал или даже купил у Льва Львовича Катуара строения кирпичного завода в Верхних Котлах, что дало ему возможность вести торговлю кирпичом, в том числе и в центре Москвы. Завод в Верхних Котлах (теперь уже Яковсона) работал вплоть до 1917 г. и позже.

В 1920-х гг. верхнекотельский кирпичный завод, отмеченный по-прежнему одной строкой – «быв. Яковсона», работал в ведении Шатурстроя. Так же записано и в «Списке фабрик и заводов, находящихся на учете МСНХ» 1924 г.: на заводе «быв. Яковсона» трудится уже 40 служащих, 60 женщин и 11 подростков – всего 119 человек⁶⁸.

На карте 1922–1925 гг. (Генштаба Красной армии) при рекогносцировке 1929 г. этот кирпичный завод обозначен под № 369.

На заводе, который работает до сих пор, все знают, что в основе предприятия – завод Катуара. Но история развития заводов позволяет сделать вывод, что разорившиеся Катуары продали кирпичный завод соседу Яковсону, который и назывался впоследствии как последний владелец завода Катуаров.

А земли имения Никольское (179 дес. 1500 кв. саж.) в 1914 г. братья Л.Л. и А.Л. Катуары продали действительному статскому советнику Алексею Александровичу Лопухину, который хотел построить на этих землях современный жилой поселок.

Акционерное общество «Поселок Никольское» – так назвал свой проект высокопоставленный учредитель.

Алексей Александрович Лопухин (1864–1928) – известный русский судебный и административный деятель. Сын прокурора Петербургской судебной палаты А.А. Лопухина. Брат героя Первой мировой войны генерала Д.А. Лопухина и губернатора В.А. Лопухина. Был женат на сестре князя С.Д. Урусова. Одноклассник П.А. Столыпина, в 1886 г. он окончил юридический факультет Московского университета со степенью кандидата права. В 1902–1905 гг. – директор Департамента полиции. Был блистательным юристом, либеральным законником. Им проведены крупные изменения в системе политического сыска – введены новые методы, создана сеть охранных отделений и розыскных пунктов. Лопухин развил деятельность секретной агентуры внутри революционных организаций. Бурная жизнь Лопухина требует отдельного очерка. Из нее необходимо отметить основное: в истории имя А.А. Лопухина связывают прежде всего с разоблачением провокатора Е.Ф. Азефа, который, будучи руководителем боевой организации эсеров, являлся одновременно агентом полиции. В 1908 г. эсеры похитили в Лондоне дочь Лопухина, потребовав назвать имя полицейского агента в верхах эсеров. Лопухин был вынужден раскрыть им сотрудничество Азефа с полицией. За разглашение служебной тайны он подвергся суду в Особом присутствии Правительствующего сената в 1909 г., приговорен к каторжным работам, замененным ссылкой в Сибирь. В 1912 г. помилован и восстановлен в правах. Затем служил вице-директором Киевского отделения Санкт-Петербургского международного коммерческого банка, а с 1913 г. – вице-директором Московского отделения Сибирского торгового банка.

На территории имения Никольское в долине между Котловкой и Коршунихой А.А. Лопухин решил возвести современный жилой поселок. Для этого вместе с прапорщиком Михаилом Матвеевичем Орловым 28 декабря 1914 г. Лопухин учредил Акционерное общество «Поселок Никольское», продал акции общества еще десяти акционерам, и на первом

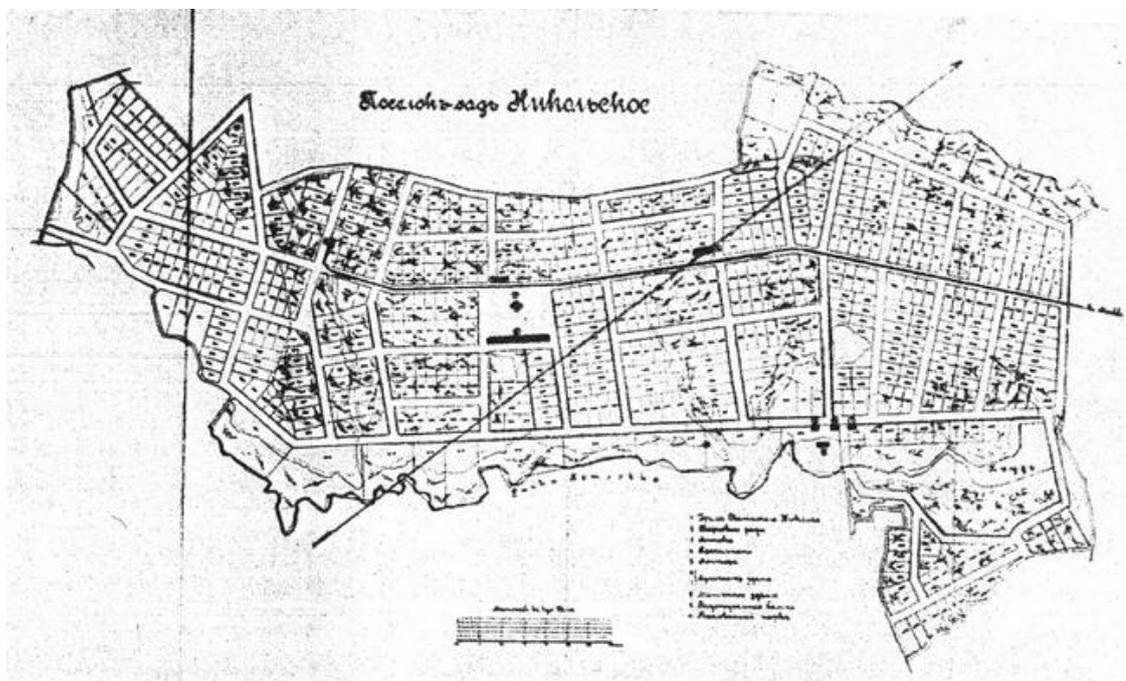
же собрании акционеры приняли решение приобрести у Лопухина имение Никольское по купчей крепости.

Надо сказать, что на стыке XIX–XX вв. возникло новое градостроительное направление – возведение города-сада, что привело к возникновению Обществ городов-садов в разных странах: Англии (1899), Германии, Франции, России (1913).

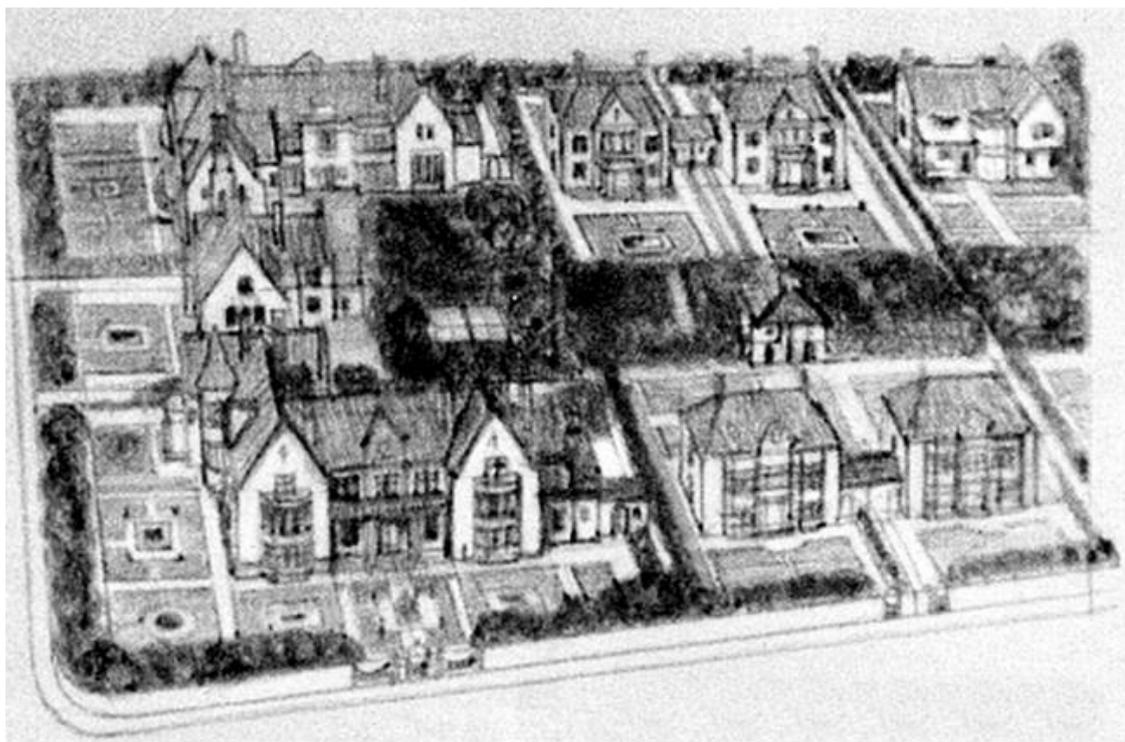
Организационная идея города-сада предполагала свободное открытое членство в жилищном товариществе – каждый желающий мог приобрести не менее одной акции (пая) и не более изначально определенного количества акций (паев). Собираемый при этом капитал направлялся на постройку или приобретение домов и земельных участков, а свободные суммы помещались под накопительные проценты в сберегательные кассы или иным вполне надежным способом, подобно сиротским капиталам. С начала XX в. в России возникают поселки «по типу город-сад». Одним из первых архитекторов А.А. Веснин в 1908 г. разрабатывает проект поселка-сада Никольское близ Москвы⁷⁰.

АО «Поселок Никольское», как видно, предполагал такое направление развития с использованием проекта Веснина.

Общество, судя по уставу, было учреждено «для устройства пригородного поселка под названием «Никольское» для постройки и эксплуатации в этом поселке зданий для жилья». И Московская казенная палата постановила не взимать с общества промысловый налог, «принимая во внимание, что Указом Правительствующего Сената, от 9 февраля 1910 г. за № 1802, по делу Общества средних торговых рядов в Москве, разъяснено, что промысловому обложению подлежат только лишь предприятия торговые или промышленные, предприятия же по эксплуатации недвижимых имуществ, как не являющихся по природе своей коммерческими, не должны быть привлекаемы к платежу промыслового налога, хотя бы даже указанные недвижимые имущества принадлежали акционерным компаниям, к каковым предприятиям следует также отнести и упомянутое общество»⁷¹.

Чертеж проекта А.А. Веснина «Поселок Никольское». 1908 г.

Проект малоэтажного квартала поселка Никольское. 1908 г.

Проект Веснина отличался многими – прогрессивными для того времени – планировочными принципами, связанными с размещением административно-хозяйственного центра, определением парковой зоны, классификацией улиц по их назначению – как магистральных, жилых и т. д., размещением домов в окружении садов. Однако социальные идеи города-сада в этом проекте должного отражения не нашли. Недостатком проекта стало также механическое применение прямоугольной сетки жилых кварталов, плохо связанной с местностью.

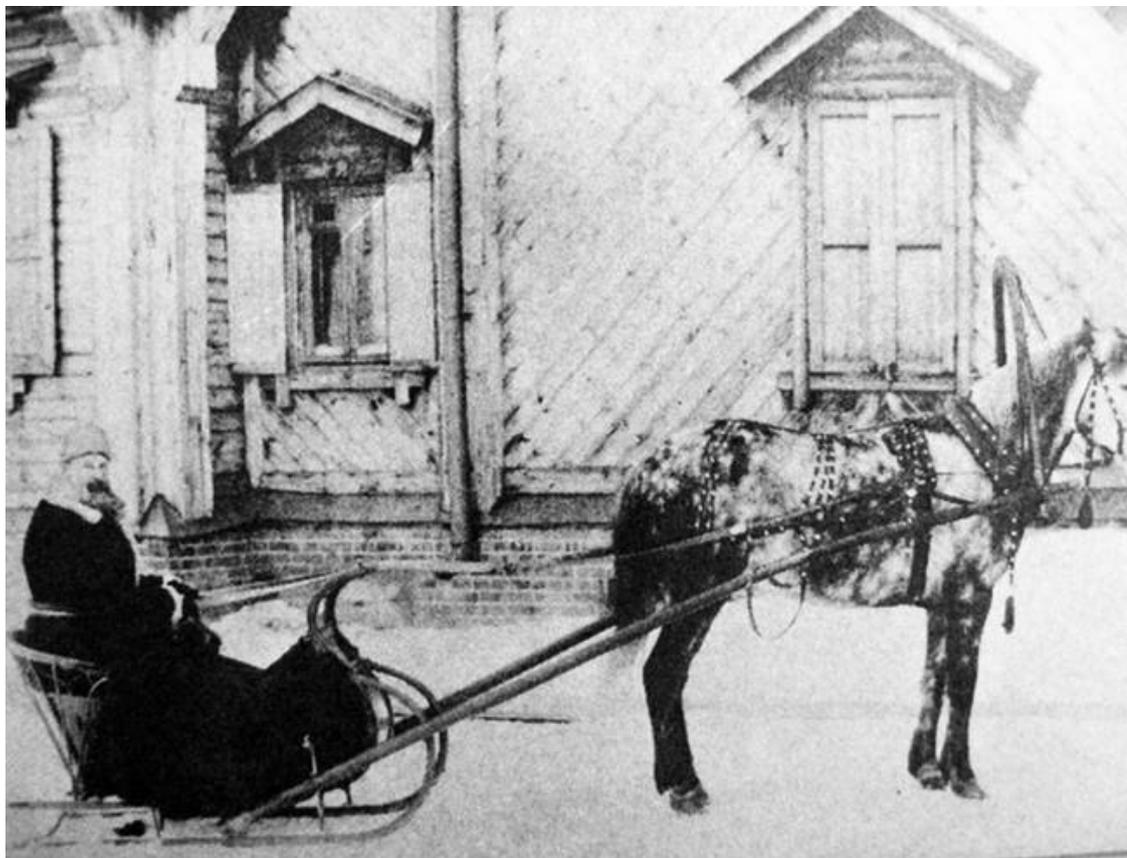
Центральной улицей в проекте Веснина становилось Катуаровское шоссе (ныне Нагорная улица), шедшее почти посередине водораздела между двумя речками. Вдоль шоссе намечалась трамвайная линия из города. В поселке были предусмотрены прогимназия, аптека, торговые ряды, на центральной площади – новая церковь (Никольская церковь оставалась на правом берегу Котловки, в старом селе). Застройка предполагалась усадебного типа, коттеджи в один-два этажа с небольшими придомовыми участками земли, по типу малоэтажных поселков, которые строили на окраинах наших городов после войны.

Проект, как видно, не был осуществлен. Скорее всего, из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны. Однако на карте 1924 г. видны три проезда, повторяющие три северных проезда на плане Веснина. Эти безымянные проезды и сейчас хорошо прочитываются на местности. Возможно, поселок все-таки начали реализовывать и вначале устроили улицы, которые сохранились в более поздней планировке и вдоль которых не один год возникали рабочие поселки окрестных предприятий, отмеченные на карте Москвы и окрестностей 1938 г.: поселок ЗИС, поселок Коммуна, Ленинский рабочий городок (Ленинская слобода, от которой шла одноименная улица в Москву).

В настоящее время в этой части улицы Нагорной сохранились фрагменты жилой застройки 1930-х гг., однако к проекту поселка-сада они отношения не имеют.

В окладной книге по Государственному земельному налогу 1917 г. в документе № 111 записан последний владелец общего имения (села Троицкое и Верхние Котлы) – 206 дес. 2090 кв. саж., сбор 95 руб. 73 коп. Это тайный советник Николай Сергеевич Терский, купив-

ший имение у предыдущего владельца – подольского купца Сергея Аверьяновича Фомичёва (дата продажи не отмечена)⁷². Значит, не стало уже в Верхних Котлах Катуаров, акционеров общества «Поселок Никольское», Сретенской, – землю в годы Первой мировой войны перекупали друг у друга кто успеет.

Художник Василий Васильевич Верещагин на даче

А в 1918 г. в списке бывших частновладельческих имений 300 дес. в Котлах значились за Сибирским торговым банком. Видно, последние приобретатели успели продать земли банку до революционных событий.

Жена коллежского регистратора Елизавета Ивановна Сретенская, которая еще в 1902 г. владела 24 дес. (территории прежней деревни Елистратьевой), в 1917 г. уже не упомянута. С этим владением связаны известные ныне Коробковские сады, которые стали известны как одноименное советское хозяйство. О том, что на этих землях происходило, читайте ниже.

Нередко в Верхних Котлах краеведы размещают дачу Верещагина. Чтобы читатель мог убедиться, что это ошибочно, приведу факты, которые удалось выяснить из документов.

Дача В.В. Верещагина. Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) – выдающийся русский живописец и литератор, один из наиболее известных художников-баталистов.

Дача Верещагина в Нижних Котлах

В 1891 г. отставной коллежский регистратор художник Василий Васильевич Верещагин выстроил дом для собственного жилья и помещения художественной мастерской на земле крестьян деревни Новинки, в $4\frac{1}{2}$ версты от Москвы, вблизи Серпуховского шоссе, в надежде приобрести застроенный участок в собственность. Этот участок, уточню, находился к востоку от Серпуховки, на землях деревни Нижние Котлы, а не Верхние. В феврале 1893 г. Верещагин обратился с прошением в Удельное ведомство продать участок удельной земли: «По удельной земле проходит дорога от Серпуховского шоссе, которую отрезается к северу участок, около 18 десятин; северо-восточная часть его имеет большую покатость и изрыта оврагами, остальное же пространство, смежное с дер. Нижние Котлы, имеет поверхность ровную и годно для постройки. На этом месте мне было бы удобно устроить свою усадьбу». После промера и отмежевания участков (части удельной оброчной статьи № 190 и смежной № 191) Удельное ведомство разрешило продажу их Верещагину, но он вскоре уехал в командировку на Дальний Восток, и дело отложилось, а тем временем обе оброчные статьи сдали в аренду по контрактам крестьянам деревень Нижние Котлы и Новинки до 1898 г., а затем до 1902 г. В те же годы оброчные статьи № 191 и 192 были детально исследованы на содержание глины, глина добывалась и использовалась на поставленном там кирпичном заводе – оброчная статья № 191 почти вся была сдана в аренду торговому дому «П. и А. Помеловы и К^о» с января 1898 по 1 января 1922 г. под выборку глины и сельскохозяйственное пользование.

Только 20 мая 1903 г. по купчей Верещагин приобрел 4 дес. под дачу: № 190 (часть) – участок пахотной земли (3 дес. 1200 кв. саж.) при деревне Нижние Котлы и смежный с ним № 191 (часть) – участок пахотной земли (1230 кв. саж.) при деревне Новинки. Участок был «расположен в углу, между двумя шоссевыми дорогами: Серпуховской и ветвью, ведущей от нее в село Коломенское. Почва на участке суглинистая, местами супесчаная. К востоку

значительно покатая, прорезывается оврагами, к западу же, к стороне Серпуховского шоссе и деревни Котлов, более ровная»⁷³.

В августе 1903 г. Верещагин предпринял долгожданную поездку в Японию, откуда вернулся в ноябре 1903 г. Он привез огромную коллекцию предметов японского искусства и домашнего обихода, двадцать этюдов и набросков, написал несколько очерков о Японии. А в марте 1904 г. началась Русско-японская война – и шестидесятилетний баталист отправился на фронт, где уже 31 марта 1904 г. погиб: флагманский броненосец «Петропавловск», на котором находился Верещагин, подорвался на mine. У художника остались жена и трое малолетних детей. Вряд ли они построили новую дачу на только что купленной земле. В более поздних документах эти оброчные статьи упоминаются за другими арендаторами.

Церковь Николая Чудотворца, что в Котлах, известна с незапамятных времен. Известны фотографии 1910 г. церкви Николая Чудотворца в селе Никольском.

Появились они, как видно, в связи с ремонтом храма, с прошением о котором в том году причт и староста обратились, как было заведено, в Московскую духовную консисторию – просили «о разрешении произвести ремонт и устроить духовое отопление...». Консистория запросила Императорское Московское археологическое общество. Его Комиссия по сохранению древних памятников постоянно отслеживала состояние таких древних зданий, как Николаевская церковь, что на Котлах, и без разрешения комиссии приступать к малейшему ремонту не разрешалось. Вероятно, тогда же членами комиссии был сфотографирован храм – снаружи и внутри, что дает возможность увидеть уникальный иконостас, в котором иконы располагались не рядами, а по окружности.

Церковь Николая Чудотворца в селе Никольском на реке Котловке, вид с севера. *Фото 1910 г.*

В деле хранится справка, составляемая обычно в консистории после поступления прошений о ремонте и содержащая предысторию храма: «По клировой ведомости о церкви Святителя и Чудотворца Николая, что на Котлах, Московского уезда за 1909 год значится: построен в 1646 году деревянный храм во имя Зосима и Савватия окольников Афанасием Осиповичем Прончищевым. В 1677 году сыном его Иваном Прончищевым на место деревянного храма построен каменный во имя Святителя и Чудотворца Николая и Знамени Пресвятой Богородицы (взято из патриарших книг Казенного приказа 88 л. 277). Оба престола за одним иконостасом и холодные. В 1875 году частью на церковную сумму, частью на приношение добротных дателей устроен теплый придел во имя Св. Пророка Илии. Зданием каменная с таковою же колокольнею. Утварью достаточна». Императорская Археологическая комиссия ремонт разрешила при условии сохранения: «1) существующих признаков бывших в древности пристроек с юга и с севера и звонницы на южной стене с лестницею к ней, проходящею в толще сей стены, а также 2) могущего обнаружиться существования древней стенописи».

В январе 1911 г. был утвержден список работ, затем и выполненных, по ремонту древней церкви: «В алтарях сделать деревянные золоченые одежды для 2-х престолов с живописными иконами под стеклом и с мраморными верхними досками, переделать колоды, сделать двойные рамы, заменить во всем храме полы деревянные метлахскими плитками, возобновить иконостас, не изменяя формы и вида, подштукатурить внутри стены, окрасить их масляной краской, расписать их орнаментом и священными картинами, соединить теплый храм с холодным пробивкою арки в стене, надстроить колокольню на один ярус и покрасить крышу новым железом и, согласно утвержденному проекту, устроить в холодном храме духовое отопление...»⁷⁴

При церкви, бывшей приходской не один век, имелось кладбище (600 кв. саж. – 2722,5 кв. м), где хоронили жителей, входивших в приход деревень (Шаболовка, Изютина, Верхние Котлы) вплоть до 1930-х гг., когда церковь снесли. Тогда она стояла уже у края высокого обрывистого берега, постоянно размываемого рекой. В 1978 г. на месте разрушенной церкви еще был свободен большой газон перед трехэтажным зданием Московского приборостроительного техникума, а при обвалах кромки оврага вскрывались захоронения бывшего погоста. К 1990 г. рядом появилась станция метро «Нагорная», а здание техникума вместе с участком церкви заняла автобаза № 29 производственного объединения «Мосовощтранс»⁷⁵.

Советские времена начались, когда после революции во всех селениях были избраны сельсоветы. В каждом селении, независимо от его величины, – свой Совет. В каждой волости – волостной Совет рабочих и крестьянских депутатов. В июне 1918 г., когда Московский уездный совет принял постановление о слиянии волостей, их в уезде было 20, из них надо было сделать 10, для чего некоторые волости объединяли. Название и центр новых волостей появились не сразу.

Так, в одну волость объединили Зюзинскую, Царицынскую и Нагатино-Люблинскую. Зюзинский волсовет был против слияния. Однако 11 августа 1918 г. на заседании президиумов трех волостных Советов крестьянских и рабочих депутатов решение о слиянии волостей было принято. Центром соединенных волостей после долгих прений избрали Царицыно. В сентябре было принято постановление назвать новую волость Южной, и сообщение об этом послано в Москву. Но из уездного Совета было получено указание именовать волость Ленинской. Нагатино-Царицыно-Зюзинский волостной совет согласился с этим⁷⁶. А 28 сен-

тября 1918 г. исполком Ленинского волсовета переименовал село Царицыно и одноименную железнодорожную станцию в Ленино.

Только осенью 1918 г. во всех селениях, согласно Декрету о земле, был проведен передел земель в каждом селении. Как правило, пахотные земли делили по едокам на 8 или 9 лет. Тогда же во всех селениях были созданы крестьянские общества совместной обработки земли, получившие название СККОВ – сельские комитеты крестьянского общества взаимопомощи. Они как бы представляли прежнее сельское общество – коллектив хозяйств селений, участие в котором не было регламентировано, но общепринято.

В сельсоветах в начале 1920-х гг. были составлены подробные перечни имеющихся на территории заводов и фабрик с отметкой, работают ли они. На территории Нижне-Котловского группсовета, куда в то время входили и Верхние Котлы, располагалось много заводов, в том числе верхнекотельские предприятия: шелкокрутильная фабрика «быв. Катуара», которая находилась в ведении МСНХ и не работала; кирпичный завод «быв. Якобсона», производивший кирпич для Шатурстроя; медно-литейный завод («быв. Вогау» до 1917 г.) – работал в ведении ВСРМ.

Жизнь обеих деревень была, как всегда, взаимосвязана. В 1924–1929 гг. у селений Верхние (519 жителей) и Нижние Котлы (854 жителей) существовал единый группсовет – Нижне-Котловский, председатель сельсовета беспартийный крестьянин М.А. Карасев⁷⁷.

В сведениях о землепользователях Ленинской волости 1926 г. сообщаются разнообразные сведения о населенных пунктах. В Верхних Котлах значится 358 едоков. Здесь имеется не только школа 1-й ступени, но и ученическая библиотека, и сельскохозяйственный кружок; кирпичный завод (быв. Якобсона), аффинерный завод (быв. Вогау), совхоз «Коробково» (быв. Коробкова), 15 дес. леса (быв. Катуара).

Кстати, все окрестные лесные дачи, независимо от величины, уже с 1918 г. отошли к лесничеству. И в перечне около сорока лесных дач этого периода, приведенных в «Сведениях лесничества о лесах в Ленинской волости», значатся не только участки в 4 дес. (быв. Коньковская пустошь без названия), 7 дес. (быв. Романова, быв. Шмидта), 8 дес. (быв. парк Ржевских в Шаболове), но и 1319 дес. (быв. казенный лес в Покровском), 330 дес. (быв. Каткова в Битцах), 200 дес. (быв. Трубецкого в Узком).

В 1927 г. статистические сведения о селениях Ленинской волости были объединены в «Поселенные таблицы о распределении земли по формам землепользования, по видам угодий, характеру почв, количеству скота и кустарных промыслов по селениям Московского уезда». В Ленинской волости в Верхних Котлах числилось 76 общинных хозяйств, а в них наличных едоков – 454, распределение земли по угодьям (в дес.): усадьба – 8,46, пашни – 192,20, луга – 3,00, выгон – 16,74, лес и куст. – 22,56; всего земель – 242,96, почва – глина; лошадей взр. – 32, коров взр. – 64, число хозяйств, занятых кустарными промыслами, – 4, в них занятых промыслом лиц – 4⁷⁸.

При очередном разукрупнении группсоветов в 1929 г. Верхне-Котловский сельсовет стал самостоятельным⁷⁹.

Котловская школа. В 1869 г. в Верхних Котлах в доме преподавателя, никольского священника Воронцова, открылось церковноприходское училище, в котором тогда училось 17 мальчиков и 2 девочки⁸⁰. Но позже начальное народное училище было открыто в деревне Нижние Котлы, где и существовало многие годы как Котловское училище, отмечая время создания 1897 г. В нем учились крестьянские дети из обеих деревень. Как и во многих училищах, здесь была создана ученическая библиотека, одна из крупных по сравнению с другими: к 1 июня 1908 г. в ней было 607 книг. Они группировались по разделам: духовные – 103, биографические – 36, исторические – 65, географические – 63, по естествознанию – 89, рассказы и повести – 237, разные – 14; пришли в ветхость – 24, последний раз библиотека

пополнялась в 1905 г., но сколько поступило книг, в отчете не указано, в 1907/08 учебном году в училище было 100 учащихся, учащиеся прочли 90 книг, взрослые читатели – 14⁸¹.

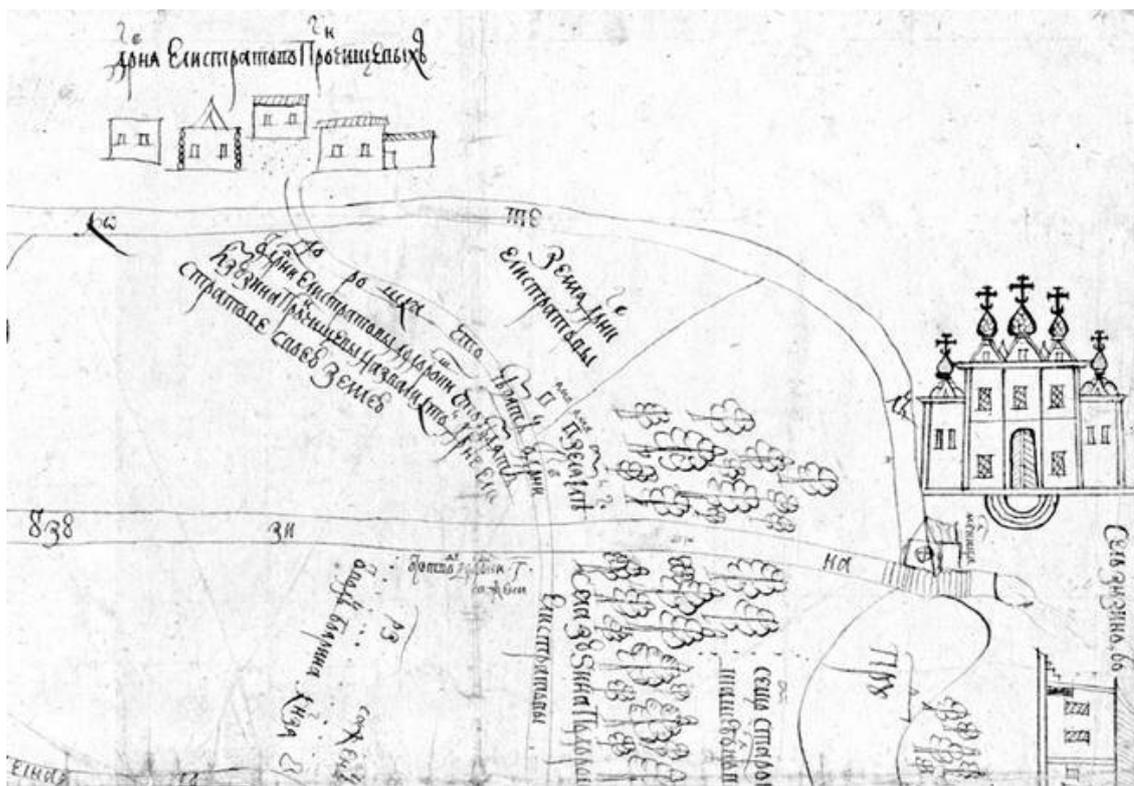
В 1914 г. попечителем Котловского училища являлся Николай Васильевич Якунчиков (с 1906 г.), в нем преподавали священник Иоанн Матвеевич Наумов (с 1896 г.) и четыре учительницы: Прасковья Николаевна Побединская (с 1895 г.), Александра Андреевна Фишер (с 1902 г.), Любовь Андреевна Фишер (с 1908 г.), Евгения Николаевна Яковлева (с 1911 г.)⁸².

Но позже, уже после революции, в Верхних Котлах вновь возникла школа (отмечена в 1924 г.). Это была школа 1-й ступени – с 1918 г. форма начальной общеобразовательной школы, сначала пятилетней, а с 1923 г. четырехлетней.

В июле 1918 г. в Верхних Котлах отмечены комиссаром Гавриловым Акционерное общество «Московский электролитический завод» – 64 рабочих; завод быв. Якобсона, где жило 13 человек, и шелкокрутильная фабрика быв. Катюара, при которой жили 192 человека.

Совхоз «Коробковские сады». Прежде чем рассказывать об этом советском хозяйстве, напомним вышесказанные сведения о территории, где возникло это хозяйство. Это высокий мыс между Котловкой и ее правым притоком, где в начале XVIII в. располагалась деревня Елистратьева села Никольского.

В 1860 г. коллежский асессор Пётр Акимович Краснов поставил кирпичный завод (1 печь, 7 сараев, 12 станков). Землю под кирпичный завод и добычу глины, как было заведено в таких случаях, он арендовал у владельца села Никольского Верхние Котлы Николая.

Деревня Елистратьева. Фрагмент чертежа 1694 г.

Александровича Калашникова. А в 1869 г. Краснов приобрел по купчей крепости весь участок деревни Елистратьевой – 30 дес. между речкой Котловкой и небольшим правым притоком – ручьем, пополняемым ключами. Заводом тогда владел уже московский купец Иван Егорович Обрезков, который арендовал у Краснова 4 дес. под завод и глинище. 19 мая 1877 г. завод у Обрезкова купил московский купец Матвей Александрович Кухнов. 29

декабря того же года М.А. Кухнов умер, оставя, по духовному завещанию, завод жене Ольге Александровне Кухновой. В 1882 г. истек срок аренды 4 дес. земли под завод, которым в том году владел уже купец Сергей Иванович Поземщиков. Он не собирался продолжать дело, и в июне многие сараи, как полагалось, уже были поломаны.

Возможно, запасы глины на этом участке после многих лет разработки заканчивались. И как заведено в этих садоводческих местах, после разравнивания глинищ П.А. Краснов мог заложить на участке сад. За несколько лет сад поднялся, и Краснов смог продать молодой, еще не плодоносящий сад. 12 ноября 1890 г. 30 дес. за те же 6 тысяч руб. купила по купчей крепости жена коллежского регистратора Елизавета Ивановна Сретенская (наличие какого-либо сада в купчей не упомянуто).

В Окладной книге 1902 г. отмечено, что за Сретенской – 24 дес. За остальную землю налоговый сбор платил арендатор. В это время на ее участке, смежном с селом Зюзином, землю под кирпичный завод и глинище арендовал Дмитрий Андреевич Романов, владелец села Зюзина. В 1899 г. на этом романовском заводе работало 200 рабочих. Но в 1901 г. Дмитрий Андреевич умер, наследники с заводом не справились, в 1906 г. верхнекотельский завод остановился и более не действовал, хотя на картах начала XX в. долго отмечались сараи.

В каком году землю у Е.И. Сретенской купил Трифон Иванович Коробков, сказать трудно. Но когда в 1918 г. составлялись списки частновладельческих имений, в список – с небольшой пометкой: «зал. в Моск. Зем. Банк» – внесли его имение в 30 дес. (усадебный сад 25 дес., огород 2 дес., пруд 3 дес.)⁸³.

Потомственный почетный гражданин Трифон Иванович Коробков с 1908 по 1916 г. записан в справочных книгах о купцах среди лиц, получавших свидетельство на торговлю и промышленное предприятие, – равнозначно 3-й купеческой гильдии. Все эти годы он жил в Якиманской части на 1-м участке, на Большой Якиманке в своем доме и имел собственное дело – был биржевым маклером при Московской бирже.

Десятком лет раньше ему, как состоятельному финансисту, известный московский архитектор Лев Николаевич Кекушев (вместе с С.С. Шуцманом) перестраивал особняк (1894–1896), построенный в Замоскворечье еще в 1866 г. (улица Пятницкая, 33, ныне посольство Танзании). Асимметричный эклектичный небесно-голубого цвета, с чешуйчатым куполом, особняк Коробкова – ранняя работа Кекушева и считается одной из лучших его работ.

В 1912–1915 гг. художник А.М. Герасимов, будучи студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества (окончил в 1915 г.), написал портрет жены Коробкова Ольги Петровны, который ныне хранится в Мичуринске, в музее-усадебном доме художника.

С Трифоном Ивановичем Коробковым студента Герасимова познакомил В.А. Гиляровский. Т.И. Коробков интересовался искусством и, следуя моде и подражая известным московским меценатам Третьякову, Мамонтову, материально их поддерживал – делал молодым художникам заказы. Летом в каникулы молодые художники жили на коробковской усадьбе, работали над этюдами. Так возникли полотна «Усадьба Коробково», «Лесная тропинка». На картине «Усадьба Коробково» (1915) изображен двухэтажный дом на высоком фундаменте в глубине сада. Все три картины находились у родственников Коробковых и нигде не экспонировались. Сейчас они находятся в экспозиции музея-усадебного дома А.М. Герасимова.

Портрет Ольги Петровны Коробковой – жены московского финансиста Трифона Ивановича Коробкова. Семья жила на улице Большая Якиманка. Художник А.М. Герасимов. 1915 г. Портрет находится в постоянной экспозиции выставочного зала музея-усадьбы А.М. Герасимова (г. Мичуринск)

Сад Коробкова считался одним из крупных садовых имений, с большим разнообразием сортов садовых культур. Поэтому ученые-садоводы регулярно проводили в саду раз-

нообразные испытания. Даже в 1918 г., когда заложенный в Московском земельном банке сад практически остался без хозяина, эта работа продолжалась.

Как отмечено в отчете за 1919 г. Отделения защиты растений от вредителей Губземотдела, «Фитопатологическим Бюро в 1918 г. велись испытания мер борьбы с паршею яблонь и груш и наблюдения над поражаемостью различных сортов на разводимых в Московской губернии этой болезнью (опыты велись в одном из лучших садовых имений Московской губернии быв. Т.И. Коробкова при д. Верхние Котлы Зюзинской волости Московского уезда). Прерванные по независящим обстоятельствам в 1919 г. испытания эти текущей осенью возобновляются и будут служить предметом исследовательских работ Фитопатологического Бюро в 1920 г.»⁸⁴.

И испытания действительно были продолжены. В мае 1920 г. Отделение защиты растений от вредителей Губземотдела организывает в имении Уземотдела (быв. Коробкова) опытный участок по борьбе с вредителями сельского хозяйства⁸⁵.

Совхоз «Коробково», как ценное опытное и производственное хозяйство, Уездный земельный отдел не включил в Черёмушкинскую группу совхозов, хотя управляющему совхоза «Коробково» В.Ф. Братковскому в 1919 г. поручили руководить и совхозом «Бирюлёво» (быв. имение Эсманского). Но когда «Бирюлёво» в командном порядке было занято красноармейцами Московского рабочего полка (так как, согласно предписания, Губземотдела арендаторами совхозов Черёмушкинской группы с 13 января 1920 г. стало Московское комендантское управление), Братковский с возмущением написал докладную, что в таких условиях он отказывается работать. После разбирательства дела Братковского оставили в «Коробково» и совхоз – в ведении Уземотдела. А Московское комендантское управление арендовало совхозы в течение года – 25 февраля 1921 г. совхозы Черёмушкинской группы по акту были переданы обратно МОЗО (Московскому земельному отделу)⁸⁶.

Надо отметить, что в списках национализированных земель, вошедших в 1918–1920-х гг. в перечень государственных земельных имуществ (ГЗИ), встречаются такие фамилии недолгих и полузабытых владельцев: Эсманский в Бирюлёве, Вогау в Верхних Котлах, Рассыхин в Зюзине, Шестаков в Конькове, Колесникова в Богородском, Кононов в Ясеневе и т. п., владевших имениями на рубеже 1916–1917 гг. Председатели сельсоветов, как правило, без документов – по памяти, в поданных в волостные советы отчетах об имеющихся на территории сельсоветов земельных владениях – отмечали последних владельцев. Землемеры уточняли информацию, по возможности у владельцев, в земельном банке или в других достоверных для них источниках, доступ к которым сейчас отсутствует. И нередко реальность заменяется народными выдумками, даже страшилками.

Так, в печати и в Интернете сообщается, что Коробков – владелец верхнекотловского кирпичного завода, сад заложил в 1880 г., что сам В.И. Ленин в 1922 г. распорядился использовать урожай сада для детей. А садом распоряжается НКВД. Все было совсем не так. Про историю этого места и Трифона Ивановича Коробкова я выше написала. Но прежде эти сведения были рассыпаны в мелочах в различных документах, пока не сложились в единую судьбу. И думаю, сейчас читатель поймет, что владельцем верхнекотловского завода финансист, биржевой маклер Коробков не был и сад, вероятно, приобрел готовым не позже 1912 г., а в 1916 или 1917 г. заложил в Московский земельный банк, как видно, деньги понадобились. Шла мировая война...

Больших садов в те годы было мало. Как писали агрономы, исследовавшие садоводство на территории Ленинской волости, в 1914 г. с переходом крестьянства на отрубá были вырублены прежние сады, а новые из-за Первой мировой войны высадить не успели. Садоводство надо было поднимать, и сохранившиеся по разным причинам Коломенский и Коробковский сады – равные по размерам посадок и разнообразию сортов – после национализа-

ции сразу были поставлены в I категорию на уровень государственных земельных имуществ (ГЗИ) общегосударственного значения как совхозы спецназначения.

В марте 1922 г. Коломенский и Коробковский сад действовали как единое учреждение (управляющий Я.К. Берзен), состоявшее в садовой группе совхозов Московского уезда на государственном снабжении впредь до перехода на хозяйственные начала⁸⁷.

В 1923 г. в части I списка ГЗИ общегосударственного значения «Коробково» значится под № 25 («Коломенские сады» – № 26) – оба совхоза спецназначения находились в фактическом пользовании Управления фермерского огородничества и садоводства МОЗО. Площади угодий «Коробково» (в дес.): общая – 28, в них сенокос на суходоле 1, сад и огород – 20, неудобья – 5, площадь усадьбы – 2 дес.⁸⁸

А к маю 1925 г. Московское УЗУ (уездное земельное управление), в ведении которого находился сад «быв. Коробкова», преобразовал его из производственного совхоза в Помологический рассадник (сортовой питомник), и всем участковым агрономам и ВИКом (волостным исполкомам) были предложены для продажи – с оповещением крестьянского населения – выращенные в Коробковском саду саженцы: ясень, липа, дуб, клен, каштан, туй, кедр, пихта, ель серебристая, спирея кустарник, жасмин, сирень, сирень сортовая, туя сортовая, яблони, однолетки, крыжовник, смородина красная, черная, белая⁸⁹... Это была целенаправленная огромная, но и обычная работа, которую вели земельные отделы уезда и волости с крестьянским населением: не только дать землю, но и научить получать хорошие урожаи, обеспечить саженцами, удобрениями, помочь поднять садоводство, обновить парки.

В «Сведениях о землепользователях по селениям Ленинской волости» за 1926 г. «Коробково» в Верхних Котлах значится в числе восемнадцати совхозов волости. Площади совхоза выросли: сады 23,41, усадьба 0,75, кустарник 6,12, под дорогами, улицей и водой 1,16. Всего 31,44 дес.⁹⁰

Мособлстатотдел при статистике обобществления (по состоянию на 1 апреля 1929 г.) указал «Помологический рассадник Коробково» в списке совхозов под порядковым номером 5. Совхозодержатель – Мосгорсельтрест. Общая площадь 34,35 га (чуть больше 31 дес.). Направление – садовое. Почтовый адрес: п/о 26, г. Москва, сел. Верхние Котлы Ленинского р-на, ближайшая станция Коломенская Рязанско-Уральской ж. д.⁹¹

На 1 января 1930 г. совхоз «Коробково» значился в перечне совхозов областного значения: под плодовыми садами – 25,57 га, под постройками – 0,82 га, неудобья – 1,27 га (как видно, овраг с прудами); всего 34,35 га⁹².

Постоянная смена руководства садами, перевод совхозов из одного ведомства в другое привела к тому, что в списках ГЗИ сад значился по-прежнему как Коробковский, когда он уже сменил официальное название: совхоз «Помологический рассадник» Моссовхозтреста. И когда 27 декабря 1930 г. Ленинский райземотдел прислал в «Коломенские сады» форму для заполнения обоими садами сведений по ГЗИ для представления их в Наркомат земледелия (НКЗ), ответ был неожиданным.

«Совхоз «Помологический рассадник» Моссовхозтреста ставит вас в известность, что рассадник и хутор его «Коломенские сады» не имеют в данное время документов, по которым можно было бы дать вам просимые сведения, так как и «Помологический рассадник», и «Коломенские сады» в период с 1924 г. переходили из одного треста в другой (Моссемплемхоз, Моссовхозтрест, Управление ферм и огородов при МОЗО, Садвинтрест) и материал о наличии имущественных ценностей должен быть, видимо, в делах трестов или МОЗО. Директор совхоза *Нарциссов*⁹³.

В годовом производственно-финансовом отчете за 1930 г. хозяйство было записано как садово-виноградный совхоз «Помологический рассадник», хотя уже на следующий год в промфинплане такое уточнение специализации совхоза отсутствует.

На картах 1924, 1930, 1931 гг. на месте прежнего совхоза «Коробково» обозначен «Помологический рассадник». Старожилы садоводческого села Зюзина, смежного с Коробковским садом, вспоминают, что хозяйство всегда, независимо от его подчиненности, работало как помологический рассадник, обеспечивавший окрестных колхозников различными саженцами. И Зюзинский колхозный питомник все годы получал от него немало полезного для своей повседневной работы.

В 1934 г. Коробковские сады оставались самостоятельным совхозом под названием «Помологический рассадник», хотя и вошли в состав Москвы в 1932 г. вместе с землями села Верхние Котлы. Агроном Евг. Игнатов пишет в заметке (газета «В бой за коллективизацию» от 5 октября 1934 г.): «Неподалеку от станции Коломенское раскинулся совхоз «Помологический рассадник». В саду на площади 19,5 га большой ассортимент наших среднерусских яблонь около 80 названий. В питомнике с 1924 г. выращивались многие ценные мичуринские сорта яблонь и груш. В 1924–1926 гг. урожай достигал 28–30 т с гектара. В 1926–1927 гг. стали применять вместо навоза мусорные отбросы московских заводов, богатых по содержанию азотом и фосфором. Все, что мы теряем от небрежного ухода за садами, крепко бьет по нашей сельскохозяйственной мощи. Коммунисты и комсомольцы должны быть застрельщиками коренного улучшения нашего садоводства».

В паспорте на государственный памятник природы местного значения № 37, которым являются Коробковские сады, к сожалению, сделана ошибка: сады записаны как «Коробовские», а купец по фамилии Коробов, что вызывает путаницу и у обывателей, и даже у администрации района Котловка, на территории которого находится сад. Паспорт, составленный в 1985 г., сообщал, что памятник природы расположен на землях совхоза им. XXII съезда КПСС и занимает 28 га. В описании дана краткая историческая информация: «Сады посажены на месте бывшей усадьбы Никольское, от которой сохранились отдельные деревья. Купец Коробов устроил систему водоемов, посадил плодовые деревья, часть которых сохранилась. В военное время был заложен новый сад, который может быть памятником трудовой славы народа в Великой Отечественной войне. В саду имеются уникальные виды груш и плодово-ягодных кустарников». Позже природный комплекс № 37 «Коробовские сады» (таково официальное наименование) передан в пользование ФГУП «Совхоз им. XXI съезда КПСС» для эксплуатации природного комплекса и принадлежит на праве собственности Российской Федерации. Распоряжением Правительства РФ от 19 января 2008 г. № 29-р ФГУП «Совхоз им. XXI съезда КПСС», находящийся в ведении Минсельхоза России, передан ФСБ России. В настоящее время Правительство Москвы договаривается с ФСБ России о передаче земель сада в собственность города Москвы, чтобы открыть сад для посещений, прогулок и прочего безнадзорного использования.

Сад никогда не был открытым местом для прогулки населения, о чем иногда ратуют в газетах или в Интернете. Это производственное предприятие, и бетонный забор, единственная преграда от набегов на плодовые деревья, которые, увы, были всегда. Лучше было бы передать сады в ведение Ботанического сада или МГУ, а урожай сохранять и передавать безвозмездно в детские учреждения.

Колхозные времена Верхних Котлов. Чтобы представить их, напомним вкратце, как развивалось селение во времени.

Село Никольское с храмом Святого Николы – до XVII в. постепенно запустевшее – в 1623 г. записано как запустевшая деревня Котельская, с давно отсутствующим храмом, в 1627–1629 гг. – даже пустошь, что было сельцо Никольское, располагавшееся по обе стороны речки Котла – «пашни наездом пахано средние земли 20 чети, да перелогом и лесом поросло 210 чети в поле, а в дву потому ж, сена по Москве-реке 50 копен, лесу 5 десятин»⁹⁴. Земли эти располагались вплоть до Серпуховской дороги, которая была межой между землями сельца Никольского и дворцовыми землями деревни Котлы (много позже, в XX в., называемой Ниж-

ние Котлы). К переписи 1710 г. при Серпуховской дороге со стороны Никольского появился постоянный двор, напротив такого же постоянного двора дворцовой деревни Котёл. При постоянном дворе поставлены были дворы крестьян, по зимам обслуживавших проезжающих. При Генеральном межевании 1766 г. на месте этих постоянных дворов отмечена на плане и записана «деревня Котлы на суходоле при Большой Серпуховской дороге». Но при этом деревня еще не отделена от села: «в селе и деревне 30 дворов, 118 ревизских душ мужского пола и 97 женского пола»⁹⁵. Постепенно эта деревня и получила название Верхние Котлы, зафиксированное в исповедных ведомостях в сентябре 1777 г. при Анне Александровне Голицыной – в деревне отмечено уже 26 крестьянских дворов⁹⁶.

Разделение деревни на две части отмечено в 1784 г., когда вся вотчина была разделена на две части между вдовствующей княгиней Анной Александровной Голицыной и мужем ее покойной сестры Екатерины князем Николаем Михайловичем Голицыным⁹⁷. Но вскоре имение вновь стало единым: в метрической книге 1786 г. владельцем села Никольского и деревни Верхние Котлы стал сын Николая Михайловича князь Александр Николаевич Голицын⁹⁸.

Разделение деревни Верхние Котлы возникло вновь в 1817 г., когда вотчина села Никольского была разделена между Александром Ивановичем Калашниковым, мужем Екатерины Фёдоровны (урожденной Ардалионовой), и ее братом подпрапорщиком Анастасом Фёдоровичем Ардалионовым⁹⁹. При этом у Калашниковых в вотчину входило село Никольское и первая часть деревни Верхние Котлы. А.Ф. Ардалионову отошла вторая часть Верхних Котлов, стоявшая восточнее вдоль Серпуховской дороги. Эту часть вотчины, с второй частью Верхних Котлов, получила Елена Фёдоровна Андреева после смерти брата. При 8-й ревизии 1834 г. было отмечено, что вотчина официально являлась общим владением сестер¹⁰⁰. Однако полюбовный раздел между семьями сестер уже давно состоялся, и в 1844 г. он был закреплен специальным размежеванием на два участка под литерами Н-17 и К-43¹⁰¹. При этом за первой частью числилось 32 двора, а за второй 6 крестьянских дворов.

Когда после крестьянской реформы 1861 г. крестьянам были выделены наделы и они объединились в сельское общество, Верхнекотловское общество тоже состояло из двух частей. Но при этом нумерация поменялась. Как отмечено в земской окладной книге в 1873 г., первой частью сельского общества стала часть «(быв. господина Андреева) 29 душ мужского пола, 13 дворов, земли: усадебные 9,5 дес., пашни 58,4 дес., всего 67,9 дес.», то есть в крестьянские наделы отошла вся земля деревни, протянувшаяся вдоль Серпуховской дороги. А вторая часть сельского общества образовалась на земле быв. господина Николая Александровича Калашникова, вдоль межевого оврага – отвершка, начинавшегося у Серпуховской дороги и впадавшего в овраг, по которому протекала Котловка, – «50 душ мужского пола, 20 дворов, земли: усадебные 10,8 дес., пашни 84,2 дес., покосов 7,0 дес., всего 102,0 дес.»¹⁰².

В Подворной переписи 1869 г. в этой части Верхних Котлов отмечены 2 лавки. Овощную лавку доходностью 100 руб. завел на своей земле крестьянин Яков Титов. А крестьянин Тит Кузьмин тоже на своей земле завел мелочную лавку доходностью 20 руб.¹⁰³

Эти лавки с той же доходностью отмечались в Верхних Котлах и в 1872, и в 1873 гг. Только Якова Титова сменил Матвей Титов¹⁰⁴. В 1901 г. под устройство Павелецкой железной дороги, проложенной между Серпуховской дорогой и речкой Котловкой, из первой части крестьянского надела было исключено 3,9 дес., а из второй части – 1,6 дес.¹⁰⁵ Крестьянские дворы при этом оказались между шоссе и путями железной дороги.

Это разделение существовало вплоть до июля 1918 г., когда в связи с прошедшим в мае изменением границ уездов зюзинский гражданский комиссар В.Л. Гаврилов составил и

представил в гражданский отдел губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов список селений Зюзинской волости, с указанием количества жителей каждого селения, фабрик, заводов и бывших имений. Гаврилов упомянул селение Верхние Котлы одной строкой под № 12 с сообщением, что на 1, 2 и 3-м участках проживает 1720 жителей обоёго пола¹⁰⁶ (как правило, под № 1 всегда обозначалась часть деревни Верхние Котлы (быв. Калашникова), смежная с Нижними Котлами, под № 2 – соседняя часть деревни (быв. Андреева) вдоль Серпуховской дороги, а № 3, как видно, обозначили село Никольское у церкви на берегу Котловки, на которое уже давно перешло название Верхние Котлы, и даже приход Никольского храма в середине XX в. назывался в документах Верхнекотельским). В дальнейшем это было административно единое селение.

В списке кооперативной сети вновь образованной в 1929 г. Московской области по Ленинскому району (до этого Ленинской волости) отмечено, что кооператив – общий в селениях Верхние и Нижние Котлы – развивался в садово-огородном направлении. При этом в годовом отчете за 1929–1930 гг. деревня Верхние Котлы, вместе с Нижними Котлами, входила в Коломенский куст¹⁰⁷.

9 января 1930 г. в селе Верхние Котлы семь жителей (среди которых был один бедняк, а остальные середняки), вместе с председателем сельсовета Е.В. Цветковым, учредили поселковое сельскохозяйственное кооперативное производственное товарищество. На организационном собрании присутствовали 70 человек (вместе с учредителями). Приняли устав, установили размеры взносов: вступительных, паевых и специальных.

Паевой взнос установили 5 руб. для батраков, для хозяйств, освобожденных от сельскохозяйственного налога, – 15 руб., для хозяйства, облагаемых в нормальном порядке, – 40 руб., для хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, – 100 руб.

Список членов товарищества, в составе 63 человек, и заявление учредителей, 14 января заверенные председателем сельсовета, были поданы в Райзо¹. Как видно, в ходе утверждения в районе были пересмотрены формы организации сельскохозяйственных коллективов. И 3 февраля 1930 г. в Верхних Котлах состоялось общее собрание сельскохозяйственной артели «Памяти Ильича», где присутствовало 52 члена коллектива (в том числе 31 мужчина и 21 женщина). На собрании, как указано в протоколе от 3 февраля, выступил «агроприкрепленный руководитель т. Берзин Я.К.», с подробными разъяснениями «производственного плана весен.-осен. сел. хоз. кампании, и обсудив все предполагаемые к проведению мероприятия, общее собрание признает полную возможность выполнения всех намеченных планом цифр и улучшений, и утверждает таковой». Агроисполнителями были выбраны председатель сельсовета Егор Васильевич Цветков и секретарь Иван Васильевич Никишин. А в марте поступил новый Устав, который члены артели проработали, и 22 марта на собрании бедноты, совместно с сельсоветом и правлением колхоза «Памяти Ильича», 25 марта на общем собрании граждан Верхних Котлов, а затем 27 марта на собрании молодежи Верхних Котлов сделали общий вывод: «что в основном устав не изменен, а лишь дополнен кое-какими уточнениями и посему постановили перейти на новый устав, текст которого утвержден правительством». К марту 1930 г. в колхозе состояло 52 двора – 88 членов¹⁰⁸.

Трудно предположить, что «агроприкрепленный руководитель т. Берзин Я.К.», посетивший село Верхние Котлы, – это Ян Карлович Берзин, известный советский военный деятель, в 1924–1935 гг. – начальник разведуправления штаба РККА, создавший систему военной разведки СССР, на которого намекают некоторые публикаторы, излагающие историю Коробковского сада, сообщая, что садовниками в этом саду были Ян Карлович Берзин и Арнольд Гансович Куус.

¹ Райзо – районный земельный отдел.

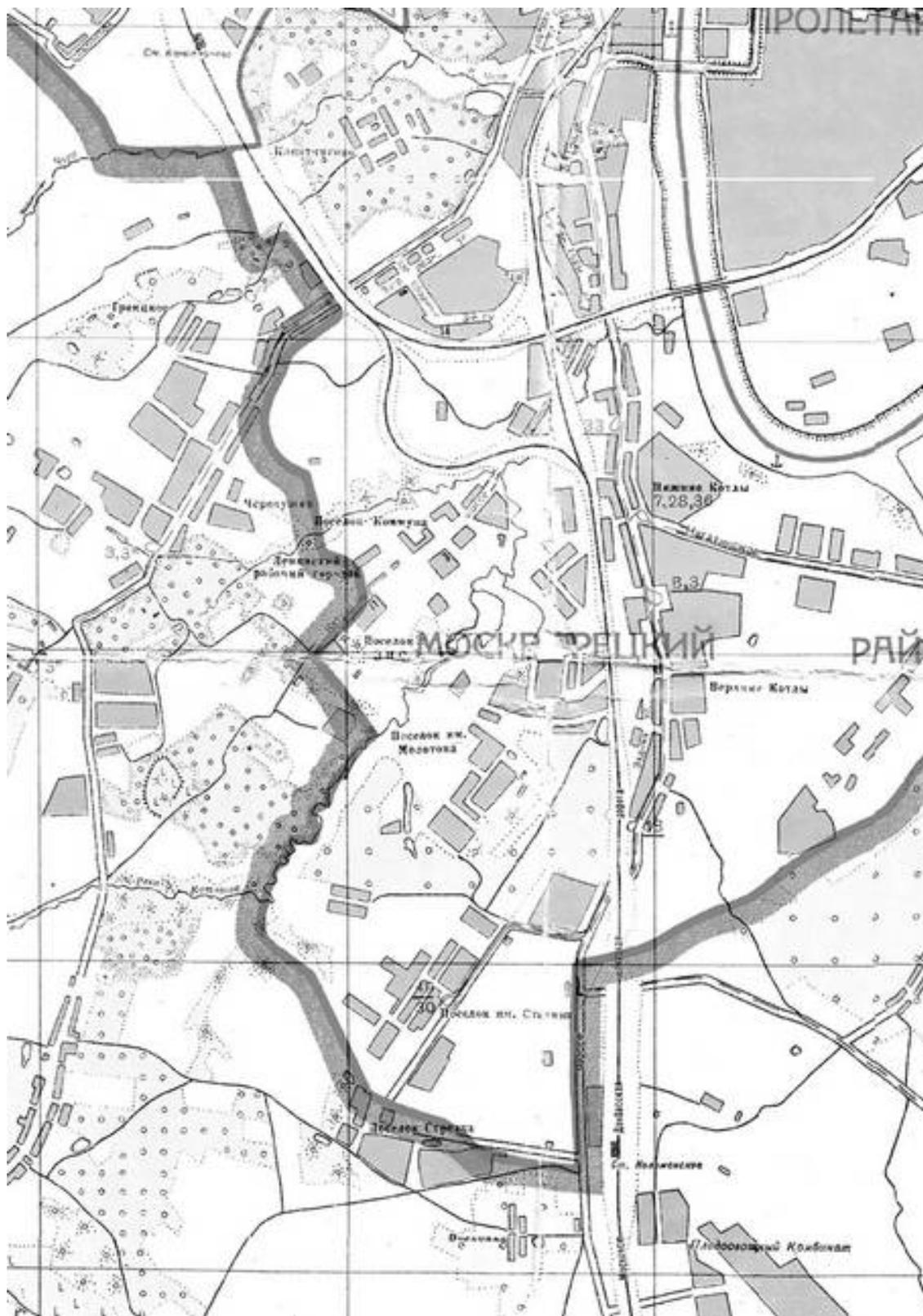
Но жизнь сельхозартели в Верхних Котлах была недолгой. В 1929 г. по приказам избирателей – рабочих девяти заводов, размещенных на территории Верхних и Нижних Котлов: фармзавода им. Карпова, кожзавода им. Землячки, шелкокрутильной фабрики «Красная крутильщица», электролитического завода и других предприятий – Замоскворецкий райсовет обратился с ходатайством о включении этих деревень в состав Москвы, с ликвидацией в них как сельсоветов, так и земельных обществ¹⁰⁹.

И по просьбе трудящихся было принято решение о включении этих территорий в 1932 г. в Москву. Они вошли в Замоскворецкий район города Москвы. При этом в Москву вошли не только сами селения, но и все их земли. Так прежняя южная межа земель села Никольского Верхние Котлы тож с деревней Волхонкой (Изютиной тож) определила часть южной границы Москвы. При сравнении карт межи 1766 г. и границы 1930-х совпадение полное.

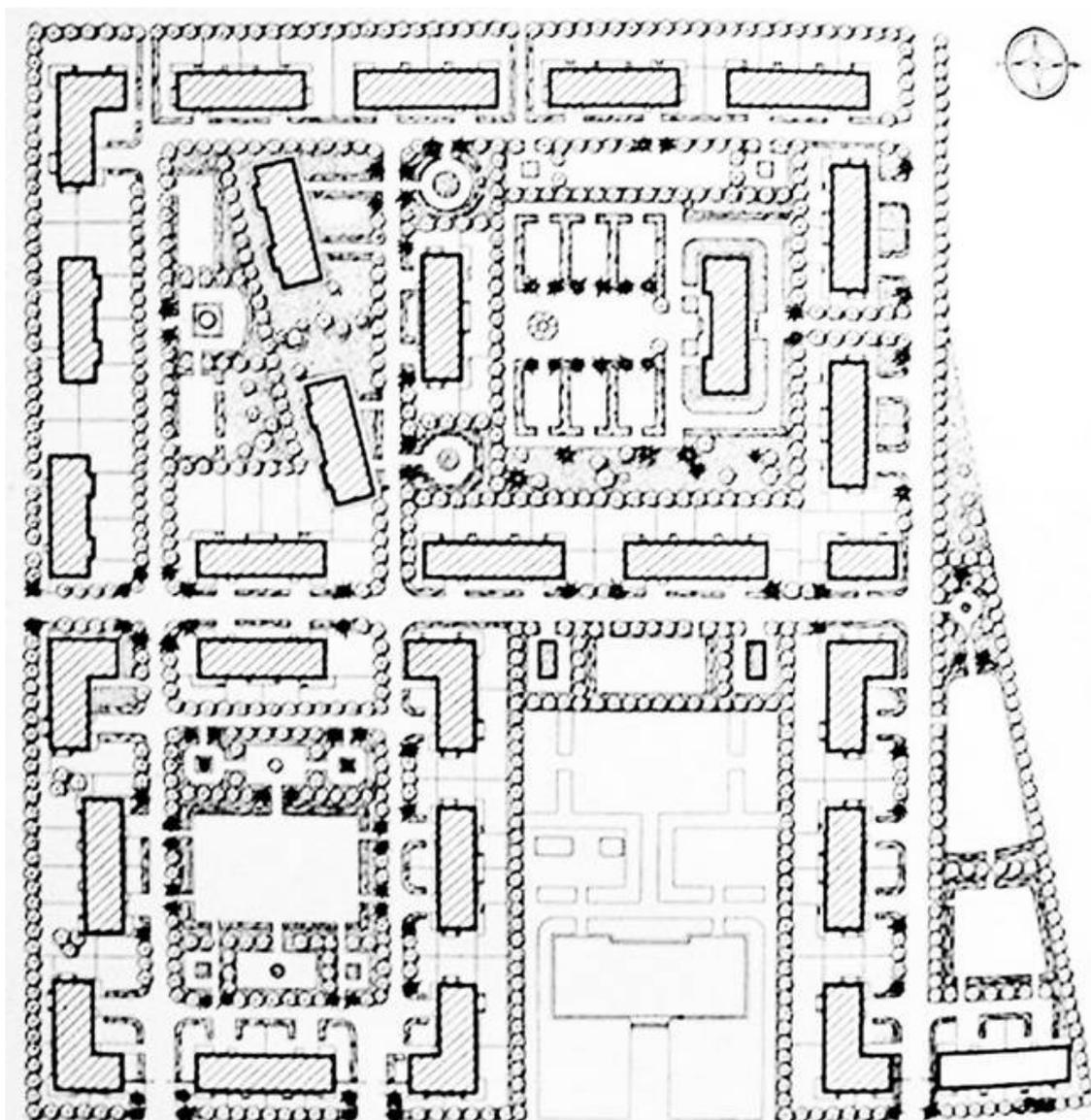
Поселок ЗИС образовался на этой присоединенной территории близ Коломенского полустанка. К этому времени в междуречье Коршунихи и Котловки на Катуаровском шоссе уже возникли несколько рабочих поселков предприятий, расположенных в Нижних и Верхних Котлах, которые и подняли вопрос о присоединении к Москве. Там первоначально возник и небольшой рабочий поселок ЗИС. Некоторое время спустя к нему пустили автобусный маршрут от автозавода. Кольцо автобусных маршрутов сохранилось до сих пор на Нагорном бульваре.

Но места для застройки там было мало: севернее вдоль шоссе находились Ленинский рабочий городок, поселок Коммуна, а южнее – ветеринарная лечебница. Вдоль высокого правого берега Котловки – Помологический рассадник, а ниже по берегу строения старого села Никольского, окруженного заводами, а за ним на старой сельской улице, идущей к Серпуховской дороге, куда переместилось село с новым названием Верхние Котлы, среди заводов – небольшой поселок им. Молотова рабочих медеплавильного и аффинерного завода (быв. Вогау).

Оставалась единственная свободная территория, примыкавшая непосредственно к меже деревни Волхонки, изрытая глинищами, оставшимися после добычи глины на этом богатейшем участке, где прежде находился верхнекотельский кирпичный завод Д.А. Романова (по соседству с тем заводом, который он построил на земле деревни Волхонки, земли которого отошли к поселку Стрелка). Между глинищами еще в 1930 г. отмечались развалины верхнекотельского завода. Один из котлованов, у забора, за пределами Помологического рассадника, был глубиной 4 м, позже в нем образовался пруд (существует поныне). Судя по картам, на пригорке вдоль ограждения рассадника тоже появились строения. Но значительно больше земли было вдоль заводской дороги, которая, отойдя от Варшавского шоссе и обогнув вершину глубокого Большого оврага, ушедшего на восток к селу Коломенскому, повернула на юго-запад и заканчивалась у поселка Стрелка (здесь прежде был кирпичный завод). Этот поселок находился на земле деревни Волхонки, поэтому в 1932 г. он остался за чертой Москвы (об этих землях и поселке Стрелка – читайте ниже в главе о Волхонке).

Фрагмент карты Москвы 1938 г., на которой обозначены рабочие поселки на присоединенной в 1932 г. части города

План квартала поселка ЗИС. 1940-е гг.

Оба поселка автозавода на картах обозначались одинаково: поселок ЗИС. Однако второй получил еще неофициальное название – Коломенский поселок. Под этим же названием в колхозных документах значился небольшой, в одну улицу, поселок жилищно-строительного кооператива «Стрелка». Поселок автозавода им. Сталина, смежный с землями кооператива, постепенно поглотил и этот поселок, и даже название Коломенский (неофициально). А жители села Зюзино и самого поселка называли его Сталинским.

В обоих поселках ЗИС велось малоэтажное строительство: архитекторы М.Н. Слотинцева и О.А. Яфа, работавшие в проектной мастерской Министерства нефтяной промышленности. Руководил этой мастерской академик А.А. Веснин – автор неосуществленного проекта «Поселок Никольский». И проекты этих архитекторов необычайно походили на проект Веснина.

1936 г. Григорий Иванович Брызгалов (*справа*) с другом сидит на лоджии комнаты его отца Ивана Семёновича Брызгалова в двухэтажном каркасно-засыпном бараке Сталинского поселка. Дом стоял на первой линии, на месте которой в 1966 г. проложили Нахимовский проспект, а барак снесли

В соответствии с проектом строили двухэтажные кирпичные и каркасно-засыпные дома на шесть квартир каждый. Фасады украшали балконы и угловые лоджии. На каждом этаже дома располагались по три квартиры, по удобствам вполне соответствующие городским, правда, с одним лишь исключением – не было горячей воды и ванных комнат. Хотя водопровод существовал и полагались умывальные. Эти квартиры заселялись, как правило, как коммунальные: на семью – одна комната. Ведь таких домов было мало. Прежде всего строили бараки-общежития, где возникавшие семьи из-за тесноты порой разделялись просто занавеской. И в дома переселяли лучших многодетных рабочих.

Застройка поселка ЗИС началась уже в 1932 г. по западной стороне заводской дороги, которую, как вспоминают местные жители, поначалу называли Центральной улицей. В первую очередь строили бараки. Образовывающиеся улицы и переулки долго никак не назывались, нумерация бараков и двухэтажных домов была беспорядочной, как писали в тогдашних газетах.

Фрагмент карты аэрофотосъемки 1942 г.: поселок ЗИС близ платформы Коломенской

На аэрофотосъемке 1942 г. обозначена самая длинная тогда улица (будущая Фруктовая), перпендикулярно пересекавшая Центральную (будущую Котловскую). В западном конце, виляя между рытвинами и овражками, она доходила до той улочки поселка, что появилась вдоль ограды Помологического рассадника. А на востоке, пересекая Котловскую, у 6-й линии поворачивала на восток к Варшавскому шоссе. Параллельно Фруктовой, южнее, располагалась 3-я линия Варшавского шоссе (будущая Сивашская) – она отходила от Центральной улицы и заканчивалась у межевого отворшка Волконского оврага.

В 1934 г. по Варшавскому шоссе был проложен трамвайный маршрут № 18 до моста через железную дорогу. От моста до поселка еще 1,5 км приходилось ходить пешком.

Когда в 1937 г. в поселок ЗИС проложили трамвай № 49, у 3-й линии к востоку от Центральной улицы разместилось кольцо трамвайной линии.

Основные вехи развития поселка ЗИС несложно проследить по публикациям из старых газет в Интернете (спасибо коллегам газеты «На Варшавке»).

В 1935 г. строились щитовые двухэтажные двухсекционные дома. В том году в поселке уже поселились 3 тысячи кадровых рабочих и столько же строителей. Для них были построены две столовые: № 11 (которая именовалась «Ресторан») и № 15. В одном из домов на первом этаже оборудовали амбулаторию. На территории 1 га построили оранжерею (двускатная

теплица и 70 парников), выращивали цветы для украшения поселковых скверов и горшечные растения для украшения красных уголков и клуба – герань, гортензия, нарциссы...

В 1936 г. в старой столовой открыли поселковый клуб. И хоть в здании было немало избытков, в клубе были кинозал, библиотека, действовали несколько кружков: футболистов, теннисистов, ворошиловских стрелков, кройки и шитья, западных танцев.

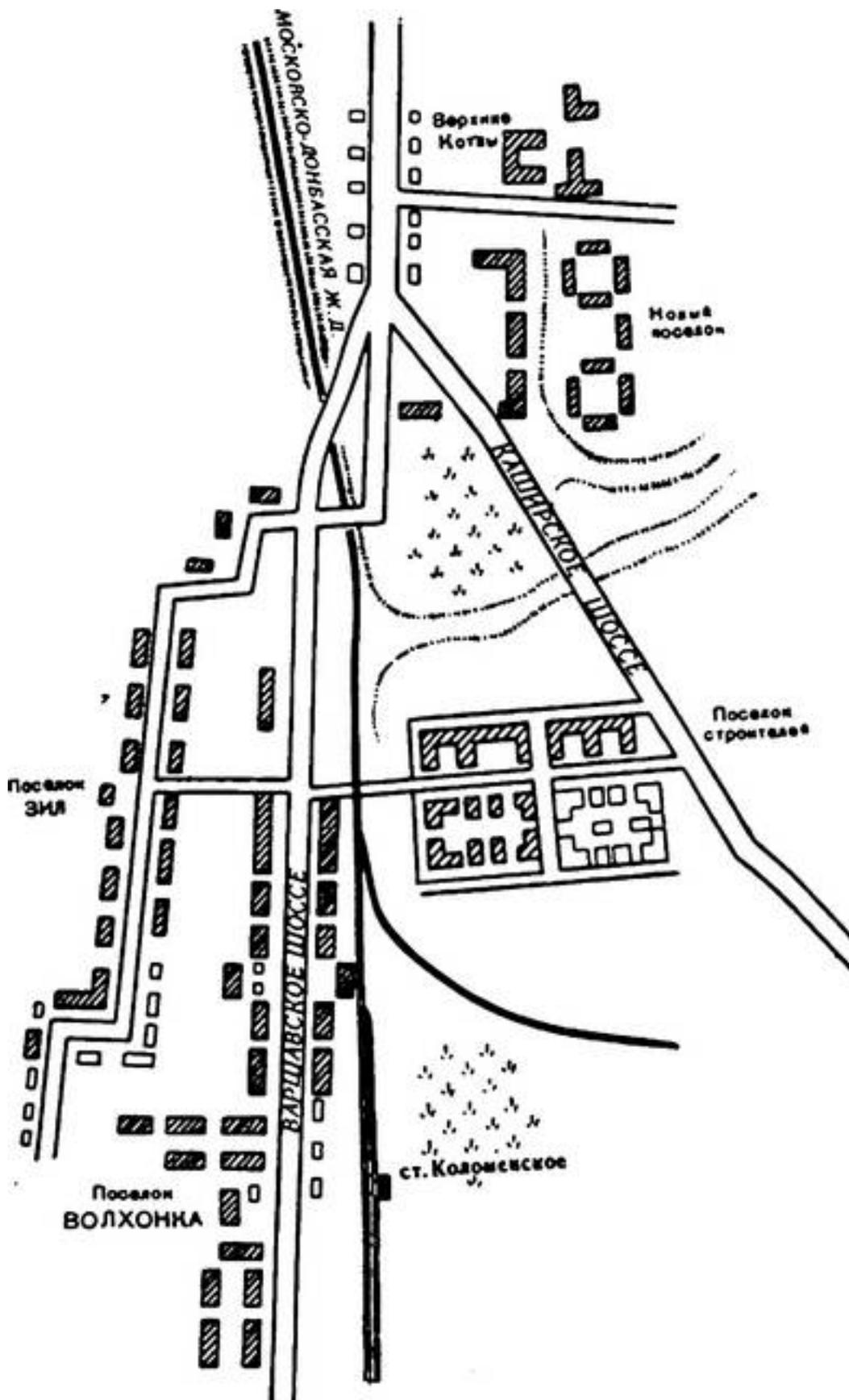
К 1938 г. в поселке жили уже 8 тысяч жителей, но школы не было. И дети ходили в школу за 3–4 км.

В том же году по инициативе общественных организаций завода начали строительство кинотеатра – заложили фундамент. В 1940 г. кинотеатр ЗИС (проект архитектора Калмыкова и Востокова) был построен, 6 ноября 1940 г. он открылся. В зале на 650 мест (525 в партере, 125 в бельэтаже) ежедневно показывали кино: четыре сеанса – 16.00, 18.00, 20.00, 22.00, на всех сеансах в фойе играл джаз-оркестр. На втором этаже работала читальня, желающие могли взять настольные игры.

Вскоре поселковый клуб перевели в здание кинотеатра, который стал филиалом Дворца культуры автозавода. А клуб оборудовали под общежитие учеников ремесленного училища. Библиотека завкома, которая была в клубе, переведена в другое помещение (барак летнего типа бывшей лыжной базы). В марте 1941 г. библиотека завкома с читальным залом получила в поселке отдельное помещение.

В 1941 г. в поселке было шесть магазинов, но нынешний Москворецкий рынок отсутствовал. И жители поселка покупали овощи у жителей соседних селений, которые организовали на окраине поселка у стадиона небольшой неофициальный рынок.

В 1951 г. Центральная улица была переименована в Котловскую. Получила название и длинная Фруктовая улица (вероятно, потому, что она практически заканчивалась у фруктового сада Помологического рассадника).

Схематический план Варшавского шоссе и железной дороги. 1957 г.

Филиал Дворца культуры ЗИЛ. 1962 г.

Болотниковская улица к 1951 г. сложилась только на небольшом участке между Варшавским шоссе и границей Москвы, за которой располагался поселок Стрелка. Только после присоединения в 1957 г. к Москве земли деревни Волхонки Болотниковскую продолжили до Волхонского оврага. А поселок ЗИС стал развиваться как кварталы Волхонка – ЗИЛ, о чем написано в главе о деревне Волхонке.

Чтобы сегодняшний читатель мог представить, где среди нынешних кварталов находилась деревня Верхние Котлы, приведу схематический план 1957 г. Варшавского шоссе и железной дороги.

На нем виден ряд домиков по обе стороны шоссе с подписью «Верхние Котлы». Изначально деревня располагалась по западной стороне шоссе, и железная дорога была проложена между ней и речкой Котловкой. Рядом построен Новый поселок. Остановитесь перед нынешней развилкой Варшавского и Каширского шоссе – здесь, к западу от Варшавки, и находилась деревня Верхние Котлы, изначально по одну сторону от шоссе, так как с другой стороны располагались дворцовые земли Коломенского, арендуемые заводчиками. Но при советской власти межевые ограничения ушли в небытие – и крестьянские дома Верхних Котлов встали и с другой стороны шоссе, где прежде были земли деревни Нижние Котлы.

Загадки Черёмушек

Спорное дело о лишних землях. Для начала немного о событиях, о которых за прошедшие без малого четыре сотни лет никто и не вспоминал. Трудно сказать почему...

В 1620-х гг. окольникему Артемию Васильевичу Измайлову принадлежала небольшая деревня Ащепкова по обе стороны Стрыгина оврага и по правую сторону его притока Гостевского оврага. В ней было два двора крестьянских, «пашни паханные добрые земли 3 четверти, да перелогом и лесом поросло 48 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена по обе стороны речки Котла 100 копен, лесу 10 дес.». Деревня находилась между землями села Зюзина (боярина князя Алексея Юрьевича Сицкого) и пустоши Боташовой, подмосковного поместья Матвея Тимофеева сына Измайлова, племянника Артемия Измайлова, старшего сына его младшего брата Тимофея Васильевича.

И деревню Ащепкову, и пустошь Боташеву пересекала старинная дорожка, называемая и Шаболовской (так как, идя из Москвы, проходила через земли сельца Шаболова), и Ясеновской (так как через Шаболово шла в село Ясенево). Не раз проезжая по этой дороге в Москву из поместной деревни Ащепковой, сын Артемия Измайлова Андрей пришел к выводу, что владелец сельца Шаболова пользуется землями сверх своей дачи. Его поддержал в этой уверенности князь Юрий Андреев сын Сицкой, родственник тогдашнего зюзинского владельца князя Алексея Юрьевича Сицкого.

И в 1623 г. стольник Андрей Артемьев сын Измайлов, совместно с Юрием Сицким, ссылаясь на отсутствие у него подмосковного поместья, подал государю челобитную на владельца деревни Шашеболцовой князя Богдана Долгорукого, «что он владеет лишнею землею в деревне Шашеболцове с пустошми», и просил отдать лишнее ему. В следующей челобитной Измайлов написал, что, узнав в том же 1623 г. о том, что писец Владимир Вешняков и подьячий Илья Перелякин посланы межевать между села Даниловского, смежного с землями сельца Шаболова, Измайлов «ездил за писцами, чтоб та лишняя земля сыскана, и Володимер Вешняков мне, холопу твоему, указал, что у князь Богдана лишняя земля есть». Интересно, что в описании межи в 1623 г. писец Вешняков лишней земли не записал. Вот как писцы Владимир Вешняков да подьячий Илья Перелякин описали межу сельца Даниловского.

Двигаясь от речки Котла, по левую сторону от межи сельца Даниловского на правом берегу Чернцова оврага и речки Вздериношки писцы отметили землю «вотчины Симона монастыря деревни Котелской». Выше по Чернцову оврагу находилась «земля Тимофея Васильчикова пустоши Коруниной», известная позже как деревня Коршунова. Миновав Чернцов овраг, который уходил влево, межа поворачивала старым межником вправо. Отсюда межа шла до Челбыжина оврага, и слева, как отметили межевщики, находилась «земля князя Богдана Долгорукова деревни Шашеболцовой». Далее межа поворачивала направо, по дороге, «что ездят из Шашеболцова в Москву». Слева, за водомоиной Челбыжина оврага, писцы отметили пустошь Старое Кадашёво, что входила в земли Донского монастыря сельца Семёновского...

Андрея Измайлова вскоре послали на службу в Ливны, а пока он ездил, челобитная его... затерялась.

В 1627–1629 гг. на этих землях был другой писец – Фёдор Пушкин со товарищи. Он тоже не нашел лишней земли у Долгорукого. Но при этом надо отметить, что ни Владимир Вешняков в 1623 г., ни Фёдор Пушкин в 1627 г. не отмечали при межевании пустоши Черёмушки, а ведь именно там она позже объявилась.

В столбцах (документы и дела, сформированные в архиве древних актов) имеется два спорных дела, разделенные полусотней лет. В одном из них сообщается, что Черёмушек не было и в 1577 г. «...по платежным книгам Московского уезду, каковы сысканы после пожару

платежные книги 85 (1577) году за рукою Микиты Горелкина селца Шашеболцова и пустоши Черёмошья не сыскано ж»¹¹⁰. Значит, общепринятая гипотеза об уничтожении Черёмушек в годы Смуты несостоятельна.

Исследование спорного дела помогло восстановить канву событий, узнать о челобитной Андрея Измайлова. И кто знает, не подай он челобитной о лишней земле у Богдана Долгорукого, не узнал бы об этом Венедикт Махов и не появилась бы – по его инициативе – пустошь Черёмошье. Но Махов узнал и решил перехитрить Измайлова. Время у него было.

Когда в 1629 г. стольник Андрей Артемьев сын Измайлов вернулся со службы, ему в Поместном приказе выдали память, что челобитная его была подана, но... сторела.

В те же годы на землях, соседних с интересующими Измайлова землями, появился новый владелец Афанасий Прончищев. Начав оформлять права собственности на наследную отцовскую пустошь Козину, он также завладел в 1628 г. деревней Елистратьевой «по памяти из Поместного приказа за приписью дьяка Венедикта Махова» (кому деревня принадлежала до того, Махов в памяти не записал). Тогда же Прончищев приобрел и пустошь Сарафанову, тоже ничейную. За время оформления документов на эти ничейные земли Прончищев сблизился с дьяком Венедиктом Маховым, служившем в Поместном приказе с 1622 г. и знавшем, конечно, о содержании челобитной стольника Андрея Измайлова¹¹¹.

Не без подсказки Махова в октябре 1630 г. Афанасий Прончищев подал челобитную с прошением отмежевать от князя Богданова подмосковного поместья от сельца Шашеболцова, что сверх своей дачи он владел, обводную пустошь Черёмошье. Не зря же к своей челобитной Прончищев припустил и Венедикта Махова, чтобы продали им пустошь в общее владение, – как видно, в благодарность за идею.

Для поиска неизвестной прежде обводной пустоши Черёмошья накануне подачи челобитной был срочно прислан писец Фёдор Уваров со товарищи, который 19 сентября 1630 г. нашел-таки «лишнюю» землю, назвал ее пустошью Черёмошье да прихватил еще два поля у князя Долгорукого: одно – с посеянной озимой рожью, другое – вспаханное для яровой пшеницы.

Решение о покупке было получено очень быстро: Махов успел в том же 1630 г. купить свою половину – и сразу в вотчину. А Прончищев свою половину не спеша приобрел в следующем 1631 году.

Спихнулись и князь Богдан Долгорукий, и Измайлов – стали писать челобитные государю. Но их челобитные знакомые Махову дьяки «волочили», и положительного решения жалобам не было.

Богдан Долгорукий в мае 1631 г. в челобитной, обращенной, как положено, государю, жаловался, что Махов и Прончищев поля у него отняли: «...а што оне назвали обводной пустошью и та, гсдрь, земля не пустошная, та, гсдрь, земля полевая, а такой, гсдрь, пустоши не бывало тут нигде... а как, гсдрь, были писцы в Московском уезде Первой Валадимер Вешняков да дьяк Ондрей Строев, а вдругорядь был писец Фёдор Пушкин, да тот же дьяк Андрей Строев, и за мною, гсдрь, никаких пустошей не нашли и лишние земли за мною не сыскали ж ни единой чети. А Веденикт, гсдрь, Махов, умысля с Афонасьем Прончищевым, прислал в то мое поместьеце подмосковное селцо Шашеболцово сверх двоих писцов обмерить – Фёдора Уварова, а они, гсдрь, у меня отняли мало не всю землю полтретья поля, а мне, гсдрь, только оставили половину одново поля у селца Шашеболцова, а не против моей дачи ста чети. А Веденикт, гсдрь, в ту пору в Поместном приказе сидел сам, а мерщика, гсдрь, послал он без твоего, гсдрь, указу на ту мою землю Фёдора Уварова, и тот, гсдрь, Фёдор отнял у меня тое мою полевую землю и отдал Офонасью Прончищеву, и Офонасей, гсдрь, тое мою землю с Ведениктом Маховым розделили пополам без твоего гсдрева указу, и купчие вотчинные в Поместном приказе взяли оне на ту мою землю...»¹¹²

Андрей Измайлов 18 сентября 1632 г. подал челобитную вместе со стольником Юрием Андреевым сыном Сицким, родственником тогдашнего зюзинского владельца боярина князя А.Ю. Сицкого, с жалобой на то, что их прежнюю челобитную о лишней земле в подмосковном поместье Богдана Долгорукого, поданную в Поместный приказ, дьяк Андрей Строев использовал по-своему: отдал дружку своему дьяку Веденикту Махову и Афанасию Прончищеву... «Назвали, гсдрь, Веденикт Махов и Офанасей Прончищев тое лишнюю землю обводною землею, а та, гсдрь, земля – лишняя, а не обводная. И писцов было, гсдрь, обвесть ее негде, потому что она в полях князь Богдановых Долгорукова, а то кабы, гсдрь, та обводная земля и она бы была за полями, а не в полях...»¹¹³

Жалобы их застряли в Поместном приказе среди друзей Махова, а сам Махов сразу же поставил на своей половине два двора с деловыми людьми – так возникла деревня Черемха. А в мае 1632 г. Махов отбыл на новую службу: его назначили с князем Григорием Константиновичем Волконским на Валуйку на посольскую крымскую размену, где он и пробыл до 1634 г. А в 1635 г., до августа, скончался.

В спорном деле записано: «И Венедикта Махова не стало, а та ево вотчина, что ему продана вопчюу с Офанасьем Прончищевым полпустоши Черёмошья 60 чети за долг, по гсдреву указу в нынешнем во 144 (1636) году отдана думному дьяку Фёдору Лихачёву»¹¹⁴. И сколько потом ни жаловались и Андрей Измайлов, и князь Богдан Долгорукий, положительного решения по своим челобитным они так и не получили. Более того, межа, проложенная Фёдором Уваровым, после упомянутого государева указа стала считаться законной.

В те же годы резко изменилось положение Измайловых.

Андрей Артемьев сын Измайлов – второй сын окольного и дворецкого Артемия Васильевича Измайлова, известного всегда заслугами и верностью престолу.

Артемий Васильевич отличился в обоих ополчениях времен Смуты. В 1619 г. он участвовал в успешном заключении Деулинского перемирия с Польшей, а затем был отправлен «в Польшу для принятия из плена государева родителя Филарета Никитича, и по возвращении получил необыкновенную и примечательную награду. Михаил Фёдорович благословил его Св. животворящим крестом с мощами и с похвальною заслуг его надписью». Царское «жалованье и благословение, и по нем детям его и внучатом и правнучатом и роду их» придавало уверенности в делах детям окольного Измайлова. Может, поэтому Андрей Измайлов так настойчиво слал челобитные государю.

Но в феврале 1634 г. после неудачного взятия Смоленска и унижительного отступления от города, где окольный Артемий Васильевич Измайлов был вторым воеводой у боярина Михаила Борисовича Шеина, оба полководца, как изменники, положили головы на плаху. Пострадали и дети Артемия Измайлова. Старший, Василий, бывший вместе с отцом в Смоленске, обезглавлен вместе с отцом. Младший, Семён, привезший государю ложную весть о победе под Смоленском, высечен и сослан. И Андрей, можно сказать, был сослан. Известно, что он закончил жизнь в 1645 г. воеводой в Сургуте. Но у него остались дети и внуки, продолжившие линию старшей ветви Измайловых.

Кстати, тогда же в 1634 г. «изменничье Ортемьево подмосковное поместье Измайлова отказано боярину князю Алексею Юрьевичу Ситцкому к подмосковному его поместью ко 137 четям с полуосминою пуст. *Ощепково*, по обе стороны речки Котла, а в ней 2 места дворовых крестьянских»¹¹⁵.

Так претензии Андрея Измайлова на лишние земли князя Богдана Долгорукого окончились неудачей. Но их заняли другие претенденты, более искусные в приобретении земель.

Троицкое Черёмошки

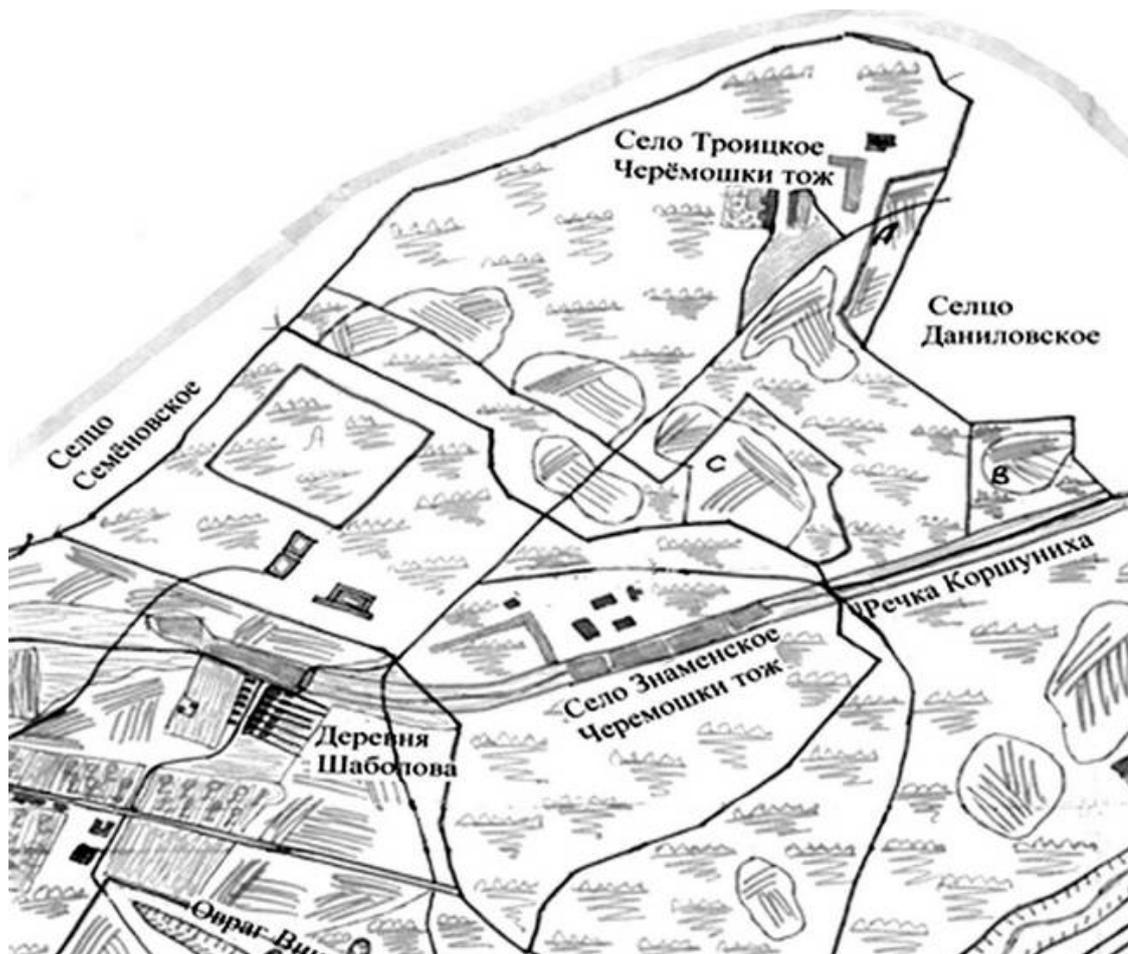
История владельческой дачи. Возникнув из небытия в 1630 г., пустошь Черёмошье, в общем владении двух владельцев, сразу была полюбовно разделена на две части, хотя межа между ними не прокладывалась еще более полувека.

У каждого из двух владений в дальнейшем сложилась своя история.

Дьяк Венедикт Махов взял половину, примыкавшую к селцу Шашеболцову. Про историю его деревни Черемхи будет рассказано в следующей главе.

На планах окружная межа пустоши Черёмошье была зафиксирована только при Генеральном межевании 1766 г. Чтобы представить все события, протекавшие на этой земле, показываем читателю этот план.

А Афанасий Осипов сын Прончищев, его сын и внуки на своей половине пустоши Черёмошье, расположенной между Черёмошским оврагом и землями селца Даниловского, смежного с Черёмошью, более ста лет ничего не строили. Им хватало села Никольского. А полупустошь Черёмошье долгие годы существовала как дополнительное земельное владение к Никольской вотчине Прончищевых. О Прончищевых и всех последующих за ними владельцах Никольского и полупустоши Черёмошье подробно рассказано выше. Судьбы этих владельцев и их владений тесно связаны. Рассказывая о Никольском, приходилось невольно касаться и села Троицкого Черёмошье, которое возникло на полупустоши Черёмошье только через сто лет после приобретения ее Прончищевыми. Но и после его возникновения село Троицкое было лишь малой составной частью основного имения, в котором главное значение имело село Никольское. Сейчас Троицкое представим подробнее.

Планы Генерального межевания 1766 г.: сел Троицкого Черёмошки и Знаменского Черёмошки. Копия автора

Но сначала вкратце о другой пустоши, что была деревня, Коршуново а Корунино тож на Чернцове овраге, по которому протекала речка Вздериношка (ныне Коршуника). Она вклинилась между землями села Никольского на Котле и полупустоши Черёмошье. В 1627 г., как сказано выше, ею владел московский дворянин Тимофей Никитин сын Васильчиков по выписи отца своего от 1606 г., что дано ему то поместье в 1587 и 1588 гг.; «в ней пашни перелогом и лесом поросло середние земли 10 чети в поле, а в дву потому ж, сена 20 копен, лесу 3 десятины»¹¹⁶.

К 1663 г. вотчину пустошь Коршуново приобрел думный дворянин И.А. Прончищев¹¹⁷. Этим он увеличил вотчину и, устранив чересполосицу, объединил доставшиеся ему от отца полупустоши Черёмошье и село Никольское.

В 1692 г. вдова окольного И.А. Прончищева Пелагея Ивановна продала по купчей Ивану Головину часть вотчины – «жеребей² деревни Коршуново а Корутино тож да жеребей пустоши Обводной Чермнева стану, а в ней 13 четвертей с третником в поле, а в дву потому ж; да крестьянин. И Ивашка Головин бил челом перед государями Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем записать ту вотчину в Поместном приказе»¹¹⁸.

Внуки Ивана Афанасьевича: Иван, Петров сын, и Анна, Михайлова дочь, вышедшая замуж за стольника Александра Тимофеева Ржевского, любовно разделили земли доставшегося им имения: села Никольского и полупустоши Черёмошье.

² Ж е р е б е й – участок, доставшийся по жребию.

Ивану Петрову Прончищеву и Александру Тимофееву Ржевскому с женой, как сказано выше, досталось по половине этого имения. Раздел полупустоши Черёмышье в документах не оговаривался, возможно, владение было совместным.

После кончины Ивана Петрова имение Прончищевых вновь стало единым. В перепись 1722–1727 гг. оно записано за мужем Анны Михайловой Прончищевой Государственной Юстиц-коллегии прокурором Александром Тимофеевичем Ржевским¹¹⁹.

Когда старшая дочь Ржевского Дарья вышла замуж за морского флота лейтенанта князя Ивана Михайлова Одоевского, родители решили отдать ей половину имения.

А сами поселились на полупустоши Черёмышье. Для этого в 1732 г. статский советник Александр Тимофеевич Ржевский поставил на пустоши новопостроенную каменную церковь во имя Святой Троицы и новопоселенное село: сначала двор для себя, а вскоре и для крестьян¹²⁰. Так возникло село Троицкое Черёмушки тож.

Через два года в троицкой усадьбе жили дворовые люди – 53 мужчины и 36 женщин, а в трех крестьянских дворах – 7 мужчин и 8 женщин.

Судя по исповедным ведомостям села Троицкого, А. Т. Ржевский был жив еще в 1755 г., а в 1759 г. владелицей села Троицкого записана его вдова Анна Михайловна Ржевская.

А в 1764 г. у села Троицкого Черёмушки тож стало два владельца. Генеральша вдова Анна Михайловна Ржевская имела только двор с дворовыми людьми – 4 мужчины, 4 женщины. А все село с 5 крестьянскими дворами (11 мужчин, 13 женщин) приобрел в вотчину Александр Иванович Головин¹²¹.

Александр Иванович – сын того самого Ивашки Головина, которому еще в 1692 г. Пелагея Ивановна Прончищева продала по купчей жеребей деревни Коршуново а Корутино тож да жеребей пустоши Обводной Чермнева стана, то есть часть полупустоши Черёмушки, которой владели Прончищевы. По челобитью Ивана Головина (1669–1738) ту вотчину ему записали в Поместном приказе. В 1695–1696 гг. будущий адмирал Иван Михайлович Головин участвовал в Азовских походах Петра I.

В браке с Марией Богдановной Богдановой И.М. Головин имел двоих сыновей, Александра и Ивана, и трех дочерей: Евдокию Ивановну – за Александром Петровичем Пушкиным, Наталью Ивановну – за генерал-поручиком князем Константином Антиоховичем Кантемиром и Ольгу Ивановну – за действительным тайным советником князем Юрием Юрьевичем Трубецким. Младший сын Иван Иванович, генерал-майор, в браке с Ириной Анисимовной Нарышкиной, урожденной княжной Хотетовской, не имел детей. У старшего, Александра Ивановича (адмирал с 15 (26) мая 1757 г. и командир галерного флота), в браке с Марией Ионичной Новосильцевой (1716–178?) родились две дочери: Анна – за князем Михаилом Васильевичем Голицыным и Екатерина, у которой в браке (с 1753 г.) с обер-гофмаршалом князем Николаем Михайловичем Голицыным (1727–1787), сыном прославленного петровского фельдмаршала князя М.М. Голицына, было три дочери и сын Александр (1769), в родах которого она умерла.

Жеребей черёмышского имения адмирала Ивана Михайловича Головина перешел к старшему сыну Александру, который сумел расширить владение в Черёмушках, купив к 1764 г. у Анны Михайловны Ржевской село Троицкое, а вскоре и вторую часть имения – село Никольское у Ивана Михайловича Одоевского.

Александр Иванович Головин, как и его отец, служил на флоте, 5 сентября 1748 г. награжден орденом Александра Невского. Уже в 1751 г. он – генерал-интендант флота, затем член Адмиралтейств-коллегии, вице-адмирал. Как и отец, с 15 (26) мая 1757 г. он стал адмиралом и командиром галерного флота. Помимо должностей, А.И. Головин унаследовал от отца дом «в 53 покоя» вблизи Зимней канавки, выстроенный по проекту Н.Ф. Гербеля, в котором устроил для своей матери церковь, для чего воспользовался имуществом церкви,

ранее существовавшей в Адмиралтействе. Освященная 16 (27) марта 1757 г. в честь апостола Андрея Первозванного, домовая церковь адмирала Головина просуществовала до его смерти в 1766 г.

После смерти адмирала Головина приобретенные им села Троицкое и Никольское накануне Генерального межевания разделили между собой его наследницы: вдова Мария Ионична и дочь Анна.

При этом разделе село Троицкое Черёмушки отошло вдове адмирала Марии Ионичне Головиной, урожденной Новосильцевой. Мария Ионична была дочерью кугурского воеводы Ионы Яковлевича Новосильцева. После смерти мужа она удалилась от двора и переехала в Москву.

В сказке Генерального межевания 10 сентября 1766 г. владение адмиральши Марии Ионичны Головиной, с выделенной в трех местах церковной землей, было обозначено литерой Т-2. Село стояло на суходоле. В нем отмечены: церковь деревянная Святой Живоначальной Троицы, деревянный господский дом и при нем сад с плодovitыми деревьями. Церковная земля располагалась в двух местах на суходолах и третья на левом берегу речки Коршунихи. Земля песчаная, хлеб и покосы средственны, лес дровяной. Крестьяне на пашне. В селе пять крестьянских дворов (15 мужчин, 21 женщина). Под селениями 6 дес. 1300 кв. саж., пашни 26 дес. 980 кв. саж., сенные покосы 1 дес. 1272 кв. саж., лес 99 дес., неудобья 2 дес. 51 кв. саж., всего 135 дес. 602 кв. саж.

Судя по архивам¹²², вдова адмиральша Мария Ионична Головина была жива еще в 1782 г. После нее владения перешли к внуку князю Александру Николаевичу Голицыну, который в 1786 г. стал наследником и бабушки Марии Ионичны Головиной – села Троицкого Черёмушки, и тети Анны Александровны Голицыной – села Никольского. Как сказано в предыдущей главе, все его имения в результате огромных долгов князя перешли в управление кредиторов, которые для возмещения долгов в 1804–1809 гг. распродали по вольным ценам все его недвижимые имения.

Коллежский асессор и кавалер Фёдор Анастасович Ардалионов приобрел несколько имений у князя А.Н. Голицына, в том числе единое составное имение Московского уезда – села Никольское и Троицкое Черёмушки – в 1809 г., уже поселившись в Троицком, где и жил до оформления купчей 28 сентября 1809 г. Жена его уже умерла, он был тяжело болен и выбрал для постоянного места жительства с четырьмя детьми село Троицкое, где содержал дом и хранил все свои документы.

1 января 1809 г. в храме села Троицкого Ф.А. Ардалионов выдал замуж старшую дочь девицу Елену (1789 г. р.) за Правительствующего сената секретаря Николая Петрова сына Андреева¹²³. Троицкое, как видно, предназначалось ей в приданое. В 1811 г. у Ф.А. Ардалионова появилась внучка Анна Андреева, дворянская дочь.

Ф.А. Ардалионов, недавний грек и греческий купец, дворянство получил в 1806 г. за службу. Но его дети – старшая дочь Елена, два сына Анастас и Константин и младшая дочь Екатерина – родились еще до этого события и не считались дворянами, а по российским законам того времени не имели права владеть приобретенными отцом имениями. Несомненно, Ардалионов понимал это и заложил все свои четыре имения единственной, кто уже имел это право, – жене дворянина Елене Фёдоровой дочери Андреевой.

Духовник Фёдора Анастасовича иеромонах греческого монастыря Досифей перед кончиной исповедовал Ардалионова, соборовал маслом. Накануне погребения Досифей сопровождал тело покойного на выносе его из села Троицкого в греческий монастырь для отпевания и на провожание его из того греческого монастыря в Новоспасский, где Ардалионов был погребен рядом с могилой жены¹²⁴.

В предыдущей главе уже рассказана история дальнейшего раздела имения между детьми Ардалионова, завершившегося в 1817 г. По этому разделу Елена Фёдорова дочь Андреева получила село Троицкое, но поначалу лишь во временное владение. В деле значилось, что «крестьяне просроченного села Троицкого находятся на изделье, главнейший доход с того имения составляет от сева хлеба и кошения сена, от продажи оранжерейных фруктов, огородных овощей, наипаче же от вырученных денег с наемщиков на летнее время большого господского дома, которого дохода было до немалого количества...»¹²⁵.

Позже (1831) Е.Ф. Андреева описала вкратце историю перехода имения от А.Н. Голицына к Ф.А. Ардалионову и к ней: «Село Троицкое со крестьянами... по смерти вдовы Головиной в 1780-х годах досталось по праву наследования внуку ея действительному камергеру князю Александру Николаевичу Голицыну. Он продал его родителю моему, коллежскому асессору и кавалеру Фёдору Анастасиевичу Ардалионову, по купчей, писаной 1809 г. сентября 28 дня... По закладной, данной мне в жизнь оным родителем моим, писаной 1811 года декабря 7 дня в Тверской Гражданской Палате у крепостных дел, быв просрочено, отдано было село сие с крестьянами сперва мне во временное владение, а наконец в 1821 г., по произведении публичных торгов Московским губернским правлением, утверждено за мною навсегда, и по отношению того Правления из 1-го департамента московской гражданской палаты выдана мне того 1821 года марта 23 дня на владение тем селом Троицким с крестьянами всею землею без изъятия данная, которая того ж года июля 11 дня Московского уездного суда во 2-м департаменте явлена и... надлежащее исполнение учинено, по чему оное село Троицкое состоит в бесспорном моем владении более четырнадцати лет»¹²⁶.

Село Троицкое с тех пор много лет принадлежало Елене Фёдоровне Андреевой (она постоянно жила здесь) и ее наследникам, и на картах уже с 1818 г. писалось как Троицкое Андреево.

У Елены Фёдоровны со статским советником Николаем Петровичем Андреевым было шестеро детей: Анна (1811 г. р.), Михаил (1817–1884), Константин (1821–1889), Аркадий (1823–1883), Владимир (1827 г. р.), Ольга (1829 г. р.)¹²⁷.

К 8-й ревизии 1834 г., судя по ревизской сказке, Николая Петровича не стало, и помещицей записана вдова Елена Фёдоровна Андреева¹²⁸.

Усадьба с оранжереей, господским домом и шестью крестьянскими дворами (37 ревизских душ мужеского пола, 35 женского) находилась в трех верстах пути от заставы по Серпуховскому тракту и еще две версты вправо от тракта¹²⁹.

Дочери девицы Анна и Ольга не вышли замуж и жили постоянно с матерью в Троицком. Сыновья служили – стал подпоручиком Михаил, майором Константин, подполковником Аркадий, губернским секретарем Владимир. У Михаила и Аркадия в браке родились сыновья – Николай Михайлович, Сергей и Николай Аркадьевичи. Родни было много, имение в Троицком небольшое. Но Андреевым также принадлежали доли во владениях в верейском и звенигородском имениях. При разделах наследства, когда кто-либо из них умирал, оставшимся родственникам из его части каждому выделялась по закону доля, соответствующая степени родства.

После того как при реформе 1861 г. крестьянам были выделены наделы – на 8 дворов временнообязанных крестьян (33 мужчины, 32 женщины) 21 дес. 960 кв. саж. (в том числе усадебная земля 5 дес. 1440 кв. саж., пашни и лесные дачи 15 дес. 1920 кв. саж.) – у дворян Андреевых осталось 77 дес. 1920 кв. саж. (в том числе усадебная земля 7 дес., пашни и лесные дачи 55 дес. 1920 кв. саж., пастбища 15 дес.)¹³⁰.

Вскоре после реформы умерла Елена Фёдоровна, 74 лет. Землевладельцами в селе Троицком, вплоть до 1890 г., были дочери статского советника Анна и Ольга Николаевны Андрее-

евы. А после них – генерал-майор Константин Николаевич, надворный советник Николай Михайлович и дворяне Сергей и Николай Аркадьевичи Андреевы¹³¹.

Часть земель из своих владений наследники Андреевы стали продавать кирпичным заводчикам.

Кирпичные заводы в Троицком Черёмушках работали еще в начале XIX в., раньше, чем в соседних селениях.

К 1800 г. относит Н. Матисен в «Атласе мануфактурной промышленности» образование в селе Троицком 5-го стана небольшого кирпичного завода Николая Васильева Хлебникова. На нем работало всего 21 мужчина и 1 женщина, стояло 3 печи, 8 сараев, 15 станков, производилось 450 тысяч штук в год, оборот 9200 руб.¹³²

В метрических книгах 1812 г. в селе Троицком упоминаются четыре действующих кирпичных завода – Сергея Павлова, Селезнёва, Михайлы Нефёдова, Алексея Никифорова.

Появились они, несомненно, раньше, в 1809–1811 гг., еще при жизни Ф.А. Ардалионова, чему способствовала его купеческая хватка и стремление окупить свои непомерные расходы на приобретение имений. Он стал сдавать в аренду земли под добычу глины и строительство заводов, что прежде происходило, как правило, на удельных и монастырских землях.

В 1817 г. в Троицком названы уже другие заводчики – московские купцы Филипп Иванов Шкарин, Прокофий Артамонов Шкарин и снова Михайла Нефёдов.

А в 1819 г. – заводы Николая Сергеева, московского мещанина Гаврилы Асеторова Шепилькова, московских купцов Сергея Павлова Щеглова, Михайлы Нефёдова Китайцева. Сергей Павлов и Михайло Нефёдов, как видно, дело закрепили и даже приобрели фамилии. Обычно в купцы выходили недавние крестьяне, не имевшие фамилии, которые впоследствии, уже став купцами, по особому прошению получали от Московской купеческой управы дозволение носить фамилию.

В 1830 г. в метрической книге села Троицкого отмечено даже шесть заводов – московских купцов Ивана Фёдорова Хлебникова, Михайлы Иванова Бекетова, Григорья Бекетова, Михайлы Нефёдова Китайцева, Никиты Иванова Глебова, Дмитрия Никифорова Воробьёва¹³³.

Надо отметить, что сведения из метрических книг не исчерпывающие. Там заводы упоминались только в связи с их сезонными рабочими, жившими в бараках при заводе, – если они умирали, или женились, или у них рождались дети. Если с рабочими ничего не происходило, заводы не упоминались. Но это не значит, что они прекратили работать. Как правило, заводчики (купцы, крестьяне или мещане) арендовали у владельца землю для добывания глины и установки сараев, где изготавливались и хранились готовые кирпичи, и печей, где кирпичи сушились. И на время аренды земли завод считался действующим. Строения стояли на одном месте. А арендованная под глину земля осваивалась поочередно – выбрав глину на одном участке (как правило, осваивалась 1 дес. за год), глиняники переходили на следующий, смежный, участок, возвращая первый хозяину в пригодном для сельскохозяйственных работ состоянии. Деньги за аренду арендаторы, как правило, в соответствии с договором платили частями, ежегодно. При этом пошлины государству платили заводчики. Если заводчик не справлялся с делом, он мог продать строения завода и право аренды. Арендовали землю, как правило, на 12, или даже на 24 года, или на два срока по 12 лет поочередно, если за первый срок купец не разорился. По окончании срока аренды арендатор обязан был сломать все строения, что оговаривалось в договоре (называвшемся в те годы «Условие»). Появившиеся в 1800 г. заводы могли действовать до 1812 г.

Отмеченный в 1800 г. Матисеном кирпичный завод Николая Васильева Хлебникова действовал не один десяток лет. В Сведении о кирпичных заводах, направленном на отно-

шение Московской уездной земской управы от 5 сентября 1867 г. за № 3845 приставом 5-го стана Московского уезда Кузьминым-Короваевым, первым назван завод, который, по документам, значился за московским 2-й гильдии купцом Николаем Васильевым Хлебниковым и выпускал в год 300 тысяч штук кирпича¹³⁴. В действительности он поочередно переходил от Н.В. Хлебникова (1800) к его наследникам Хлебниковым: купцу Ивану Фёдорову (1830), купцу Василию Иванову, московскому 2-й гильдии купцу Н.В. Хлебникову (1867), мещанину Николаю Васильеву (1872)... После 1873 г. завод у мещанки Хлебниковой перекупили московские 2-й гильдии купцы Егор Васильевич Шмелёв и Василий Васильевич Поленов, но в сентябре – октябре 1876 г. кирпичный завод Шмелёва и Поленова (быв. Хлебниковой) уже прекратил работать и был сломан, к тому же в 1877 г. на заводе был пожар. Становой пристав сообщил об этом в уездную управу, при этом он уведомил управу о новых заводах: «Кирпичный завод Поленова, такой же, как и купца Шмелёва, рядом построен и столько вырабатывает в год кирпича, сколько у Шмелёва; и Шмелёв положенную на его уплату за 1877-го 115 руб. 50 коп. уплатил в земскую управу 16 сего сентября»¹³⁵.

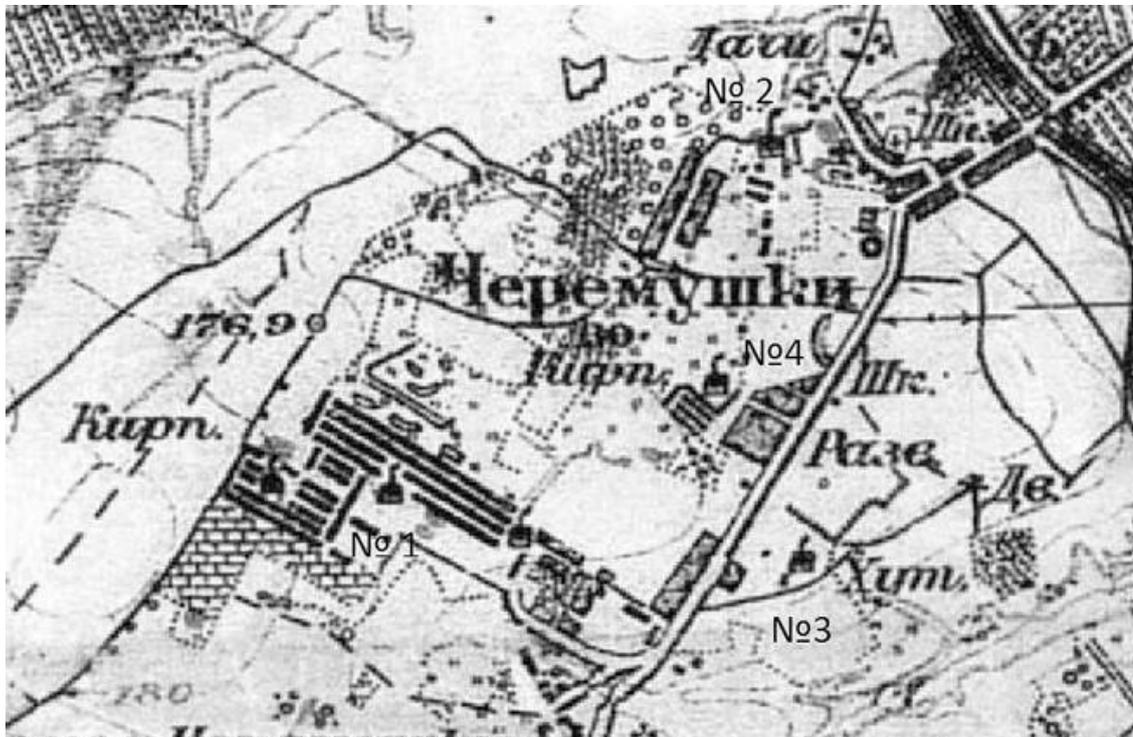
Как видно, старый завод пришел в негодность и запасы глины уменьшились. Поэтому Е.В. Шмелёв и В.В. Поленов арендовали у дочери статского советника Андреева каждый по 4¹/₂ дес. – за 385 руб. в год на 12 лет – под новые кирпичные заводы, которые построили в 1875 г. Участки располагались в разных местах. В.В. Поленова – рядом, в двух верстах от Серпуховского шоссе, завод к 1882 г. стал выпускать по 800 тысяч кирпичей в год; а Е.В. Шмелёва – подальше, в 5¹/₂ версты, годовой оборот 385 руб.¹³⁶ После 1884 г. упоминания о заводе Шмелёва исчезли из регулярно публикуемых списков фабрик и заводов.

Завод Поленова к 1884 г. уже перекупил прусский подданный *Фридрих Вильгельм Шмидт*, впоследствии его звали по-русски Василий Фёдорович. Бывший прусский подданный Фридрих Вильгельм Шмидт (1834–1909?) в 1888 г. записался в купцы 2-й гильдии. В 1889 г. на заводе Шмидта имелись печь гофманская; шатер; труба; сарай; строения жилые и нежилые; движимость – ценность всего 52 667 руб.¹³⁷ В августе 1896 г. статский советник Николай Михайлович Андреев по купчей крепости продал московскому 2-й гильдии купцу Ф.В. Шмидту участок земли – под заводом и смежный с ним для добычи глины – 25 дес. 2080 кв. саж. за 33 тысяч руб.¹³⁸ И это надолго закрепило владельца за заводом. Как владелец земли он построил здесь жилую усадьбу с прудом. После Ф.В. Шмидта завод, земля и усадьба с прудом перешли к его вдове и наследнице Элизе Терезе Женни Шмидт. Чтобы взять дело в свои руки, она тоже вошла во 2-ю купеческую гильдию. Перед Первой мировой войной персонал завода насчитывал около 120 человек и производил до 2,5 миллиона кирпичей в год. Управляющим завода стал ее сын Пауль Фердинанд (Павел Васильевич) Шмидт (1882 – не ранее 1917 г.).

Завод Шмидта действовал до 1917 г., и в 1918 г. на нем работало 13 человек. 25 октября 1921 г. кирпичный завод (быв. Шмидта), владельцем которого являлся МСНХ, был отдан в аренду Е.Н. Новикову и Л.Д. Берману на 5 лет. Завод был оборудован гофманской печью вместимостью 108 тысяч штук¹³⁹.

Расположение завода Шмидта можно отнести к перекрестку улиц Большой Черёмушкинской и Дмитрия Ульянова, где еще в 1960 г., по воспоминаниям жителей поселка Черёмушки, между сегодняшними домами 19–3, 4, 5 был пруд дачи Шмидтов, позже засыпанный (сейчас на этом участке автостоянка). Здесь, у Черёмушкинской дороги, стояла усадьба, а к востоку от нее (вплоть до речки) находился завод Шмидта. На карте 1930 г. этот завод отмечен к востоку от дороги. Предположительно часть земли и зданий этого кирпичного завода позже отошла под веревочное предприятие (верево-войлочная фабрика), отмечен-

ное в документах 1930–1946 гг., вдоль которого был одноименный проезд, ставший частью улицы Дмитрия Ульянова. Веревоочное предприятие райпромкомбината, обосновавшееся на арендованной земле поселка Черёмушки, было смежным с землями Черёмушкинского колхоза им. Сталина, что отмечается в документах и на чертежах колхозного землепользования в 1939, 1946, 1950 гг.

Фрагмент карты 1930 г. с отметками расположения действовавших кирпичных заводов: № 1 – завод быв. Якунчиковых; № 2 – завод быв. Фёдорова-Новикова; № 3 – завод быв. Шмидта; № 4 – завод быв. Добычина, к тому времени объединенных в заводе № 2 Моссиликата

Один из самых ранних заводов, как сказано выше, основал московский купец Михайла Нефёдов Китайцев, отмеченный в Троицком в 1812 и 1830 гг. М.Ф. Китайцев ставил заводы в разных селениях, но завод в Троицком Черёмушках держал, как видно, всегда. Дело продолжил его сын Яков, у которого были заводы и в Троицком, и в Семёновском, и в Верхних Котлах. Когда Яков Михайлов умер, его сыновья Сергей и Алексей были в малых летах. И в 1850 г. его вдова Александра Алексеевна Китайцева взяла опекунство над наследниками и заводами мужа. Ей удалось сохранить дело. Когда сыновья подросли, им достался Троицкий в Черёмушках завод, находившийся вдоль дороги через землю Троицкого, по правую сторону по пути из Москвы. Но позже мать приобрела у них этот завод, который в 1867 г. и вплоть до 1872 г. вырабатывал по 500 тысяч штук в год¹⁴⁰. В списке фабрик, торговых и промышленных заведений 1872 и 1873 гг. отмечено, что доходность Троицкого завода А.А. Китайцевой была 750 руб.¹⁴¹ Сумма небольшая; позже и завод, и известная фамилия в связи с Троицким Черёмушки тож не упоминались.

В Троицком Черёмушках было три участка церковной земли, обозначенные на плане Генерального межевания 1766 г. литерами А, В и С. А – небольшой участок пашни у въезда на землю села Троицкого, близ церкви и села, у межи между ним и землей сельца Даниловского – по обе стороны дороги, проходившей рядом с Троицким (в 1766 г. это была единственная дорога, пересекавшая эту дачу, позже она стала проходить южнее, ближе к участку

В). В – небольшой участок пашни среди леса между Коршунихой и ее отвершком, относившийся прежде к пустоши, что была деревня Коршунова. С – длинный участок пашен и лесов, почти вдвое больше суммы А и В, вытянутый вдоль межи между землями двух Черёмошских полупустошей, почти от Коршунихи вдоль Черёмошского оврага и почти до межи с селцом Семёновским.

С 1845 г. на церковной земле близ села Троицкого Черёмошки тож – это мог быть участок А – имел кирпичный завод московский купец Иван Иванов Андреев. В мае 1850 г. он обратился к московскому гражданскому губернатору с просьбой о выдаче ему свидетельства на содержание завода. У него до этого особенного разрешения на содержание завода не было, Андреев пользовался правом купечества, прежде иного не требовалось. В документах отмечено, что завод помещается удобно, машин не имеется, на заводе две печи для обжигания кирпича; рабочих до 20 человек, дров на годовое отопление употребляется до 250 саж., которые он, Андреев, обязался всячески стараться заменять торфом.

В данном описании имелась в виду русская печь для сушки кирпича – такие обычно использовали заводчики в начале XIX в. Гофманские печи появились позже, и тогда в описаниях стали отмечать их название.

Собрав о купце и его заводе верные справки, 26 августа 1850 г. ему выдали свидетельство на содержание завода¹⁴². В 1864 г. завод перешел к наследнику И.И. Андреева – московскому 2-й гильдии купцу Тимофею Александрову Андрееву. В 1876 г. на заводе стояло две русских печи для обжигания кирпича и 11 сараев для изготовления кирпича. Рабочие вырабатывали 1 миллион 575 тысяч кирпичей в год на 34 650 руб. серебром. Арендная плата в год составляла: за землю под заводом по 350 руб. серебром; за землю под глиной по 300 руб.¹⁴³ В 1878 г. Т.А. Андреев снова заключил договор на аренду церковной земли с троицким священником Иоанном Архангельским, но дальнейших сведений о заводе не сохранилось. При описании и оценке кирпичных заводов по волостям Московского уезда его завод не упомянут. Вероятнее всего, на заводе сменился владелец.

В 1882 г. в списке заводов появилась новая фамилия владельца – московского 2-й гильдии купца Митрофана Самойлова Романова. Он арендовал под кирпичный завод земли церкви Святой Троицы в Черёмушках – 11 дес. под глину и 5 дес. под строение (наверное, именно он приобрел завод Т.А. Андреева). Завод вырабатывал тогда 1 миллион 500 тысяч штук в год по 21, 22, 23 руб.¹⁴⁴ Завод был устроен по старинке, в нем действовали: печи русские № 1, 2; шатры № 1, 2; сарай; строения нежилые и жилые (для 60 рабочих); ценность всего 38 414 руб. 10 коп. В 1890 г. завод М.С. Романова упомянут в последний раз.

В 1875 г., арендовав 9 дес. церковной земли в полутора верстах от Серпуховского шоссе – участок В, построил кирпичный завод московский 2-й гильдии купец Григорий Андреев Юдин. В 1882 г. завод производил 1 миллион штук кирпича в год. В 1889 г. на заводе Юдина, как и на соседнем у Шмидта, имелась гофманская печь стоимостью 9618 руб. 77 коп., а также шатер – 3656 руб. 80 коп.; сарай – 10 632 руб. 80 коп.; труба – 3420 руб.; строения жилые – 566 руб.; строения нежилые – 4744 руб. 60 коп.; движимость на 10 531 руб. 50 коп.; ценность всего – 43 169 руб. 67 коп.¹⁴⁵ Это немного меньше, чем у Шмидта. Как владелец этой собственности купец Григорий Андреев Юдин был внесен в «Список владельцев Московского уезда, имеющих право участвовать в выборе главы Московского уездного земского собрания на трехлетие 1894–1897 гг.». Но позже эта фамилия заводчика в списках не упоминалась. Не исключено, что, купив у Андреева землю, смежную с церковной и с заводом Юдина, Шмидт приобрел и строения его завода.

В июне 1867 г. отставной гвардии поручик Александр Дмитриев Кондратьев-Барбашев и титулярный советник Александр Лаврентьев Обер обратились в Губернское правление с прошением о выдаче им свидетельства на дозволение открыть в Московском уезде при селе

Троицком кирпичный и гончарный заводы на арендуемой земле крестьян. На заводе установили 9 сараев, в которых складывались сырец и обожженный кирпич, одну обжигательную печь, 50 рабочих поместили в особо устроенной для них избе. Дров для заведения в год требовалось до 1000 саж. Завод поставили в полуверсте от жилых строений села, и поэтому опасности от огня им не грозили, что и отметили в справке. 18 июля разрешение на открытие завода было получено¹⁴⁶.

К 1872 г. на этом кирпичном заводе работали 60 мужчин и 2 женщины, заводское оборудование заметно усложнилось: 1 паровая машина 6 сил, 1 паровой котел, 2 печи, одна особого устройства, 2 машины, 2 глиномяльни, 1 пресс; вырабатывался пустотелый кирпич 1 миллион 500 тысяч штук в год, дренажный кирпич 500 тысяч штук в год, оборот 50 тысяч руб.¹⁴⁷ С мая 1872 г. на заводе остался один владелец – Александр Дмитриев Кондратьев-Барбашев¹⁴⁸. И хоть доходность в 1873 г. достигла 3 тысячи руб. (по сравнению с 900 руб. в 1872 г.), но позже упоминаний о заводе Кондратьева-Барбашева не появилось. Возможно, одному ему было тяжело держать завод, и он мог его продать.

Сын Елены Фёдоровны Андреевой Константин Николаевич арендовал в 1888 – до 1900 г. – смежную с землей Троицкого удельную оброчную статью под № 177 в 2 дес. 372 кв. саж. (из дачи сельца Семёновского), но, так как он 27 июня 1889 г. скончался, аренда, строения и сад, которые он устроил на этом участке, перешли к одному из его наследников, племяннику Николаю Михайловичу Андрееву.

В марте 1897 г. статский советник Н.М. Андреев продал за 25 тысяч руб. московскому мещанину *Михаилу Егорову Фёдорову* и крестьянину Бронницкого уезда деревни Берендиной *Евграфу Никитину Новикову* недвижимое имение 15 дес. 920 кв. саж., доставшееся ему по отдельной записи с дворянами Сергеем и Николаем Аркадьевичами Андреевыми. В том же году Фёдоров и Новиков основали здесь кирпичный завод (в 1904 г. на нем работало 134 рабочих). Приобретя 15 дес. господской земли, Фёдоров и Новиков практически приобрели право на часть дворянского имения, в котором и поселились.

А 19 декабря 1897 г. они приобрели у Н.М. Андреева также жилые и нежилые строения с фруктовыми и другими при них насаждениями на арендованной удельной оброчной статье под № 177, а также право аренды этого участка в 2 дес. 372 кв. саж. на оставшийся срок – по 1 июля 1900 г. За продажу строений и за передачу права на аренду земли с залогом при подписании договора Фёдоров и Новиков заплатили Андрееву 700 руб. серебром¹⁴⁹. Позже они продлили аренду удельной оброчной статьи № 177, заключив договор с Московской удельной конторой до 1912 г., а затем и до 1924 г. В 1917 г. дело М.Е. Фёдорова продолжили его сыновья – московский мещанин Иван Михайлович, личный почетный гражданин Василий Михайлович и Алексей Михайлович Фёдоровы. В 1918 г. завод быв. Фёдорова – Новикова продолжал работу, кирпич производили 10 рабочих. На карте 1930 г. этот кирпичный завод разместился около трех прудов в карьерах между селом и храмом. На карте 1930 г. завод быв. Фёдорова – Новикова отмечен № 2.

Заводы Шмидта и Фёдорова – Новикова вошли в кирпичный завод № 2 Моссиликата, как и самый большой кирпичный завод, появившийся на земле села Троицкого Черёмушки, – московского 1-й гильдии купца коммерции советника В.И. Якунчикова.

Василий Иванович Якунчиков, потомственный почетный гражданин, появился в этих местах, когда господские и церковные земли были уже почти все заняты заводами. В одном из описаний (от 1904 г.) указана дата основания завода Якунчикова на землях крестьян села Троицкого – 1874 г.¹⁵⁰ Это дает основание думать, что вначале Якунчиков приобрел строения завода Кондратьева-Барбашова, который тоже арендовал землю у крестьян, а после 1873 г. его фамилия более не появлялась в документах. В 1879 г. Якунчиков взял в аренду всю надельную землю Троицкого сельского общества – 21 дес. 1-й категории с доходом

1120 руб.¹⁵¹ Крестьяне сдали пашню в аренду под кирпичный завод и глину по 800 руб. в год на 12 лет с правом возобновления. Для добычи глины Якунчиков арендовал также на 12 лет у крестьян сельца Семёновского 6 дес. за 1000 руб. в год. Завод Якунчиков поставил в 4 верстах от Серпуховской заставы и в $3\frac{3}{4}$ верстах от шоссе Даниловского кладбища. Производил Якунчиков разного рода кирпич в зависимости от спроса, но в основном обычный – 4,5 миллиона штук по 21 руб. за тысячу. Работало на заводе 900 мужчин и 90 женщин. Все годы, до самой Первой мировой войны, эти показатели у него не снижались. Обжиг кирпича производился круглый год и круглые сутки. Остальные работы (подготовительные) велись только четыре месяца лета и осени¹⁵².

Московский 1-й гильдии купец потомственный почетный гражданин Василий Иванович Якунчиков

Постепенно Якунчиков усовершенствовал кирпичное производство в Троицком. В 1884 г. это был паровой кирпичный завод. А к 1889 г. на заводе, где работали уже 1000 рабочих, действовала гофманская печь; стояли труба, шатер, сарай, жилые и нежилые строения. Вместе с движимостью ценность всего 118 846 руб. 85 коп.¹⁵³

В мае 1880 г. Якунчиков приобрел у князя Владимира Александровича Меншикова соседнее недвижимое имение Знаменское Черёмушки – 114 дес. с отличными глинистыми почвами, годными для производства кирпича.

В 1890 г. В.И. Якунчиков арендовал – до 30 октября 1900 г. – смежные с этим имением 9 дес. церковной земли (из участка С), на которой он поставил завод и добывал глину. Так как на этот же завод поступала и глина с земли имения, приобретенного Якунчиковым у Меншикова, то ему было выгодно сохранить этот завод, пока там была глина. Поэтому Якунчиков по окончании срока аренды повторно арендовал те же 9 дес. для завода и еще 3 дес. для добычи глины – всего 12 дес. церковной земли на период с 1900 по 1906 г.¹⁵⁴

Труба Черёмушкинского кирпичного завода, стоявшего в Троицком Черёмушках – на нынешней улице Дмитрия Ульянова у перекрестка с улицей Новочерёмушкинской. *Фото автора 2000 г.*

Именно на этой земле он поставил третью гофманскую печь, трубы которой сохранились вплоть до XXI в., когда вокруг них, на прежней церковной земле села Троицкого, росли кварталы огромного города улиц Дмитрия Ульянова и Новочерёмушкинской.

В июле 1896 г. дворяне Сергей и Николай Аркадьевичи Андреевы продали по купчей крепости коммерции советнику Василию Ивановичу Якунчикову участок земли 13 дес. 850 кв. саж. за 17 360 руб., который тоже пошел под глинище.

В 1907 г. В.И. Якунчиков умер, и кирпичные заводы (в Троицком и Знаменском Черёмушках), как и все дела отца, в 1909 г. унаследовал его младший сын Николай Васильевич Якунчиков (1873–1931), уже не купец, а потомственный дворянин, бывший дипломатом и даже придворным камер-юнкером.

Жена Николая Васильевича Ольга Николаевна Якунчикова, урожденная Жерве, с 1911 г. являлась попечительницей Троице-Черёмушковского земского училища (основано в 1900 г., расположено в четырех верстах от Серпуховской заставы). Преподавали в училище священник Михаил Капитонович Горский, с 1910 г., и учительница Людмила Григорьевна Сербаринова, с 1901 г.

В отличие от многих других заводчиков Николай Васильевич Якунчиков сумел сохранить оба завода в Черёмушках до 1917 г. Они продолжали работать и в 1918 г. – на обоих заводах (быв. Н.В. Якунчикова) тогда работало 315 человек. В 1923 г. они стали основой

Черёмушкинского кирпичного завода № 2, владельцем которого являлся МСНХ, 1-е объединение заводов Моссиликата. На заводе № 2 было 3 гофманских печи (вместительностью 607 тысяч штук), а также 8 двигателей 326 л. с. Рабочих – 429 человек¹⁵⁵. На карте 1930 г. завод быв. Якунчиковых обозначен № 1 и тремя знаками заводов с трубой.

В 1918 г. в Троицком Черёмушках сельсовет отмечал еще один кирпичный завод – быв. Добычина, на котором трудилось 13 рабочих. Но до 1918 г. ни в одном документе не встретилось этой фамилии, чтобы можно было описать его предысторию. Однако на карте 1930 г. есть еще один знак кирпичного завода, которому, вероятно, можно присвоить № 4.

Бекетовская дача тоже косвенно связана с селом Троицким.

В 1798 г. в метрических книгах села Троицкого Черёмушки отмечается загородный дом госпожи Ирины Ивановны Бекетовой¹⁵⁶. С 1800 до 1830 г., судя по метрическим книгам, этот загородный дом значится за ее сыном Иваном Петровичем Бекетовым. В этом доме на арендованной в Троицком земле все эти годы жили дворовые люди Ивана Петровича – женились, плодились, умирали. Но сам Иван Петрович при этом пользовался другим загородным домом, расположенным неподалеку от Троицкого – по дороге в Москву, на участке, ставшем известным как Бекетовская дача.

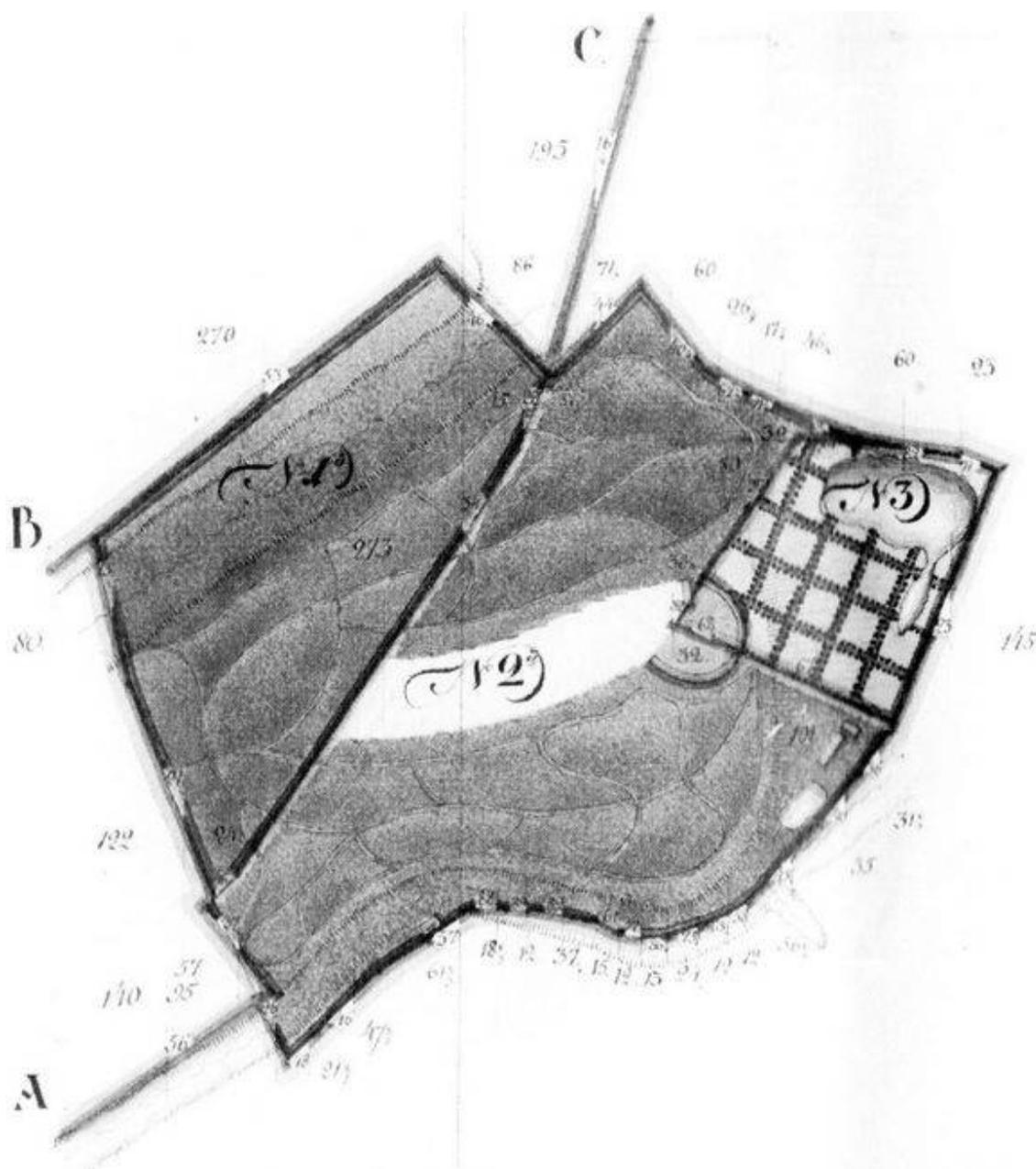
С 1796 г. по раздельному акту наследства от отца Петра Афанасьевича Бекетова Иван Петрович Бекетов получил загородный дом, который достался отцу «в 1789 году от графини Дарьи Петровны Салтыковой, урожденной графини Чернышовой, супруги генерал-аншефа, что после был генерал-фельдмаршал, и кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова, по купчей крепости... в Москве за Серпуховской заставою, прозываемой Худеницкой с имеющимся в нем всяким строением, прудами и в них рыбою, садом и в нем разных родов плодovitыми и прочими деревьями и со всею находящеюся под ним землею...»¹⁵⁷.

Худеницкой двор, в 6 дес. 1924 кв. саж., расположенный неподалеку от Троицкого, на земле удельных крестьян сельца Даниловского, не был вымежеван первыми владельцами из земли удела, как полагалось по закону, и удельная контора считала его своим, хоть его уже не один раз владельцы перепродавали по купчей крепости, не считая нужным произвести отмежевание. Располагался двор очень удобно – близ Москвы, у слияния речки Чуры, протекающей по Кадашевскому (Челбыженскому) оврагу, и ручья, ее правого безымянного притока. Большой пруд усадьбы, образованный на этом ручье, огибали две древние дороги, идущие от Москвы в Знаменское Черёмушки (позже Черёмушкинская) и в Троицкое Черёмушки (позже Якунчиковская). Обширная территория между двумя оврагами южнее Худеницкого двора была изрыта глинищами старых, еще XVIII в., кирпичных заводов. И.П. Бекетов видел эти пустопорожные земли удельных крестьян ведомства Московской конторы Даниловской слободы и села Семёновского из окон своего загородного дома в Троицком, расположенного на противоположной от Худеницкого двора юго-западной возвышенной стороне. И в 1803 г. он взял это межевражье, принадлежавшее удельным крестьянам двух селений, в оброчное содержание на 40 лет (до 1843 г.) за 550 руб. ежегодно. Он развел здесь «обширный сад, в котором находятся сибирские и американские кедры, каштановые и грецкие орехи, пихты, лиственницы, тополи и липовые рощи, часть оной земли занял даже строениями»¹⁵⁸.

В книге «Старая Москва» М.И. Пыляев приводит, со слов современника, описание дачи, какой она была до 1830-х гг., ошибочно приписывая ее принадлежность Платону Петровичу Бекетову: «Все местоположение гористое, нет ста шагов ровных; вьются дорожки в чаще леса, по окраине лугов, наводя на живописные виды; там курган, тут – пруд, длина, чаща, кривое дерево, обрыв к речке и т. д. Гуляя по парку, думаешь быть далеко, а всего три версты за заставою. Дом очень старой архитектуры, комнат не много, но прекрасных, зала, библиотека и столовая с мраморными каминами и колоннами, расписанными Скотти. Из библиотеки комната, канареечная, усыпанная песком, усаженная деревьями, где было

сотни птиц. Из нее сход в оранжерею, бывшею единственною после Горенской. Там не стояло кадок, горшков; все растения сидели в грунту, между ними вились дорожки, и посетитель гулял, как на воздухе, между музами, пальмами; над водоемом стлались водяные растения; стены скрывал плющ, виноград; камелии росли кустами, магнолии – деревьями. Из второго этажа на луг идет сход без ступеней, обложенный дикими камнями и заросший кругом деревьями»¹⁵⁹.

Генерал И.П. Бекетов пользовался дачей 32 года, а в начале 1835 г. предложил удельному ведомству обменять землю, которую он брал в оброк, на его собственную землю – первую часть селца Кленкова, пустошь Сасуновскую, доставшуюся ему по наследству от отца П.А. Бекетова.

План Бекетовской дачи. 1835 г.

В рапорте удельного землемера Полякова, составившего план удельных земель, участки, владеемые И.П. Бекетовым, описаны так: «Удельные земли... кои значутся на плане

под № 1-м и 2-м в количестве 44 дес. 2016 кв. саж., имеющие местоположение самое возвышенное и изрытое, где прежде сего существовали кирпичные заводы, которых земли ныне приносят ежегодно доходу 550 руб. Есть ли же г. Бекетов впоследствии времени откажется от содержания сих земель и снесет все свое заведение, тогда земли сии по описанному неудобству едва ли принести могут годового дохода 100 руб., из чего полагаю, что предлагаемая в промен крепостная дача г. Бекетова может быть для Удела полезна. Под № 3-м земля в количестве 6 дес. 1924 кв. саж. в согласность плана Генерального межевания на Даниловскую слободу принадлежит ко владению Уделу, за которую г. Бекетов оброчных денег не платит, а владеет ею по крепостному акту, который от него для видимости представлен в одну контору»¹⁶⁰.

В отчете землемер Поляков сообщил, что дача Бекетова состояла из трех участков: № 1 – удельных крестьян сельца Семёновского, Посевьева Раменки тож под английским садом вдоль Кадашевского оврага 16 дес. 1666 кв. саж.; № 2 – удельных крестьян Даниловской слободы под английским садом 23 дес. 2084 кв. саж., а всего 27 дес. 1738 кв. саж.; № 3 – Худеницкий двор под фруктовым садом 4 дес. 2224 кв. саж., а всего 6 дес. 1924 кв. саж.

Смежными землями являлись: А – В – земля сельца Семёновского, Посевьева Раменки тож ведомства Московской удельной конторы крестьян; В – С – Московская выгонная земля; С – А – земля села Даниловской слободы удельного ведомства крестьян.

Тогда же, в апреле 1835 г., землемер Поляков снял план сельца Кленкова, разделенного еще в 1755 г. на два участка, переходившие по купчим из рук в руки, но тоже до сих пор не размежеванные по закону. Оказалось, что в первом участке сельца Кленкова Колычово тож, которым владел И.П. Бекетов, 45 дес. 1316 кв. саж., а во втором – московского мещанина Тимофея Иванова Ларионова – 46 дес. 820 кв. саж.

Удельное ведомство было согласно на промен, учитывая выгоду для удела. Первый участок пустоши Клениной (Кленково Колычово тож), смежный с удельной деревней Деревлёвой, почти равен по площади Бекетовской даче, имеет старый дом, сад, лес, сенокос... Однако в конторе вызывал сомнение находящийся «во владении г. Бекетова еще третий участок в Даниловской слободе пространством 6 дес. 1924 кв. саж., который он оспаривает в крепостное свое владение; дело по сему [представляет] с прочими от разных лиц, завладевшими в селе Даниловском землями, находится ныне в рассмотрении Департамента Правительствующего Сената»¹⁶¹.

Только в октябре 1835 г. было получено Высочайшее соизволение на обмен – на совершение купчих крепостей на земли. Обмен, таким образом, совершался через куплю: удел покупал сельцо Колычово, а Иван Петрович Бекетов – участки сельца Даниловского и Семёновского.

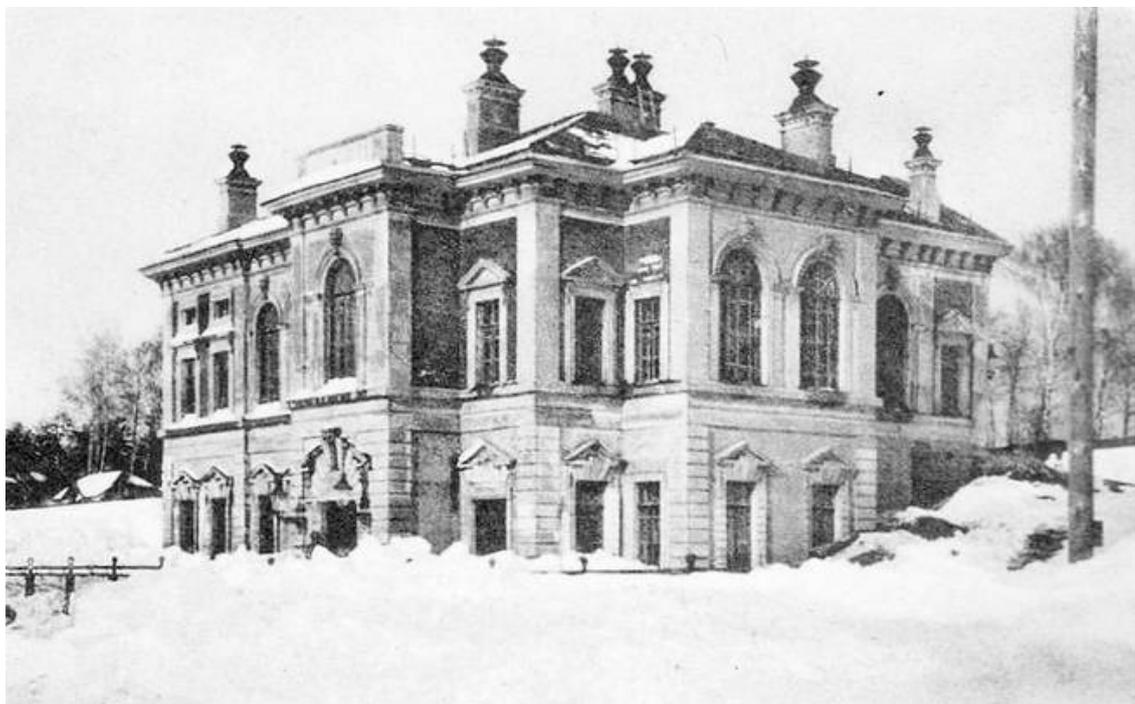
Но Иван Петрович не дождался этого решения. Он умер 8 сентября 1835 г. и завещал все свое имущество, в том числе и права на аренду земель, любимой племяннице Софье Сергеевне Бибиковой, которая и завершила обмен. После чего удел официально, в законном порядке провел полюбовное размежевание сельца Кленкова Колычово с наследниками Т.И. Ларионова (1841–1842).

Тогда же удел начал проводить обмежевание земель сельца Семёновского, Посевьева Раменки тож и Даниловского, о чем были извещены все смежные владельцы. Софья Сергеевна просила освободить ее от каких-либо требований удела, так как земли, полученные взамен сельца Кленкова по Высочайшему соизволению, находятся в ее «единственном и особняковом владении». Но управляющий конторы сообщил ей, что уступленные уделом земли «от прочих Удельных не обмежеваны и из планов Генерального межевания каждой дачи не исключены; почему оныя остаются в общем владении до тех пор, когда учинится размежевание; заборы ж и насыпи, ограничивающие безспорное ея владение, так равно и план снятия удельного землемера, не могут отвергнуть должного по законам размежевания».

После длительной переписки Бибикова назначила наконец для участия в межевании своего поверенного, но в 1845 г. посреднику по межеванию сообщили, что владение «дошло по покупке от г-жи Бибиковой» купцам Родионову и Яковлеву. Размежевание по разным причинам затянулось еще на несколько лет. Только 13 мая 1858 г. верейский уездный землемер А. Богомоллов выехал на межу. Владения московских 2-й гильдии купцов Василия Яковлева сына Яковлева и 3-й гильдии Семёна Родионова сына Родионова (Бекетовская дача) были отмежеваны в первые два дня, хотя ни сами купцы, ни их представители на размежевание не явились¹⁶².

Что-то случилось с совладельцами Бекетовской дачи – оказалось, что они ее тоже продали... Трудно сказать когда и кому – в деле не было уточнений, однако отмежевание Бекетовской дачи от удельной земли все же было проведено в отсутствие владельцев. Но вскоре, в 1865–1866 гг., учрежденная Московской думой Комиссия по постройке бойни в Москве обратила внимание на этот участок, уже принадлежавший купцам Канатчиковым, заключавший в себе до 55 дес. В одном из отчетов комиссии в скобках упомянуто, что это Бекетовская дача.

Канатчиковы – фамилия редкая. Единственный купец с этой фамилией – Козма Иванов Канатчиков, купец 3-й гильдии, жил в Москве в Дмитровской слободе. Канатчиков торговал железом. По сказке 10-й ревизии (1858) ему было 58 лет. Младшему сыну Петру – 31 год, но семьи он не завел. А в семействе старшего Ивана, кроме троих старших детей – Николая, 11 лет, Семёна, 9 лет, Марии, 9 лет, – после прежней ревизии (1850) появилась еще одна дочь Елизавета, 4 лет. Многодетной вдове Татьяне Андреевне шел 31 год. Возможно, Козма Канатчиков накануне ревизии 1858 г., еще при жизни многодетного старшего сына Ивана, приобрел Бекетовскую дачу у купцов 2-й гильдии В.Я. Яковлева и 3-й гильдии С.Р. Родионова (или их наследников), фамилий которых не нашлось ни в одной московской слободе.

Станция Канатчиково. 1903 г.

Но Иван неожиданно умер. Затеять новое дело на новом участке Козме Канатчикову было трудно – не тот возраст. От младшего сына Петра помощи было немного – купцом он

так и не стал. Внуки, Ивановы дети, еще малы. И ничего толкового на купленной даче Козма Канатчиков не сделал. А когда городская управа обнаружила, что их участок пригоден для бойни, так как «во всех отношениях превосходный для выгона и стоянки скота... Г. Канатчиков согласился уступить городу всю землю, требуя за все 55 дес., с лесом в двух местах... 26 тысяч руб.». В 1867 г. купцы Канатчиковы продали свой участок за 24 тысячи руб.¹⁶³ Козма Канатчиков, как видно, вскоре скончался, и в 1869 г. в купечество вошел внук Николай, взяв на себя дело деда – торговлю железом. А через два года и вдова Канатчикова вошла в купечество. В 1892 г. стал купцом Семён Иванов Канатчиков, державший кузнечное заведение. Но после 1895 г. эта редкая фамилия среди купцов уже не упоминается.

На участке, приобретенном городом у Канатчиковых, город бойню не построил – нашли другое место. И более двадцати лет городская земля под названием Канатчикова дача стояла впусе. И лишь в поисках места для психиатрической больницы дума снова обратила внимание на этот окраинный участок по правую сторону Кадашевского оврага. Около половины территории было занято оврагами, остальное – под зданиями, огородами, роцей, большим прудом и пятью садами. По большей части это было плато, лежавшее на высоте 16 саж. (34 м) над уровнем Москвы-реки и равномерно спускавшееся к востоку, где находился пруд, сохранивший в названии Бекет историческое прошлое дачи. Почва суглинистая с высокими грунтовыми водами. Просторный, отделенный от окружающих территорий оврагами участок городская дума приговором от 27 июня 1889 г. определила местом для постройки больницы, которая была возведена в 1894 г.

Когда в 1903–1908 гг. была построена Московская окружная железная дорога, по левую сторону от Кадашевского оврага, ближе к Живодерной слободе, поставили станцию, которую в проекте называли Канатчиковой дачей, а после строительства назвали Канатчиково. Сейчас станция входит в границы столичного Академического района.

А прекрасная Бекетовская дача с прудом Бекет, которой Пыляев посвятил немало восхитенных строк, полвека была известна лишь как Канатчикова дача. Более того, это название позже в народе стали воспринимать как синоним городской психиатрической больницы, построенной там 110 лет назад.

Советские времена. В июле 1918 г., как сообщил зюзинский гражданский комиссар В.Л. Гаврилов в гражданский отдел губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов, в селении Зюзинской волости Троицкое Черёмушки проживало 588 жителей обоего пола. Так как в имении Знаменском Черёмушки крестьян не было, а формирующийся рядом с усадьбой рабочий поселок кирпичного завода административно выделен не был, комиссар приписал жителей поселка к деревне, объединив обе территории в одно селение Черёмушки. Именно поэтому село Троицкое в 1920-х гг. стали называть коротко – Черёмушки, что даже было внесено на карты, хотя в документах постоянно упоминалось название «Троицкое». Здесь в том году действовали четыре кирпичных завода: быв. Якунчикова, где работало 315 человек; быв. Фёдорова и Новикова – 10 человек; быв. Шмидта – 13 человек и быв. Добычина и Фролова – 13 человек¹⁶⁴.

Так как в Троицком Черёмушках постоянных жителей было немного, а в поселке жил пришлый народ – рабочие завода и совхоза, территорию Черёмушек включили в Шаболовский сельсовет; сельсовет находился в более крупной деревне Шаболовке. И в 1923–1924 гг. Черёмушки входили в Шаболовский сельсовет, председатель сельсовета – беспартийный шаболовский крестьянин А.Ф. Тихонов, в должности с 1923 г.

Когда в 1925 г. сельсоветы укрупнили, территория Шаболовского сельсовета вошла в Зюзинский группсовет, в который, кроме Троицкого Черёмушек (483 человека, в двух верстах от с/с) и Шаболово (412 человек, в двух верстах от с/с), были включены Зюзино и Волхонка. В группсовет были избраны и несколько представителей Черёмушек. От Троицкого беспартийные крестьяне В.Я. Кузнецов, 27 лет, И.А. Журавлев, 30 лет, С. Колкунов, 24 лет, Д.А.

Капитонов, 36 лет, А.Д. Морозова, 38 лет. От поселка – рабочие кирпичного завода И.С. Архипов, 32 лет, член РКП(б), Г. Полеховский, 36 лет, член РКП(б), А.С. Зайцев, 19 лет, член РЛКСМ. Образование у крестьян и рабочих низшее.

В Троицком Черёмушках и в Зюзине работали школы первой ступени. Больница в Шаболове по-прежнему принимала больных. Состояние дорог неудовлетворительное. Направление всех хозяйств – огородничество.

Но вскоре, в октябре того же 1925 г., группсоветы снова разукрупнили. Вместо Зюзинского группсовета избрали три сельсовета. В Троицком Черёмушках (жителей 483 человек) избрали Черёмушкинский сельсовет. На территории сельсовета – школа 1-й ступени, завод быв. Якунчикова (40 человек) в полуверсте от сельсовета, совхоз «Черёмушки»¹⁶⁵.

В 1926 г. в перечне землепользователей в селениях Ленинской волости впервые было обозначено, что в Троицком было 64 едока, а в Черёмушках – 235 едоков: население, которое в основном сельскохозяйственной землей не пользовалось, но и поселком еще не было названо. Но уже тогда в поселке селились и потенциальные колхозники. К Черёмушкам тогда отнесли два кирпичных завода: быв. Шмидта и быв. Якунчикова. Леса – быв. Андреева 23 дес., быв. Шмидта 7 дес., быв. Якунчикова 39 дес. (в том числе парк около 15 дес.) – были включены в Южное лесничество¹⁶⁶.

В 1927 г. в Московском уездном земельном управлении (МУЗУ) были собраны статистические сведения о землепользовании и численности селений Московского уезда. В таблице, где были приведены контрольные цифры по селениям в сравнении с 1881 г., было уже выделено два селения Троицкое и Черёмушки. В первом в 1881 г. было 16 дворов, а в 1927 г. – 21, число едоков также приведено в сравнении: 70 и 105. Показатели землепользования (в дес.) также изменились: усадьбы 5 и 5; пашни 16 и 10; лугов не было, стало 4; выгона не было, стало 4; появились неудобья 2 дес.; всего было 21 дес., стало 25 дес. А по селению Черёмушки данные за 1881 г. нулевые, что доказывает его отсутствие в тот год. А за 1927 г. указаны следующие сведения: дворов – 87, едоков – 443, усадьбы – 4 дес., пашни – 43 дес., леса – 4 дес., неудобья – 4 дес., всего 55 дес.

В составленных тогда же поселенных таблицах о распределении земли по формам землепользования, по видам угодий, характеру почв, количеству скота и кустарных промыслов по селениям Московского уезда для обоих селений опять использована одна строка, одно название: Троицкое Черёмушки, где числилось 83 общинных хозяйства и в них наличных едоков 371, распределение земли по угодьям (в дес.): усадьбы – 16, пашни – 36, выгон – 16, сады – 4. Всего удобных земель 72, неудобных не было. Почва глинистая, лошадей взрослых – 45, коров взрослых – 76, 4 хозяйства кустарных промыслов, в них 7 лиц, занятых промыслом, в том числе 2 наемных¹⁶⁷.

Колхозные времена Троицкого Черёмушки. Накануне собрания о коллективизации собралась группа учредителей колхоза крестьян из 18 человек, которая рассмотрела и приняла типовой устав сельхозартели, подготовленный колхозцентром РСФСР 29 декабря 1929 г., подготовила к общему собранию населения предложения по составу инициативной группы для проведения изъятия имущества у лишенцев, составила список лишенцев, в который было включено 59 крестьян, и подготовила текст резолюции предстоящего собрания: «С 24 января начать трехдневник по вывозке навоза на поля, используя на этой работе всех кулацких лошадей и рабсилу. Каждому колхознику, выезжая на своей лошади, взять под наблюдение одно кулацкое хозяйство, чтобы не дать возможности уклониться от вывозки, и о всех замеченных немедленно сообщить члену правления колхоза или члену инициативной группы. Инициативной группе с 24-го приступить к описи имущества у кулаков-лишенцев с целью изъятия его в пользу колхоза и к описи и оценке у колхозников с целью учета».

Собрание граждан селения Черёмушки состоялось 23 января 1930 г. Присутствовали на нем 144 человека. В повестке дня три вопроса: 1) о коллективизации; 2) утверждение инициативной группы; 3) разное. Доклад тов. Зайцева о коллективизации сразу вызвал вопросы: как поступить тем, кто работает на стороне? Как поступить тем, которые работают в других артелях? Можно ли вступить в колхоз, если вся семья работает на стороне?

Выбрали инициативную группу из семерых крестьян, куда добавили также агронома и врача. Тут же, на собрании, обсудили и утвердили список лишенцев в количестве 59 человек, подготовленный накануне собрания. Решили немедленно выселить всех кулаков из занимаемых ими домов.

На этом же собрании был составлен список вступающих в колхоз: «Мы, нижеподписавшиеся крестьяне села Черёмушки, добровольно вступаем в сельхозартель и согласны с уставом, принятым колхозцентром». В списке вступивших расписались 58 человек, в числе первых – учредители.

Зарегистрирован протокол об общем собрании под № 59 28 января 1930 г. Эта дата и номер были внесены в устав сельхозартели как дата создания на землях селения Черёмушки Ленинского района Черёмушкинского колхоза им. Сталина, правление которого, как и сельсовет, находилось в Троицком Черёмушках. В него вошло 64 крестьянских хозяйства, находившиеся и в селе Троицком, и поселке Черёмушки, образовавшемся при кирпичном заводе и совхозе. Всего в колхозе было почти 119 га земли, занятых усадьбами, постройками, парниками, пашнями, садами, прудами, дорогами, оврагами с редким лесом и кустами¹⁶⁸.

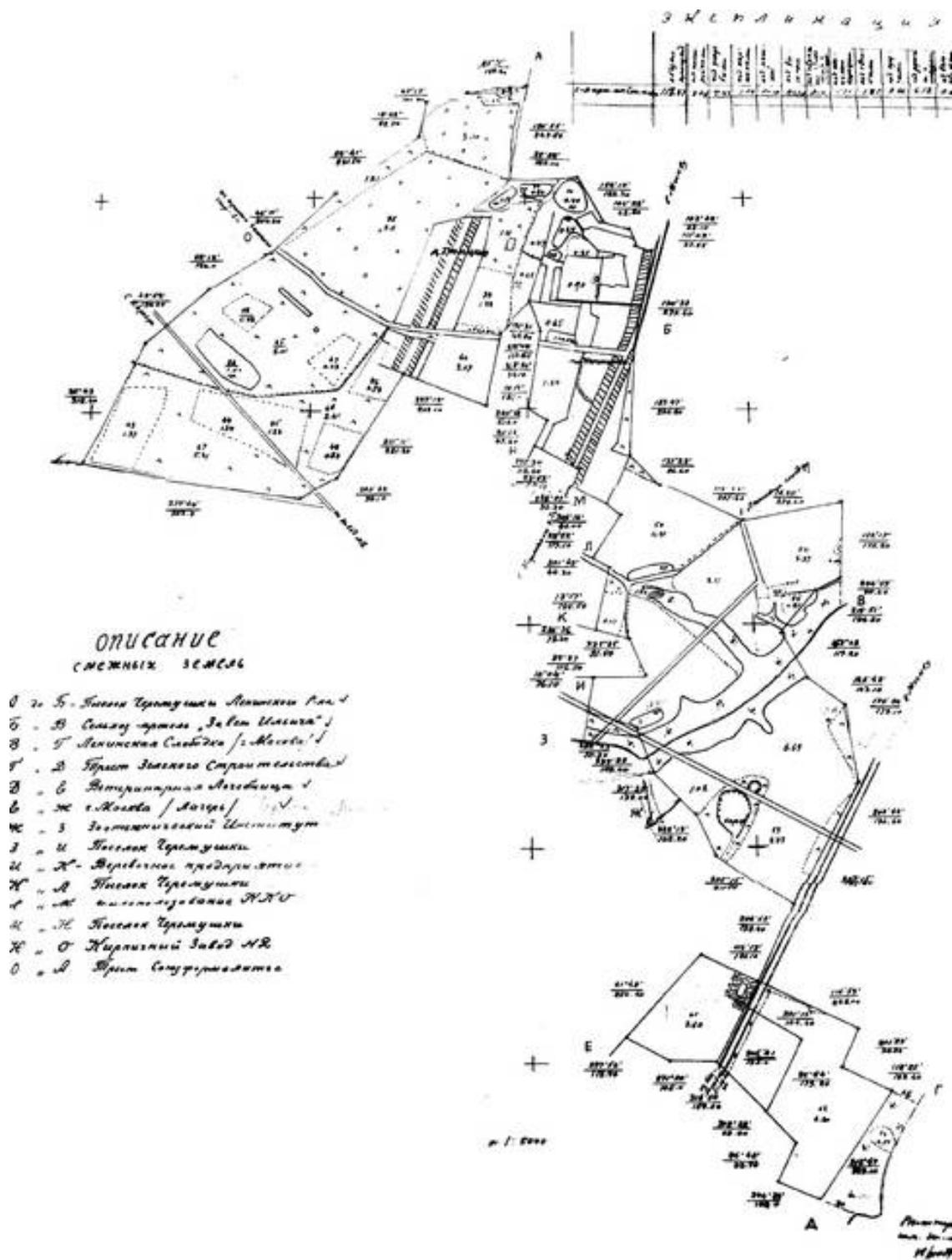
В дополнение к землям вошедших хозяйств из государственных земельных имуществ (ГЗИ) в 1930 г. колхозу был передан в трудовое пользование плодоносящий сад в 2,53 га – 40 штук яблонь по 3 руб., 380 штук вишни по 2 руб., 120 штук сливы по 3 руб., всего стоимостью 1240 руб., – из бывшей удельной статьи № 177 удельного ведомства, арендованной прежде Андреевыми, а после них Фёдоровым и Новиковым. В межах участка – земли Семёновского, зона отчуждения Окружной железной дороги, земли крестьян села Троицкого и земля, состоящая в ведении Моссиликата под кирпичным заводом № 2 (участок завода быв. Фёдорова – Новикова). Через сад проходит дорога с кирпичного завода № 2 на станцию Канатчиково¹⁶⁹.

Когда в 1932 г. в состав Москвы включили территории селений Верхние и Нижние Котлы, вместе с заводскими поселками отошли к Москве и часть земель села Черёмушки, на которых образовались эти поселки. 32 усадьбы колхозников колхоза им. Сталина, общей площадью 8 га, находились в поселке Черёмушки, возникшем с юга от Конного двора усадьбой прежнего села Знаменское Черёмушки. Но постепенно поселок разрастался к западу, а за оградой усадьбы дома располагались вдоль Черёмушкинского шоссе. Черёмушкинский сельсовет постепенно стал поселковым советом, так как большее количество жителей жили в поселке.

Так как в этом поселке жили преимущественно рабочие Черёмушкинского кирпичного завода № 2 (быв. Якунчикова) и совхоза «Черёмушки», указом Президиума РСФСР от 26 декабря 1938 г. поселок Черёмушки Ленинского района Московской области отнесен к категории рабочих поселков.

За колхозом закрепилась земля, находившаяся в его фактическом пользовании. Территории колхоза, поселка, заводов, многих московских учреждений, получивших в те годы в пользование недавние колхозные земли, была необычайно перемежены. Колхозные земли представляли собой несколько участков разной величины, подчас разделенных землями сторонних землепользователей. В 1939 г., чтобы отделить земли колхоза от земли поселкового совета Черёмушки, был составлен план фактического землепользования колхоза им. Сталина при селе Троицком. Общая площадь сельскохозяйственных земель тогда составила 118,87 га.

На плане землепользования Черёмушкинского колхоза им. Сталина 1939 г. видно, как извилиста граница колхозных земель, зажатых между границами Москвы, территорией поселка Черёмушки и Черёмушкинским кирпичным заводом № 2. Колхоз со всех сторон окружали смежные землепользователи: А – Б – территория поссовета Черёмушки; Б – В – сельхозартель «Завет Ильича» (Нижние Котлы); В – Г – Ленинская слободка (недавний поселок им. Ленина на территории Верхних Котлов, в 1932 г. включенный в Москворецкий район Москвы); Г – Д – Трест зеленого строительства Москвы, расположенный на земле Зюзинского сельсовета; Д – Е – ветеринарная лечебница Ленинского райзо; Е – Ж – лагерь Осоавиахима Ленинского района Москвы; Ж – З – зоотехнический институт; З – И – снова территория поссовета Черёмушки; И – К – веревочное предприятие Ленинского райпромкомбината; К – Л – снова территория поссовета Черёмушки; Л – М – землепользование НКО (ремонтная база № 3 МВО); М – Н – снова территория поссовета Черёмушки; Н – О – кирпичный завод № 2; О – А – трест Союзформолитье.

План землепользования сельхозартели им. Сталина при селении Троицкое Черёмушки. 1939 г.

При установлении границ фактического землепользования 1939 г. в присутствии явившихся представителей названных организаций, «на поворотных пунктах были установлены законного образца деревянные столбы с государственным гербом и возведены курганы. Со стороны смежных землепользователей претензий и споров не заявлено. Границы сухопутные, ясно выраженные. И как владельцами фактического землепользования, так и смежным

землепользователям в натуре известны... Границы города Москвы по Москворецкому району согласованы и возражений против нет».

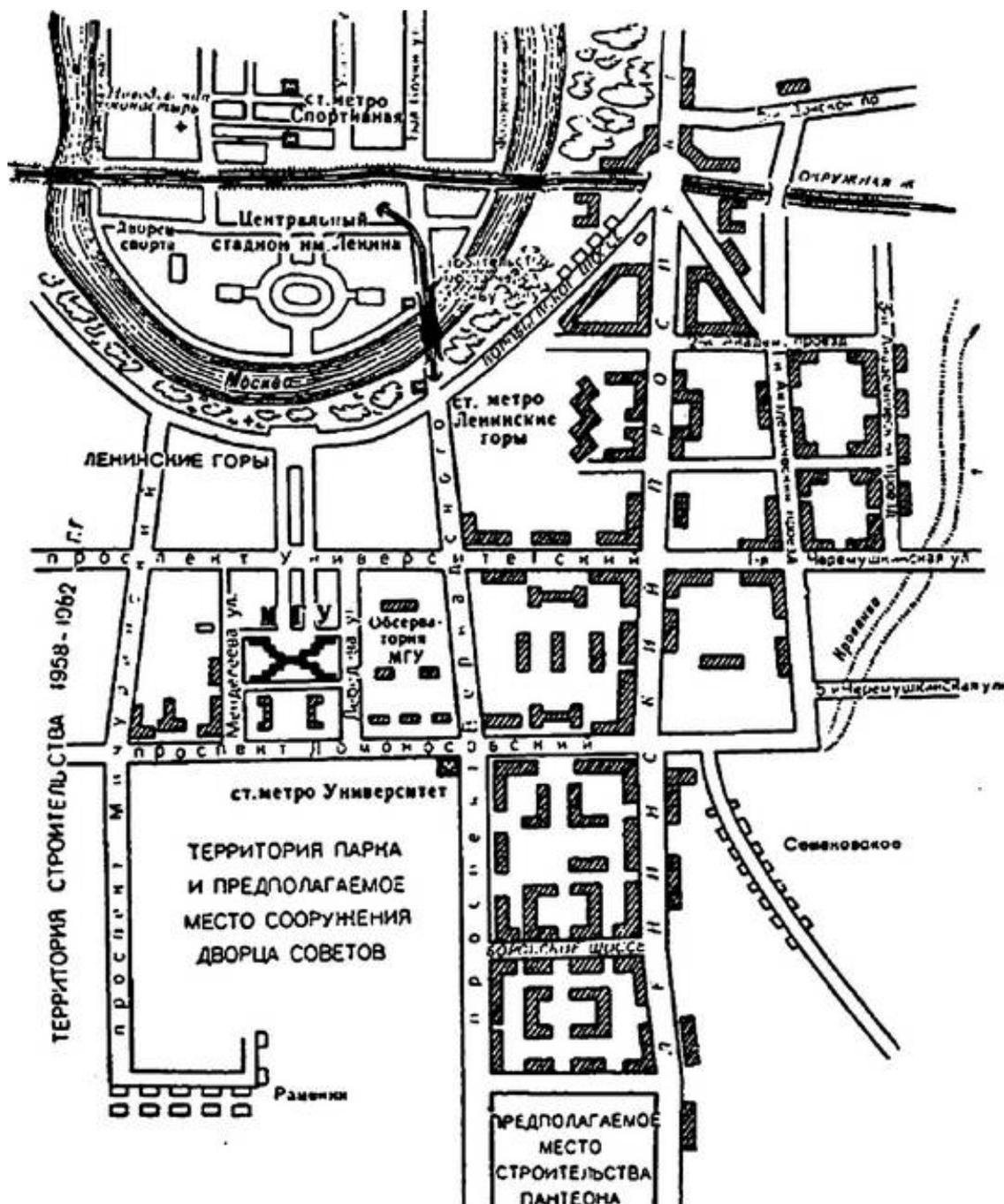
Когда после Великой Отечественной войны в 1946 г. снова составляли планы землепользования Черёмушкинского колхоза им. Сталина, количество земель и конфигурация территории несколько изменились. При составлении нового плана землепользования и корректировки севооборота агрономы, бригадиры, землеустроители отмечали на окраинах территории несколько участков, доставшихся колхозу после разработки глины без рекультивации, которые нельзя было пустить ни под пашню, ни под огороды, ни даже под выгон для скота. И уже при планировании севооборота в колхозе предусматривалось, что отдельные участки пойдут в ближайшее время под разработку глины, и на этих участках уже не намечали ни пахать, ни закладывать огороды, чтобы не тратить средств на удобрение земли. Эти участки оставляли под выгон.

На смежных с колхозом землях вдоль Кадашевского оврага соседние кирпичные заводы: Воронцовские (ближний и дальний) и Черёмушкинский – вели активные разработки глины. Сначала с просьбами о выделении под выработку глины они обращались в земельные общества Семёновского или Шаболова. А когда в 1930-х гг. земли передали колхозам, заводы стали брать землю для добычи глины у колхозов. При этом, как правило, в том же порядке, как и прежде у владельцев земель – на время, с возвратом обществу или колхозу отработанного участка после добычи глины в годном для сельскохозяйственного использования. Эта передача части колхозных земель Ленинского района для выборки глины кирпичным заводам оформлялась по всей вертикали власти: от Совета министров СССР до Исполкома Моссовета. При этом колхозам по актам оценки вложенных, но неиспользованных затрат выплачивались компенсации. А земли после выемки глины заводы должны были возвращать готовыми к сельскохозяйственному использованию. Но последнее требование не всегда выполнялось полностью.

Так, в ноябре 1948 г. решался вопрос об отводе Черёмушкинскому кирпичному заводу карьера глины площадью 10 га в полях севооборота № 5–7 колхоза им. Сталина, так как «имеющиеся запасы глины на ранее отведенных заводу участках исчерпываются». При этом было решено: «Отвод участков в натуре производить по мере разработки глины частями, учитывая годовую потребность в земле каждого завода». Колхозники на общем собрании согласились, но просили компенсировать изъятие равновеликой площадью. Они отметили, что после выборки глины компенсирующая земля «пришла в негодность как по рельефу, так и по плодородности», и просили «не включать эту площадь в обложение госпоставками до полного освоения и повышения плодородности», на которое обычно уходил не один год¹⁷⁰.

Учитывая согласие колхоза и заключение экспертизы о наличии на запрашиваемых участках запасов глины, исполком райсовета решил отвести Черёмушкинскому заводу 10 га из земель колхоза им. Сталина, а колхозу, учитывая недостаток у него земли и наличие в смежности с колхозом земель фонда Исполкома Моссовета, изъятие произвести с земельной компенсацией, «предварительно обязав кирпичный завод привести указанную площадь земли в пригодное для сельскохозяйственного использования состояние»¹⁷¹.

Малоземелье не позволяло колхозу использовать рекомендуемый райзо (районным земотделом) семипольный севооборот. Подобное ограничение в площадях существовало во всех маленьких колхозах, созданных в 1930–1931 гг. в каждом отдельном селении, независимо от их размера. И это стало причиной массового слияния мелких колхозов, предпринятого в Московской области в 1950 г.

План строительства Юго-Западного района. 1957 г.

При этом Черёмушкинский колхоз им. Сталина вместе с Волхонским колхозом «Возрождение» присоединили к зюзинскому колхозу им. 9 января. Новый колхоз назвали: им. Молотова. Общая площадь укрупненного колхоза составила 584,86 га, в том числе пашни 205,41 га. Для него был составлен новый план землепользования, в котором земли села Троицкого стали частью общих полей, к северу от зюзинской земли, а колхозники села Троицкого объединены в одну бригаду. Сельскохозяйственные земли Троицкого были отделены от Зюзина землями поселка Черёмушки и других землепользователей. Поэтому использовать их в полевом севообороте нового колхоза им. Молотова было неудобно – далеко. Пахотные земли села Черёмушки агрономы решили использовать под припарниковый севооборот, о чем и записали в акте осмотра землепользования сельхозартели им. Молотова.

Укрупнение сельскохозяйственных артелей, смежных с Москвой, было в некоторой степени вынужденным. На них с севера все активнее наступал город – и колхозы отдавали столице земли, которые уже уходили из состава колхозов без земельных и денежных компенсаций.

Еще по плану реконструкции Москвы 1935 г. предполагалось строительство новых кварталов вокруг Москвы на территории Юго-Западного района размером в 16 тысяч га, как наиболее здоровой для жилья.

Земли между старым селом Троицким Черёмушки и Кадашевским оврагом, где протекала речка Чура, разбили на кварталы по шахматной системе и назвали их Новые Черёмушки. Дома 9-го квартала Новых Черёмушек уже в конце 1940-х гг. стали возводиться на резервных территориях. К 1957 г. дома появились не только в плане, но и на 1, 3, 5-й Черёмушкинских улицах. В 9-м квартале Новых Черёмушек появились своя школа, столовая, детские учреждения, а также зоны для отдыха и спорта. И на выпущенной в том же году иллюстрированной карте Москвы на месте Черёмушек изображены новые кварталы и улицы.

На резервной территории, граничащей с Москвой, находился и колхоз им. Горького в деревне Семёновской. Троицкое Черёмушки и Семёновская единым клином входили в столичные земли. И поэтому для расширяющегося города – по решениям Мосгорсовета и Мособлсовета – им пришлось уступать колхозные земли.

В 1948 г. у колхоза им. Горького изъяли 19 га пашни для Института педиатрии 4,5 га, для Нефтяного института им. Губкина – 19 га, для Академии наук СССР – 117 га пашни.

В декабре 1948 г. колхозники отказались выделять земли Госснабу СССР и Управлению по строительству Дворца Советов, так как за последние годы из всей колхозной площади 495 га отрезано различным учреждениям 178 га, иначе колхоз нужно ликвидировать.

В 1950 г. к семёновскому колхозу им. М. Горького присоединили колхозы села Воронцова (им. Ворошилова) и деревни Шаболово (им. Ленина). Новый колхоз получил название «Сталинский путь». В 1954 г. в колхоз «Сталинский путь» влили колхоз «Памяти Ленина», укрупненный в 1950 г. в результате объединения трех хозяйств: села Конькова («Пятилетка в 4 года») и деревень Дальнее Беляево (им. Сталина) и Деревлёво («Памяти Ленина»). Колхозники прежних маленьких хозяйств стали работать на правах отдельных бригад, работавших на землях каждого селения. Новое хозяйство с прежним названием «Сталинский путь» заметно увеличилось, но его земли, примыкающие к границе Москвы, постоянно изымались для строительства новых городских кварталов Ленинского проспекта и для разработки глины.

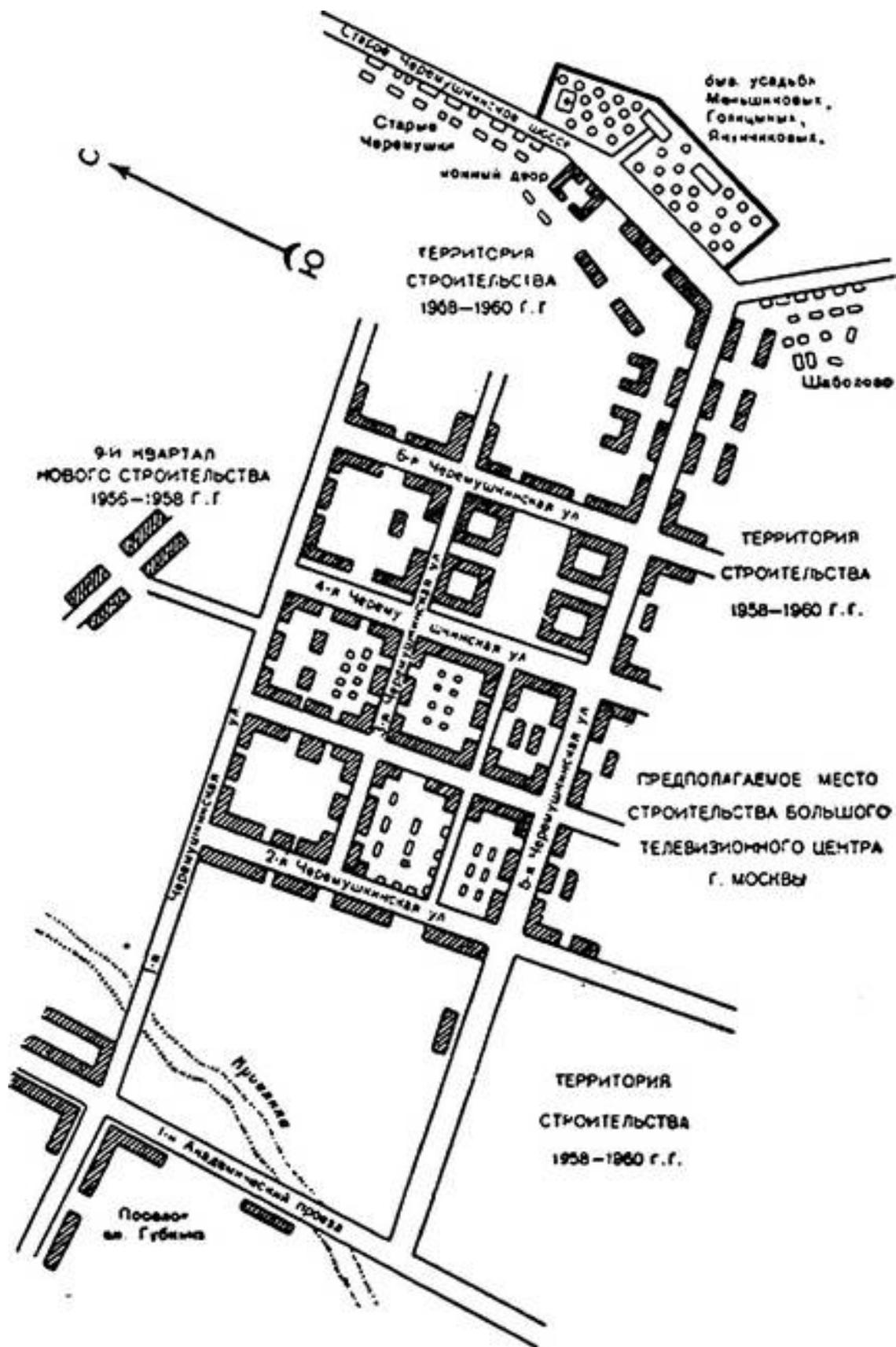
В 1950 г. под улицы и проезды отдано 8,66 га выпасов; Черёмушкинскому заводу для разработки глины 19,02 га (из пашни Шаболова); а Воронцовскому кирпичному заводу – 13 га.

В 1952 г. под строительство Дворца Советов – 10 га выпасов; тресту Мосгорупржилстрой – 8 га; Мосгортресту прачечных – 1 га; МГУ им. Ломоносова под строительство – 4 га; электротяговой подстанции под строительство – 0,32 га; Московскому инженерно-строительному институту им. Куйбышева под строительство жилых и учебных зданий – 3,78 га; тресту Мосплодоовощ под склады – 1,5 га; Черёмушкинскому заводу для разработки глины 50 га (из пашни Шаболова). В 1953 г. – Горному институту под строительство жилых и учебных зданий – 1,7 га; Черёмушкинскому заводу для разработки глины – 25 га (из пашни Шаболова); для строительства трамвайных путей от 5-го Донского проезда в МГУ – 10 га из пашен, садов и усадеб колхозников, при этом Управление по строительству дорог оплатило разрушенное бульдозерами имущество и посадки, а также сарай-гараж, хату-лабораторию колхоза и 14 крестьянских усадеб вместе с усадьбой председателя Ивана Михайловича Лунёва за одни сутки переселили на юг села Воронцова. И.М. Лунёв был председателем семёновского колхоза с самого его образования в 1930 г.

А колхоз им. Сталина села Троицкое Черёмушки в 1950 г. объединился вместе с колхозами села Зюзина (им. 9 января) и деревни Волхонки («Возрождение»).

В декабре 1957 г. в черту Москвы включили несколько прилегающих к Москве территорий, в том числе центральную часть ЮгоЗападного района – растущие микрорайоны массовой застройки Новые Черёмушки и Нагорную улицу (Ленинский район), рабочий поселок Новые Черёмушки, ВНИВИ, Черёмушкинский кирпичный завод, частично земли колхоза «Сталинский путь», населенные пункты: Волхонка, Стрелка, а также упразднили рабочий поселок Черёмушки Ленинского района¹⁷², который тоже стал частью Москвы. Так земли Черёмушкинской бригады колхоза им. Молотова заметно уменьшились. С 1 января 1958 г. земли Троицкого Черёмушки (в составе колхоза им. Молотова) вошли в состав смежного с ним семёновского колхоза «Сталинский путь»¹⁷³, который тоже значительно уменьшился за предыдущие годы.

На плане нового строительства 1958–1960 гг. хорошо видно, где располагались и старые строения, усадьба Черёмушки (быв. Якунчикова) и деревня Шаболовка, и новые – поселок им. Губкина, 9-й квартал Новых Черёмушек и др.

План строительства 9-го квартала Новые Черёмушки на 1958–1960 гг. 1957 г.

К 1960 г. строительство в Новых Черёмушках шло полным ходом. А 18 августа 1960 г. указом РСФСР в состав Москвы были включены окружающие столицу районы области до Московской кольцевой автодороги, которая только еще строилась отдельными фрагментами.

Усадьба Знаменского Черёмушек сохранилась, а маленькое село Троицкое при этом просто снесли, и никто из живущих на тех местах жителей не помнит, что находилось в пределах самого первого от оврагов квартала, ограниченного с юга улицей Шверника. Чаша пруда, когда-то расположенного рядом с Троицкой церковью, видна была еще в 1978 г. Поблизости, практически в центре этого квартала, стоит новопостроенная Троицкая церковь, не видная за огромным зданием общежития МГУ, возведенным у перекрестка улиц Большой Черёмушкинской и Шверника. А улица Новочерёмушкинская, начавшись в селе Троицком, пересекла по прямой все колхозные и заводские земли Троицкого и Шаболова и стала стержнем, вдоль которого поднялись городские кварталы Новые Черёмушки.

Село Знаменское Черёмушки

История владельческой дачи. В конце 1630 г. по челобитной Афанасия Прончищева вместе с дьяком Венедиктом Маховым земля вдоль речки Вздериношки, в ее среднем течении, в качестве обводной пустоши Черёмошье была отмежевана от сельца Шашеболцова, подмосковного поместья князя Богданова Фёдорова сына Долгорукого, имевшего землю с прудом в верховье этой речки.

Юго-западную половину пустоши Черёмошье, примыкавшую к Шаболовскому владению князя Богдана Фёдорова сына Долгорукого, занял Венедикт Махов, после которого за долги по государеву указу деревня Черемха перешла (в 1636 г.) думному дьяку Фёдору Лихачёву. Думный посольский дьяк Фёдор Лихачёв происходил из литовского православного шляхетского рода, в октябре 1641 г. он был пожалован в печатники, в сентябре 1644 г. – в думные дворяне. С таким значительным лицом князю Богдану Долгорукому спорить было трудно.

В 1643 г. Ф.Ф. Лихачёв выдал дочь Прасковью за стольника князя Ивана Семёнова сына Прозоровского и дал за ней приданое сельцо Дурнёво, а в 1649 г. продал зятю село Долгие Ляды.

В 1650 г. думный дворянин Фёдор Фёдорович Лихачёв ушел в Псково-Печорский монастырь (постригшись в монахи под именем Филарет), где и умер 25 января 1653 г.

В духовной он подарил деревню Черемху своему малолетнему внуку князю Петру Прозоровскому (род. 1645–1646). Но пока тот подрастал, владел деревней его отец стольник князь Иван Семёнов сын Прозоровской. У него с Прасковьей родились трое сыновей и три дочери¹⁷⁴.

Князья Прозоровские – ветвь древнего княжеского рода князей Ярославских, потомки которых, удельные князья Моложские, в XVIII колене от Рюрика приняли фамилию князей Прозоровских от принадлежавшего им в Моложском уезде (на территории теперешней Ярославской области) села Прозорова¹⁷⁵. Так как в XVIII в. дочь боярина князя Андрея Петровича Прозоровского (XXV колена) вышла замуж за Фёдора Фёдоровича Мусина-Пушкина, село это перешло в род Мусиных-Пушкиных, а в начале XIX в. находилось во владении графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, знаменитого открывателя «Слова о полку Игореве»¹⁷⁶.

Особенно много князей Прозоровских служило первым царям Романовым. Это были дети, внуки и правнуки князя Семёна Васильевича, который начинал служить Михаилу Фёдоровичу, а боярином стал в 1647 г. при царе Алексее Михайловиче. Вместе с боярином князем Никитой Ивановичем Одоевским Семён Васильевич работал над Соборным уложением 1649 г.

21 декабря 1656 г. в Вязьме, по итогам полугодичного похода в Смоленск, государь Алексей Михайлович пожаловал из стольников в бояре его сына князя Ивана Семёновича Прозоровского¹⁷⁷.

Княгиня Прасковья Фёдоровна (урожденная Лихачёва) тогда же была пожалована в боярыни, а в 1667 г. стала верховой боярыней Московского двора¹⁷⁸.

При принятии этого чина верховые боярыни в те времена присягали царице: «Лиха не учинити и не испортити, зелья лихова и коренья въ естве и въ питье не подати и ни въ какие обиходы не класти и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривати... надъ платьемъ и надъ сорочками, надъ портами, надъ полотенцами, надъ постелями и надо всякимъ государскимъ обиходомъ лиха никоторого не чинити»¹⁷⁹.

Это возвышение приблизило княгиню Прозоровскую к царицыну кругу. До того ни одна княгиня Прозоровская не удостоивалась чести быть приезжей боярыней у цариц.

Четырнадцатилетний сын боярина князь Пётр Прозоровской, родившийся в 1644–1645 г., начал службу при дворе 13 января 1659 г. – царь Алексей Михайлович пожаловал его в стольники. Уже с 1660 г. он стал чашником, носившим питье перед государем на приемах, затем рындой в белом платье на посольских встречах, приставом у вселенских патриархов – Паисия Александрийского и Макария Антиохийского.

Вотчину, завещанную ему дедом, Ф.Ф. Лихачёвым, – половину пустоши Черёмошья по обе стороны Черёмошского врага Чермнева стана – князь Пётр получил во владение, только когда он повзрослел, – она была отказана стольнику князю П.И. Прозоровскому 28 августа 1666 г. В деревне тогда имелся двор вотчинников, где жили «приказчик да 13 деловых людей, пашни 6 дес. 5 четей в поле, а в дву потому ж»¹⁸⁰.

В следующем году его отец, боярин князь Иван Семёнович Прозоровской, был назначен воеводой в Астрахань, и с ним уехали: его брат стольник Михаил Семёнов сын Прозоровской, жена Прасковья Фёдоровна, урожденная Лихачёва, и два сына Борис большой и Борис меньшей. Стольник князь Пётр, служивший при государевом дворе, оставался в Москве.

В 1670 г. Степан Разин захватил Астрахань и казнил воеводу боярина князя И.С. Прозоровского и его брата Михаила, связав вместе и сбросив с высокой стены, как и многих защитников города.

А двух Борисов, сыновей боярина, повесил за ноги, и висели они два дня на городской стене. Бориса большого, сняв затем со стены, тоже сбросили с раскату, а другого, Бориса меньшого, «по упрощению астраханского митрополита, сняв со стены и положи на лубок, отвезли к матери», которая укрывалась в монастыре.

После гибели астраханского воеводы его старший сын князь Пётр и выживший Борис меньшей Прозоровские – в числе ближних людей царя Алексея Михайловича. 27 января 1671 г. стольник князь Пётр Иванов сын Прозоровской был поезжанином на свадьбе царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной, а позже в перечне «Ближних людей жёны» в списке приезжих боярынь царицы Натальи Кирилловны появилась его жена княгиня Анна Фёдоровна (урожденная Ртищева). С 1674 г. князь Пётр Прозоровской – дядька (воспитатель) царевича Иоанна Алексеевича, ему поручалась охрана царевича, когда царь Алексей ездил из Москвы в свои любимые подгородные села или отправлялся к обедне в какой-либо из московских или подмосковных монастырей вместе с сыновьями. В 1676 г. перед своей кончиной царь Алексей Михайлович в числе особо доверенных лиц определил князя Петра в приставники к малолетнему царевичу Петру Алексеевичу, повелев хранить царевича, «яко зеницу ока».

Фёдор Алексеевич, став царем в 1676 г., пожаловал князя Петра Прозоровского в комнатные стольники, а 8 июня того же года в бояре.

Оба брата Прозоровские в январе 1682 г. участвовали в Земском соборе по уничтожению местничества; оба подписали и Соборное деяние, но старший Пётр – в числе бояр, а Борис – в числе комнатных стольников¹⁸¹.

Уже после Земского собора государь Фёдор Алексеевич пожаловал из стольников в бояре и младшего брата – князя Бориса Ивановича, назначив его судьей в приказ Большого дворца¹⁸².

После кончины в апреле 1682 г. царя Фёдора Алексеевича боярин князь Пётр Иванович Прозоровский сумел выдержать своеобразный нейтралитет в последующей борьбе сторонников Милославских и Нарышкиных, отстаивавших приоритет: одни – царевича Ивана, а другие – царевича Петра. Он служил всем трем сыновьям Алексея Михайловича пооче-

редно: Фёдору Алексеевичу, Ивану Алексеевичу, а затем и Петру Алексеевичу – и так, что не только не попал в опалу, а, наоборот, сумел остаться верным данному Алексею Михайловичу обещанию¹⁸³.

Долгие годы братья Прозоровские совместно владели доставшимися от отца селениями¹⁸⁴. В конце июня 1675 г. они оба получили отпуск для поездки в вотчину на богомолье. Но при переписи 1678 г. во многих случаях старший брат был обозначен единственным владельцем. Как и в маленьком сельце Черемха Чермнева стана, которое долгое время не привлекало внимания владельца и не развивалось. В переписи 1678 г. в вотчине боярина князя П.И. Прозоровского сельце Черемха значились: двор вотчинников, где жили «прикащик и 3 дворовых человека, да двор скотной, где жили 4 деловых старинных людей; а крестьянских и бобыльских дворов нет».

Но в 1684 г. соседнее с Черемхой село Зюзино было пожаловано боярину князю Василию Фёдоровичу Одоевскому – свойственнику Петра Ивановича Прозоровского. Они были женаты на родных сестрах, дочерях Фёдора Михайловича Ртищева, одного из приближенных сановников царя Алексея Михайловича. Ртищев сыграл заметную роль в истории русского просвещения, создав на свои средства училищный монастырь, который поначалу назывался Преображенским, а позднее – Андреевским. Пётр Иванович Прозоровский был женат на Анне Ртищевой, а Василий Фёдорович – на Акулине Ртищевой.

Возможно, именно тогда Пётр Иванович присмотрелся к своему имению, завещанному дедом. Он увидел, что сосед князь Фёдор Долгоруков перешел «спорную между, завладел многою землею к своему селцу Шаболцову, и межевые многие признаки люди ево и крестьяне перепортили...»¹⁸⁵. И в 1685 г. боярин князь Пётр Иванович Прозоровский подал челобитную государю. Так вновь затеялось прежнее спорное межевое дело. Межи села Зюзина в этом деле принимались как неспорные.

Боярин князь Василий Фёдорович Одоевский, владевший селом Зюзином с 1684 по 1686 г., в последние годы жизни вместе с братьями Прозоровскими состоял в свите царя Ивана Алексеевича и нередко сопровождал его в поездках по монастырям. Когда Одоевский заболел и скоропостижно скончался 20 декабря 1686 г., жене Акулине Фёдоровне из всех владений по царскому указу – «до ее живота» – было оставлено село Зюзино. Но через полгода умерла и вдова князя Одоевского, свояченица П.И. Прозоровского. За неимением прямых наследников выморочное село Зюзино, которое имело 11 дворов, 166 чети пашни и всего 30 алтын дохода, отошло в раздаточные дворцовые волости. И хотя Зюзино Василием Фёдоровичем Одоевским было обещано, как писал в духовной его дед князь Н.И. Одоевский, его правнукам, сыновьям князя Юрия Одоевского, бояре Прозоровские, приближенные к царю Ивану Алексеевичу и к правительнице Софье Алексеевне, сумели очень быстро (в декабре того же 1687 г.) исхлопотать пожалование для князя Бориса Ивановича села Зюзина. Большую роль в этом сыграли не свойство братьев Прозоровских с В.Н. Одоевским, а активная поддержка братьями строительных планов Софьи Алексеевны.

В 80-х гг. XVII в. под покровительством правительницы Софьи Алексеевны было завершено многолетнее строение Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря на реке Истре. Сопровождая царя Иоанна в январе 1685 г., бояре Прозоровские присутствовали на освящении собора, где находились также Софья, князь В.В. Голицын и целый штат придворных. По заказу царевны был выстроен комплекс зданий в Новодевичьем монастыре, куда бояре Прозоровские не однажды сопровождали царя Ивана Алексеевича и правительницу Софью Алексеевну (июль 1688 г., май 1689 г.). Ходили бояре с правительницей и царем Иваном и в село Измайлово (октябрь, ноябрь 1688 г., июнь 1689 г.), где в 1688 г. была перестроена церковь Иоасафа-царевича, по архитектуре близкая к храму села Зюзина.

Церкви в новом нарядном стиле стали появляться не только в Москве, но и за ее пределами, в имениях, владельцы которых, вслед за князем В.В. Голицыным, восприняли новые веяния в архитектуре. Братья Прозоровские первыми сделали это – в 1686 г. начали строить каменную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы в их общей родовой вотчине селе Петровском Дурнево тож на реке Москве близ Усова. И так активно, что через два года она была построена и освящена святейшим патриархом Иоакимом в присутствии царя Ивана.

Думаю, именно поддержка ближними боярами Прозоровскими замыслов царевны Софьи, их рвение в строительстве каменного храма в общей вотчине, селе Петровском, и вызвали ее благодарность – пожалование князю Борису выморочного села Зюзина¹⁸⁶.

Начав в 1685 г. спорное межевое дело, боярин князь П.И. Прозоровской не остановился, пока не довел дело до окончательного решения. Челобитные за несколько лет споров и жалоб от всех участников межевого спора и многие выписки писцов снова заняли не один столбец, пока в 1694 г. межевщики не обновили межу владений боярина князя П.И. Прозоровского и стольника князя Ф.Б. Долгорукого.

В отписке писцов Р.С. Ефимьева и В. Фёдорова о размежевании пустоши Черёмошье, поданной ими в Поместный приказ 13 декабря 1694 г., эта межа между полупустошью Черёмошье и селцом Шашеболцовым была описана следующим образом: «От межи князь Богдана Долгорукова, которая ныне подновлена, и на Ченцове враге усадьба, по дороге, что ездят от Зюзина на Сарафановскую пустошь, а Шашебольская тож, и по межник с пустошью Сарафановскою, а на сей стороне Ченцова врага, где усадьба, от межи князь Фёдора ж Долгоруково по устье Черёмошского врага и вверх тем Черёмошским врагом до вершины, которая вершина того Черёмошского врага пошла направо, и тою вершиною до Зюзинской дороги и через тое Зюзинскую дорогу прямо перелеском до межи Донского мнстря селца Семёновского».

По челобитным боярина князя П.И. Прозоровского, жаловавшегося и на людей братьев Прончищевых, занимавших его земли, как и люди князя Долгорукого, этих же писцов послали отмежевать две полупустоши Черёмошья, купленных полвека назад в общее владение и до того не разделенных – «тое боярина князя Петра Ивановича дачю половину пустоши Черёмошья, что ныне селцо Черемха, пашню и всякие угодыя от земли думного дворянина Петра Ивановича да стольника Михаила Прончищевых другой половины той пустоши от их дачи и старого владенья отмежевать к усадьбе селца Черёмошья...»¹⁸⁷.

Вероятно, именно тогда был поставлен межевой столб при пересечении межи между двумя полупустошами дорогой, соединяющей их и идущей в Москву. Старожилы этих мест вспоминают, что видели столб и в 1960-х гг.

Результатом полувековых споров владельцев пустоши Черёмошья и Шашеболцова стал чертеж земель разных владельцев у села Зюзина, 1694 г., из этого дела, где показаны окрестности села Зюзина, обозначены межи селца Черёмошья князя Петра Ивановича Прозоровского с Шашеболцовом князя Фёдора Богданова сына Долгорукого и владениями братьев Прончищевых. Чертеж приведен в начале книги. Рассмотрим его подетально в этой главе, так как именно по инициативе П.И. Прозоровского было завершено окончательное размежевание смежных владений в долине Котла.

Межевой столб между землями Знаменского и Троицкого Черёмушки тож. ГИМ. *Фото 1925 г.*

На чертеже нанесены три основные дороги. Одна называлась Елистратьевской (потому что вела от сельца Шаболова в деревню Елистратьеву, стоящую на правом берегу Котла), другая, перпендикулярная первой, называлась Зюзинской – она вела от села Зюзина через речку Котёл к пустоши Сарафановой. Их пересечение было начальной точкой при описании межи, для обозначения которой и создан был этот древний чертеж.

Деревня Елистратьева стояла на правом крутом берегу речки Котёл, и здесь переправой пользовались только жители деревни. Ниже по течению пересечь Котёл было удобнее – по запруде у села Никольского. И чтобы проехать к ней, с Елистратьевской дороги сворачивали на Зюзинскую дорогу, что вела к пустоши Сарафановой. Запруда через Котёл была крепкая,

она много веков служила мостом. От Никольского до Серпуховской дороги было ближе, чем от деревни Елистратьевой. На никольской запруде находилась тогда и мельница.

На верхней границе чертежа изображены храм и терем с подписью: «Село Никольское Козино тож по обе стороны речки...» Продолжена подпись уже ниже русла: «...Котла думного дворянина Петра Ивановича да Михаила Прончищевых». О селе Никольском подробно рассказано выше.

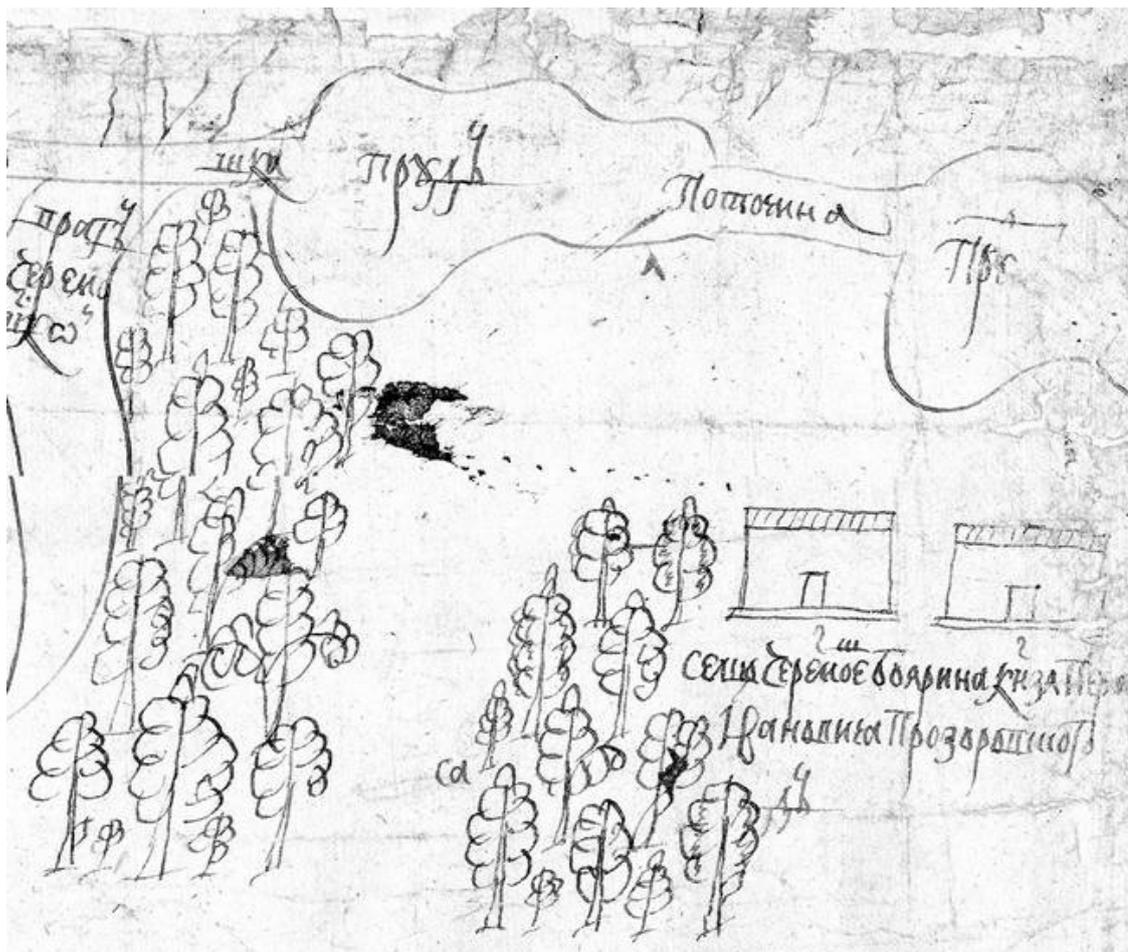
На чертеже обозначена межа деревни Елистратьевой, которой с 1628 г. владел А.О. Прончищев, и ее территория выглядит необычно большой. Позже она сократилась.

Показана и граница между землями деревни Елистратьевой и села Зюзина, и сельцо Старое Шашебольцево с рощей – владение села Зюзина, и пруд с мельницей на Котле. За ним – храм Святых князей российских Бориса и Глеба в Зюзине, в 1694 г. он был еще деревянный. Каменный только строился. Нарисован одноэтажный боярский терем, а рядом изображены дома крестьян. Владелец села Зюзина на чертеже не записан, и это позволяет определить дату создания чертежа писцом: 1687 г., уже после смерти вдовы князя Василия Фёдоровича Одоевского, но еще до пожалования села в декабре 1687 г. боярину князю Б.И. Прозоровскому, ставшему владельцем села Зюзина в период межевого спора между соседями. И хоть в документах чертеж датирован 1694 г. – годом окончания размежевания, но писец, как видно, был на территории в 1687 г. и такой зафиксировал ее на чертеже.

На верховье Вздериношки – пруд, за ним сельцо Шашеболцово стольника князя Фёдора Долгорукого. Показан только его двухэтажный рубленый терем с лестницей на галерею второго этажа и надписан владелец сельца.

В нижней части чертежа – земли Донского монастыря сельца Семёновского и само сельцо неподалеку от Шашеболцова. Вдоль границы этих земель на расстоянии 201 саж., как обозначено на чертеже, идет третья дорога – Зюзинская, что ведет в Москву. К Зюзину она подходит непривычно, пересекая Ченцов овраг с Вздериношкой и Котёл в верховье, выше Шашеболцова и его пруда.

В центре чертежа изображено и подписано сельцо Черёмошьё боярина князя Петра Ивановича Прозоровского. При всем богатстве хозяина вид строений самый простой и незатейливый – всего два низких строения, как бы избы для деловых людей. Как видно, ему здесь не хотелось строить достойный вотчинный двор, у него и без Черёмошьё было много владений: князь П.И. Прозоровской – один из крупнейших землевладельцев того времени.

Фрагмент чертежа 1694 г. Сельцо Черёмошье боярина князя П.И. Прозоровского

Особое внимание привлекают овраги на речке Вздериношке. Основной овраг, по которому текла речка, назван Ченцов. А слева, ниже двух прудов, в него впадают два коротких овражка: около пруда – овраг Черёмошской с рощей по правому берегу, а еще ниже – овраг Чернцов.

Последнее название было принято еще раньше – в межевых книгах 1623 г. – для оврага, в котором протекала Вздериношка. Возможно, традиция изменилась, и писец зафиксировал изменение названий.

Граница размежевания между двумя полупустошами Черёмошье на чертеже не обозначена. Не обозначена и северная межа полупустоши Черёмошье Прончищевых, на которой тогда ничего не было построено, а село Троицкое Черёмошки возникло позже, о чем уже рассказано выше. Но на последних страницах спорного дела межа владений Прозоровского и Прончищевых записана словесно: от устья «...Черёмошского врага и вверх тем Черёмошским врагом до вершины, которая вершина того Черёмошского врага пошла направо, и тою вершиною до Зюзинской дороги и через тою Зюзинскую дорогу прямо перелеском до межи Донского мнстря селца Семёновского».

Выиграв спор, боярин князь П.И. Прозоровской по-прежнему не развивал крошечную вотчину. В 1710 г., судя по переписной книге, в сельце Черёмошье были только двор вотчинников, где жил приказчик с женой и сыном, да скотный двор, где жили и работали деловые люди – два мужчины и одна женщина – как видно, семья. Ни крестьян, ни бобылей в сельце по-прежнему не было¹⁸⁸.

По отстранении от власти в 1689 г. правительницы Софьи Алексеевны юный царь Пётр принял на себя управление государством и назначил боярина князя Петра Ивановича Прозоровского судьей в приказы Большой казны и Большого прихода и в новой четверти. Как писал князь Б. Куракин, П.И. Прозоровской «сидел в Большой казне и ведал Денежный двор, и управлял со всякою верностью и без мздоимства, понеже был человек набожной, которой до своей смерти был содержан честно...»¹⁸⁹.

В конце 1689 г. и в 1690 г. братья Прозоровские были в нескольких походах с царем Иваном Алексеевичем: в Саввино-Сторожевский и в Новодевичий монастыри, да в село Коломенское, куда шли вместе с Петром Алексеевичем, но только он со своими людьми – на малых стружках и в лодках по реке Москве, а свита Ивана Алексеевича – сухим путем.

С конца 1696 г. царь Пётр стал собираться за границу, куда он хотел поехать инкогнито – с Великим посольством, во главе которого Пётр поставил Лефорта, а себя зачислил в свиту «великих послов» под именем Петра Михайлова. На время своего отсутствия управление государством он доверил боярам Л.К. Нарышкину, князю Б.А. Голицыну и князю П.И. Прозоровскому.

Еще перед отъездом за границу, в ноябре 1696 г., царь Пётр собрал в Преображенском думу, которая постановила, что все жители Московского государства должны участвовать в создании русского флота. Таким образом Пётр учредил корабельную повинность. В начале 1697 г. в Поместном приказе была произведена корабельная раскладка: вотчинники (то есть землевладельцы) духовные должны были поставить по одному кораблю с 8 тысяч дворов, а светские – с 10 тысяч дворов. При этом было определено, кому с кем быть «в кумпанстве» по строительству кораблей. 19 кумпанств составили монастыри и 42 – богатые царедворцы.

Князь Пётр Иванович Прозоровской тоже участвовал в создании кумпанств. Младший брат его – князь Борис Прозоровской – несомненно, помогал ему. Ведь многие вотчины и поместья были в их совместном владении. Сначала на Воронежской верфи были построены три 36-пушечных корабля кумпанства князей М.Я. Черкасского, П.И. Прозоровского и И.Б. Троекурова «Сила», «Отворенные врата», «Цвет войны». Строили эти корабли голландские мастера. В мае 1699 г. корабли перешли в Азов и вошли в состав Азовского флота, тогда же участвовали в Керченском походе, были на плаву до 1710 г.

В кумпанстве с кравчим В.Ф. Салтыковым князь П.И. Прозоровской в 1698 г., по возвращении князя Бориса Ивановича в Москву с новгородского воеводства, на другой воронежской верфи, на Чижовке, заложил еще один корабль (строитель А. Мейер) под названием «Мяч»¹⁹⁰. Вскоре во «Мнении о Воронежских кораблях» (1699) Пётр I отметил этот корабль бояр Прозоровских как один из лучших: «3 корабля Избрантовы, Прозоровского, Черкасского, что на Чижовке, есть наилучшие от всех кумпанских кораблей...» На воду «Мяч» был спущен только в апреле 1702 г. и тоже вошел в состав Азовского флота. Все эти корабли были разобраны в 1710 г.

Оба брата Прозоровские – Пётр и Борис Ивановичи – были названы в «Списке боярском» от 24 июля 1705 г., в который включены «бояре и окольные и думные люди». Все чины в списке записаны в несколько разделов: «На Москве», «На службах», «У провиантских дел», «В городех, в воеводех и в посылках», «В деревнях до указу», «В полону». Бояр в царстве было 23. Братья Прозоровские числились среди одиннадцати бояр, которые были «на Москве». Значился в списке в разделе «На службах» и их двоюродный брат, сын младшего брата Ивана Семёновича – Петра меньшого, боярин князь Андрей Петрович Прозоровской, с отметкой «в Питербурхе»¹⁹¹.

Сохранился и «Список российского сигклиту 1705 года». Понятие «сигклит» упоминалось еще при царе Алексее Михайловиче, когда на встрече самых почетных лиц у царя присутствовал и сигклит (синклит), то есть собрание высших сановников, старейшин. В этом

списке значились те же самые 23 боярина, а также кравчие, окольниковые, постельничие, думные дворяне, стряпчие с ключом и думные дяки. Разделения по местам назначений не было. Но зато у трех бояр приспаны графские титулы, что свидетельствует о более позднем появлении окончательной редакции этого списка в сравнении с предыдущим «Списком боярским»¹⁹². Упомянутому в нем Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину Пётр I присвоил графский титул в 1710 г.¹⁹³ Следовательно, «Список российского сиклиту» появился после того, как в 1710 г. «Список боярский 1705 года» был в соответствии с новыми реалиями отредактирован и переименован. Это соображение подтверждает то, что и в 1710 г. все бояре из этого списка, в том числе и братья князя П.И. и Б.И. Прозоровские, сохраняли свое сановное значение, оставаясь в числе узкого круга доверенных людей.

Пётр I имел обыкновение о важных победах в баталиях извещать одним текстом сразу нескольких адресатов. Фамилия двух братьев Прозоровских обнаруживается в списке адресатов и в июле 1710 г., когда Пётр разослал сообщения о капитуляции Риги после многомесячной «тесной блокады». «Вчерашнего числа получена отъ господина генерала-фельдмаршала Шереметева ведомость, что рижский генераль-губернаторъ Сштремберхъ вышереченной городъ купно съ ситаделью на окордь отдалъ. А во ономъ артиллерии, амуниции и протчего получено, о томъ за краткостию времени объявить не успеть, но потомъ вскоре пространно писать будетъ. И тако сей славны и крепки городъ съ малымъ урономъ чрезъ Божию помощь отъ неприятеля взять. И сим вам поздравляем. *Piter*. Изъ Санкт-Петербурха въ 9 день июля 1710 г.». Пётр распорядился послать письмо «къ Москве: къ государынямъ царевнамъ, къ Стрешневу, къ Рамодановскому, къ Бутурлину, къ Черкасскому, къ двумъ Прозоровскимъ, къ князь Борису Голицыну, къ Гагарину, къ Курбатову...»¹⁹⁴.

В годы Северной войны князь Пётр Иванович Прозоровской оказал большие услуги Русскому государству в его финансовых затруднениях. Будучи казначеем еще при царе Алексее Михайловиче, он сумел сохранить деньги так, что, когда Петру I понадобились средства после завоевания Лифляндии, они нашлись в дальних кладовых. Обрадованный Пётр захотел часть накоплений пожаловать в награду князю Петру Ивановичу, бывшему тогда не только во главе приказа Большой казны, но и во главе Оружейной палаты. Тот отказался их взять: «Я бы могъ давно и всею казною сею овладеть, не опасаясь извету, ежелибъ хотеть и не побоялся бы Бога нарушить крестное мое целование. Но мне не надо. Ты знаешь, государь, что я, по милости Божией, предковъ твоихъ и твоей, доволенъ и своимъ; и при томъ одну только дочь имею, которая и без того нарочито богата будетъ». Когда вместо Боярской думы 22 февраля 1711 г. Пётр I учредил новый коллегиальный орган из девяти членов – Правительствующий сенат, не каждому из доверенных бояр была пожалована служба. Борису Ивановичу Прозоровскому службу в Сенате не пожаловали. Ему было почти 50 лет, его одолевала мучительная подагра. Но брат Пётр Иванович, старше его на 15 лет, продолжал исполнять свои служебные обязанности.

В 1712 г. казна уничтоженной Мастерской палаты была передана на Казенный двор, в ведение князя Петра, которому велено было сделать ее опись. В том же году он присутствовал в Монастырском приказе. В 1715 г. царь прислал ему сделанные в Немецкой земле новые штемпеля, чтобы выбивать ими серебряную монету, а в 1716 г. князь Пётр получил указы относительно чеканки некоторых медалей и продажи поташа, смолы, мачтовых деревьев за наличные ефимки, которые переделывал потом в «российскую монету».

Казной русской князь Пётр Иванович Прозоровской ведал до конца своей жизни (умер до января 1721 г.)¹⁹⁵.

Дочь Петра Ивановича Прозоровского княжна Анастасия Петровна (1665–1729) с ранних лет находилась при царской семье, так как с 1674 г. князь П.И. Прозоровской состоял дядькой царевича Ивана Алексеевича, старшего брата Петра I. Анастасия росла среди стар-

ших дочерей царя Алексея Михайловича от первого брака и с тех пор поддерживала отношения с царевнами Марией и Екатериной Алексеевнами и царицей Прасковьей Фёдоровной, урожденной Салтыковой, супругой царя Ивана Алексеевича, до конца их жизни. Этому способствовало и то, что ее сестра Аграфена Петровна Прозоровская стала супругой брата царицы Прасковьи Фёдоровны Василия Фёдоровича Салтыкова.

Со временем Анастасия Петровна подружилась и с Мартой Скавронской – будущей женой Петра I, ставшей императрицей Екатериной Алексеевной (Екатериной I). Княгиня находилась при ней во всех поездках и путешествиях, в числе немногих свидетелей присутствовала на свадьбе Екатерины Алексеевны и Петра I. Сам царь ее любил, шутливо звал «дочкой», дал титул «светлейшей княгини» и придворное звание статс-дамы (первой в России).

В 1684 г. 19-летняя княжна Анастасия Петровна Прозоровская вышла замуж за князя Ивана Алексеевича Голицына (1650–1729), комнатного стольника царя Ивана Алексеевича. И.А. Голицын, как и его господин, был добрый, тихий, богомольный человек, больше известный как младший брат дядьки Петра I – Бориса Алексеевича Голицына. В качестве приданого Анастасия Петровна принесла в род Голицыных несколько имений, в том числе Черёмушки.

В годы правления Петра I князь Голицын никаких особых заслуг не имел, а его супруга, статс-дама Анастасия Петровна, носила портрет Петра I и исправляла роль придворной шутихи, а позже стала князь-игуменьей на всепьянейших соборах, пародирующих традиционные богослужения и обряды. А.П. Голицыной приходилось наравне с мужчинами участвовать в различных ритуалах «всешутейшего собора», в том числе бурных застолий и попойках¹⁹⁶.

Благодаря этой службе жены И.А. Голицын, который не только никогда не был ни воеводой, ни генералом, но вообще никогда ничем не командовал, повышался по службе. В документах последних лет жизни князь И.А. Голицын уже значится не стольником, а боярином, то есть одним из представителей самой высшей придворной иерархии.

Между тем и отец Анастасии Петровны, князь Пётр Прозоровской, принимал деятельное участие в царских забавах, которые не прекращались и в годы шведской войны. К нему в дом приезжали бояре и сам государь за невестой, когда царь вздумал в 1705 г. женить придворного шута Кокошкина на какой-то посадской женке. Свадьба была сыграна в доме думного дьяка Автомона Иванова, и приглашенные были «въ старомъ платье, в фerezяхъ и охобняхъ». В 1715 г. во время шуточной свадьбы князь-папы, тайного советника Н.М. Зотова, дядьки Петра I, князь П.И. Прозоровской был маршалом, в золотом платье.

Еще до 1715 г. князь Пётр Иванович Прозоровской передал сельцо Черёмошье мужу Анастасии Петровны. В переписных книгах 1715 г. владельцем сельца (прежнее Черёмошье впервые записано как Черёмушки) записан зять П.И. Прозоровского боярин князь Иван Алексеевич Голицын. При нем в сельце не стало даже скотного двора, при помещикове дворе в особой избе жили кабальные люди (5 мужчин и 4 женщины)¹⁹⁷. Никаких других изменений в сельце не происходило. В 1718 г. Анастасия Петровна Голицына привлекалась к следствию по делу царевича Алексея. За недоносительство была приговорена «к учинению наказания, какое царь изволит постановить и к ссылке на прядильный двор до указа». Пётр I приговорил заменить ссылку на порку. 28 марта 1718 г. Голицыну высекли батогами в Москве. После этого она была отправлена к мужу, который отослал ее в дом отца.

Но после кончины П.И. Прозоровского (1721) Екатерина Алексеевна вновь приблизила ее (1722). Голицына вновь оказалась в свите царицы и участвовала в различных увеселениях. За Анастасией Петровной было закреплено все имущество отца. Во время коронации Екатерины I (1724) А.П. Голицына была назначена статс-дамой.

Сыновья – Фёдор (1700–1759) и Алексей (1707–1739) – были назначены ко двору в звании гоф-юнкеров. В 1725 г. А.П. Голицына породнилась с императорской семьей, женив своего старшего сына Фёдора на кузине Петра I – Марии Львовне Нарышкиной (1703–1727). На венчании Фёдора с Марией Нарышкиной 22 августа 1725 г. в Троицкой церкви Санкт-Петербурга присутствовала императрица Екатерина I. Этот брак был бездетным. После кончины Нарышкиной князь Фёдор в 1728 г. женился вторым браком на Анне Петровне Измайловой (1712–1749).

Портрет И.А. Голицына. Художник А.М. Матвеев. 1728 г.

Портрет А.П. Голицыной. Художник А.М. Матвеев. 1728 г.

После смерти Екатерины I указом от 22 мая 1727 г. княгиня А.П. Голицына была уволена «на покой» в Москву.

В 1728 г. князь Иван Алексеевич Голицын заказал известному «гоф-малеру» парные портреты его самого и жены. Портреты подписные и датированные. Князь И.А. Голицын изображен в латах, придающих ему героический вид. Но для Голицына, не имевшего никаких служебных заслуг, этот атрибут – всего лишь дань живописной традиции.

На Анастасии Петровне парадные и роскошные аксессуары – красное платье, сколотое золотой брошью, драгоценные камни застежки, скрепляющей коричневую бархатную накидку-плащ, бриллиантовая оправа миниатюры с изображением царя. И в то же время, по мнению многих исследователей, Матвееву удалось передать характер модели – «бабы пьяной и глупой». На портрете – женщина, прожившая жизнь, полную унижений, меру которых понимаешь, читая приходно-расходные книги «кабинетным суммам», где то и дело упоминается имя княгини Голицыной: «Будучи в Ревеле дано по приказу господина вице-адмирала Настасье Голицыной, что ее по рукам били, 10 червонных» (1715); «В Шверине царское величество пожаловало княгине Настасье Голицыной за вытье 20 червонных» (1716); «1722 год. Настасье Голицыной за то, что она перед их величеством плакала, 15 червонных»; «1725 год. Октября в 19 день. В вечернее кушанье указало ее величество государыня императрица пожаловать светлейшей княгине Голицыной 15 червонных, за которые червонные выпила она большой кубок виноградного вина; в тож числе положено в другой кубок 5 червонных, которой она не выпила, и оные червонцы отданы муншенку...» и т. д.

Княгиня Голицына и ее муж Иван Алексеевич Голицын умерли в один год, в марте 1729 г. – она, в апреле – он. Похоронены в Богоявленском монастыре.

При разделе наследства в 1729 г. князю Фёдору Голицыну достались имения матери, которой они отошли после смерти отца Петра Ивановича Прозоровского, а его брату, князю Алексею, – все родовые голицынские вотчины. Фёдор Иванович стал хозяином имений Петровское и Черёмушки. Кроме того, у него были дома в Москве и Петербурге. Один из московских его домов находился на улице Волхонке. Состояние князя Фёдора Ивановича было весьма значительное.

Но в те годы он был на военной службе. Князь Фёдор, 19 лет, в 1719 г., начал службу солдатом Преображенского полка, позже стал капралом, унтер-офицером и прапорщиком. Принимал участие в походах в Швецию и на Кавказ.

Военная служба князя Фёдора Голицына не отличалась скорым производством. Только в 1732 г., в царствование императрицы Анны Иоанновны, он был произведен капитаном Бутырского полка. В этом чине он был в походах за польское наследство, в Русско-турецкой войне (1735–1739) и других баталиях. Тяжелая гарнизонная жизнь подорвала здоровье Ф.И. Голицына, у него появилась чахотка и другие болезни. После заключения Белградского мира в сентябре 1739 г. князь Фёдор появился в Черёмушках.

Фёдор Иванович, как и его отец, был человеком добрым, тихим и богомольным. В январе 1739 г. капитан князь Ф.И. Голицын подал прошение в Синод о построении в сельце новой каменной церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы. В декабре 1742 г. Святейший синод выпустил указ: церковь в сельце построить дозволено. В 1745 г. церковь уже была построена. И в исповедных ведомостях прихода церковь Николая Чудотворца в 1745 г. как существующая названа также «вотчины кн. Голицына с. Знаменского церковь Знамения Пресвятой Богородицы». Знаменская церковь имела свой причт (священник Пётр Иродионов, дьячок Стефан Евстратьев, пономарь Стефан Алексеев) и была приписана к Никольской церкви, что на Котле¹⁹⁸.

С именем князя Фёдора связано не только строительство церкви в Черёмушках, но и превращение этого имения в увеселительную загородную резиденцию. Судя по всему, Фёдор Иванович жил в имении и впервые начал преобразование усадьбы в дворцово-парковый ансамбль нового типа. Здесь был построен деревянный дом, окруженный парадным двором и регулярным парком с различными садовыми «забавами» и гротом. За оранжереями начинался фруктовый сад с хозяйственными службами и подсобными строениями.

Храм Знамени Пресвятой Богородицы, что в Черёмушках. ГИМ. *Фото 1925 г.*

В начале царствования императрицы Елизаветы Петровны Ф.И. Голицын в чине подполковника вышел в отставку и поселился в Москве.

Как сын княгини Анастасии Петровны, близкой подруги императрицы Екатерины I, он пользовался благосклонным расположением императрицы Елизаветы Петровны. Пользуясь этим, Фёдор Иванович вскоре стал хлопотать о повышении чина, объясняя это тем, что в связи с болезнью вынужден был срочно уйти в отставку, а из-за долгого производства в чины – без должного вознаграждения его боевых заслуг в различных сражениях и походах.

И Елизавета Петровна вскоре пожаловала князя Голицына чином бригадира (в сказке 2-й ревизии 1748 г. Фёдор Иванович Голицын значится уже в этом чине). А в июне 1753 г. он получил чин генерал-майора.

В 1748–1749 гг., во время своего пребывания в Москве, Елизавета Петровна дважды посещала Ф.И. Голицына. Один раз 12 июля 1749 г., во время паломничества императрицы в монастыри Саввинский и Воскресенский, она побывала и в селе Петровском, а другой раз 23 августа того же года – в селе Черёмушки¹⁹⁹.

Князь Фёдор Иванович Голицын. *Неизвестный художник. Начало XIX в.*

Поездка Елизаветы Петровны в Черёмушки отмечена в дворцовых журналах: «Ее Императорское Величество соизволила иметь выход на Воробьёвы горы; в расставленных шатрах обеденное кушанье изволили кушать, а оттуда шествие возыметь соизволила в село Черёмоши к Господину генерал-майору Князю Голицыну, где благоволили вечернее кушанье кушать...»

Писатель А.А. Васильчиков связывал пребывание императрицы в Петровском с началом возвышения ее нового фаворита Ивана Ивановича Шувалова²⁰⁰. А после второго посе-

щения императрицей Ф.И. Голицына – в имении в Черёмушках – камер-паж императрицы Шувалов уже через восемь дней был назначен камер-юнкером. Императрица Екатерина II позже писала: «Это было событие при Дворе; все шептали друг другу на ухо, что это новый фаворит; я радовалась его возвышению, потому что, когда он был еще пажом, я его заметила как человека много обещающего по своему прилежанию, его всегда видели с книгою в руках»²⁰¹.

Одновременно Фёдор Иванович и сам породнился с Шуваловым: сестра Шувалова, Прасковья Ивановна (1734–1803), уже была невестою старшего сына князя Голицына, Николая Фёдоровича. Их свадьба состоялась в октябре 1749 г. в московском Казанском соборе. Через полтора года после пышной свадьбы в 1751 г. сын порадовал Ф.И. Голицына рождением первенца, князя Фёдора Николаевича. Фёдор Иванович вскоре подарил любимому первому внуку имение Петровское.

Во втором браке у князя Ф.И. Голицына родилось пятеро сыновей и две дочери: Николай (1728–1780), генерал-майор; Иван (1731–1797), генерал от инфантерии; Павел (1733 – после 1800), гвардии капитан-поручик; Евдокия (1734–?), мемуаристка и переводчица, с 1755 г. замужем за бригадиром Александром Ивановичем Болтиным; Борис (1738–1755), корнет конной гвардии; Пётр (1742–1779), генерал-майор; Анна (1744–1781), с 1763 г. замужем за камергером и генерал-поручиком С.А. Бредихиным (1744–1781), одним из главных пособников при восшествии на престол Екатерины II. Оба похоронены в Москве в Донском монастыре.

Портрет Фёдор Николаевича Голицына. *Неизвестный художник. Последняя четверть XVIII в.*

Портрет Прасковьи Ивановны Голицыной (урожденной Шуваловой). Художник *Фёдор Рокотов*

Задолго до Генерального межевания в 1754 г. императрица Елизавета Петровна выпустила указ: всем владельцам предъявить межевщикам выписки на имения. И когда межевщики приехали в имение к Ф.И. Голицыну, обнаружилось, что выписок на вотчины у него нет: сгорели во время пожара в Москве в 1731 г.

В апреле 1756 г. генерал-майор и кавалер князь Фёдор Иванович Голицын в челобитье к императрице просил выдать из Вотчинной коллегии новые выписки на вотчины. Вскоре ему такие выписки выдали.

Последние годы Ф.И. Голицын тяжело болел. Согласно заключению Медицинской конторы, «генерал-майор и кавалер князь Фёдор княж Иванов сын Голицын осматриван, а по осмотру явился одержим ипохондрической болезнью, при том же страждет сильным внутренним почечуем, от чего часто приключается ему жестокая колика и в спине боль, он же из себя худ и всем корпусом слаб, и за такими тяжкими болезнями видится, что совершенное много раз движения с постели иметь неможно, а особливо в осенняя и зимняя студенья, також и в летняя жаркия время находяся для слушания службы божия ходить и ездить невозможно, и за означенными болезнями ему ко приходской церкви для слушания службы божия ходить и ездить невозможно, и Московская духовная консистория об оном благоволил быть известна ноября 3-го дня 1755 году». Последние годы из-за болезней он в Черёмушках бывал редко. А 4 октября 1759 г. скончался в Москве. Село Черёмушки несколько лет было совместным владением его сыновей.

При Генеральном межевании 19 сентября 1766 г. оно было записано как владение князей Ивана и Петра Фёдоровичей Голицыных под литерой 3-16 (Знаменское Черёмушки тож). Село на левой стороне речки Коршунихи, с выделенной церковной землей. Церковь каменная Знамения Пресвятой Богородицы. Дом господский каменный с регулярным садом. Церковная земля на суходоле, по левую сторону от верховья речки Коршунихи. Лес строевой березовый и осиновый. Крестьян нет, состоят одни дворовые при доме люди. Не было в селе и пашен. Под селением – 9 дес. 2110 кв. саж., лес – 90 дес. 720 кв. саж., неудобья – 14 дес. 1620 кв. саж., всего 114 дес. 2050 кв. саж.²⁰²

Ухоженное опустевшее селение ветшало. По справке 1768 г. церковь Знамения Пресвятой Богородицы показана «безприходною ружною», а сколько и от кого руги производится «не означено». В 1771 г. умер священник Иван Петров. Дьячка Гаврилу Иванова 27 июля 1776 г., по прошению вдовствующей княгини Анны Александровны Голицыной, владелицы села Никольского, в приход которой входила тогда Знаменская церковь, определили на праздное дьячковское место в село Никольское, что на Котлах. В 1772 г. Знаменская церковь упразднена – за умертвием священника. Хотя в консисторском архиве впоследствии особого дела об упразднении оной церкви не оказалось.

Именья Ф.И. Голицына раздробились между его многочисленными наследниками, обросли долгами и переходили из рук в руки. В 1774 г. Черёмушки значатся как вотчина майора Василия Андреева сына Выродова²⁰³. В исповедной ведомости записан 1 крестьянский двор, где жили 5 мужчин и 3 женщины.

В 1777 г. – вотчина подпоручика Матвея Васильевича Зиновьева, при ней жили только дворовые люди²⁰⁴.

Но и Матвей Зиновьев лишь изредка бывал в Черёмушках. Когда 27 ноября 1778 г. он приехал в церковь Знамения Богородицы со священником села Никольского, что в Котлах, Фёдором Алексеевым для служения по случаю храмового праздника, оказалось, что церковь ограблена: «выломана железная полоса из решетки в окне, что у правого клироса, и похищено евангелие, 4 лампы медные позолоченные от местных образов, 3 колокола...» Помещик Матвей Зиновьев вместе со священником 21 января 1779 г. представили письменный рапорт об этом событии «по Калужской дороге Смотрителю майору Бакееву», после чего «церковь была описана, опечатана и закрыта, а ключи отданы приставленной к церкви охране».

Когда в 1783 г. на очередных аукционных торгах село Черёмушки приобрел князь Сергей Александрович Меншиков, он обнаружил, что церковь Знамения Пресвятой Богородицы

«состояла под казенным ведомством и за неимением помещика и прихожан упразднена и антиминс снят».

Генерал-майор князь Сергей Александрович Меншиков

11 июля 1784 г. «генерал-майор и кавалер князь Сергей княж Александров сын Меншиков подал прошение о возобновлении в вотчине ево в селе Знаменском Черёмушки тож

церкви Знамения Пресвятыя Богородицы как домовою и для отправления по воскресным и праздничным дням божественные службы определить села Троицкого священника».

В рапорте благочинного села Ивановского Романа Степанова в связи с этим прошением дается справка о состоянии Знаменской церкви: «...церковь состоит каменного здания в твердости, крышка на ней деревянная ветха, внутри оной церкви иконостас весь позлащен, в нижнем ярусе приличных образов не имеется, во святом алтаре престол состоит в твердости, антиминса святого, евангелия и сосудов приличных к священнослужению ничего не имеется, риз одна, подризников два, книг минеи месячных 12, псалтир следованная триоди посная и кделная, октоихов 2, апостол служебник, прологов 9 месяцев, на колоколне колокол один, более ж ничего не имеется».

Через год Меншиков получил из Московской духовной консистории указ: так как князь здоров, в возобновлении церкви Знамения как домовою отказано. А «оную в Черёмушках церковь, как она не значит быть упраздненною, не почитая ни приходскою, ни домовою, почитать в един приход с церковью близ состоящего малоприходного села Троицкого, и потому села Троицкого священнику в ней, яко того же прихода другой церкви, времянно служить дозволить: почему и антиминс в нее выдать»²⁰⁵.

При таком решении Знаменская церковь была практически на правах усадебной, обслуживая только членов семейства владельца и дворовых людей. По получении этого указа Меншиков подал новое прошение – о дозволении вместо деревянной крыши (церковь была крыта тесом) вновь покрыть листовым железом. Резолюция была получена быстро: 1 декабря 1785 г. «оную Знаменскую церковь листовым железом покрыть дозволить...»²⁰⁶.

Сергей Александрович Меншиков (1746–1815) – внук сподвижника Петра I генералиссимуса светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова; второй сын генерал-аншефа светлейшего князя Александра Александровича (1714–1764) от брака с княжной Елизаветой Петровной Голицыной (1721–1764), дочерью сенатора князя П.А. Голицына. Он родился в Санкт-Петербурге, образование получил домашнее, служить начал при дворе, где был пожалован в пажи. Будучи камер-пажом, 28 июня 1762 г. принял участие в перевороте при возведении на престол императрицы Екатерины II, после чего в 1762 г. из камер-пажей был произведен в поручики лейб-гвардейского Преображенского полка (1762), отослан в Государственную коллегию иностранных дел и отправлен к посольству в Константинополь.

Участвовал в первой Русско-турецкой войне (1768–1774) под знаменами Румянцева и 27 июля 1770 г. в чине подполковника Санкт-Петербургского пехотного полка. Был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за оказанную в сражении с неприятелем храбрость и за овладение ретраншементом и батареей. Вместе с тем произведен в полковники.

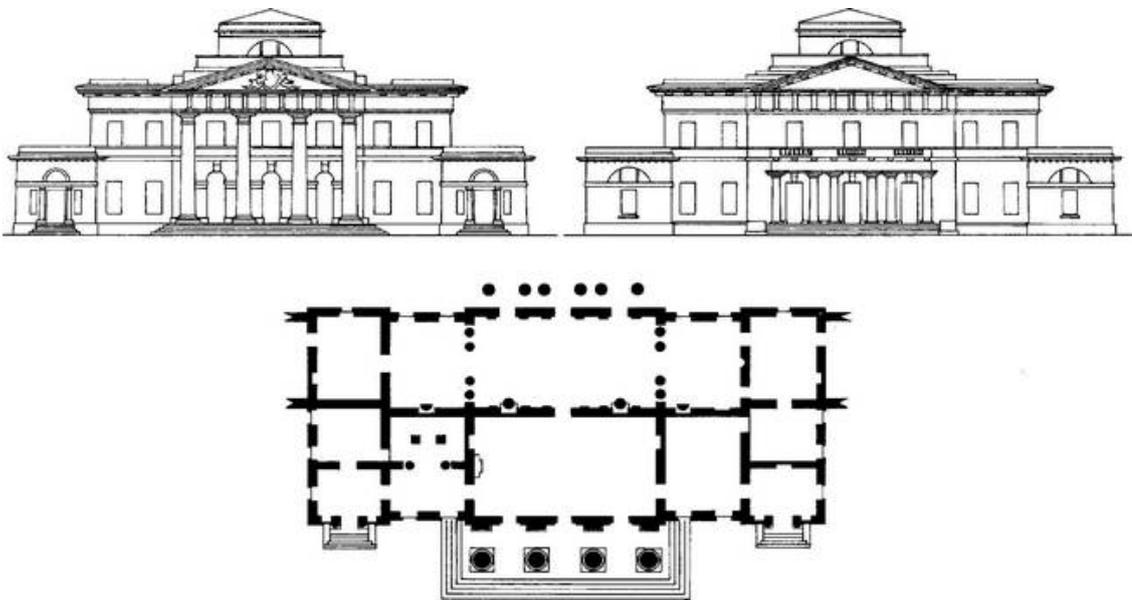
В 1775 г. назначен флигель-адъютантом и сохранил это звание до 1790 г.; в 1778 г. произведен в генерал-майоры, 22 сентября 1786 г. – в генерал-поручики, затем назначен сенатором (1786) и награжден орденом Святого Александра Невского.

С 1785 по сентябрь 1786 г. был в отпуске по болезни.

В 1776 г. генерал-майор и кавалер князь Сергей Александрович Меншиков построил себе дом в Москве (архитектор М.Ф. Казаков; Большая Никитская улица, 12/1), а в 1783 г. приобрел имение в Черёмушках, можно сказать, по случаю, с аукционных торгов. У него была майоратная усадьба Александрово близ Клина, которая перешла к нему от отца.

Но Черёмушки располагались ближе к Москве, в Черёмушках Сергей Александрович жил в летние месяцы как на даче, и он приложил много усилий, чтобы обустроить усадьбу в традициях нового времени. Он пригласил недавнего выпускника Санкт-Петербургской академии художеств Франциска Конрада Христофора Вильстера, датчанина по происхождению. Чертеж его проекта сохранился в архиве музея-усадьбы Останкино. Дворец в Черёмушках соединял в себе традиции московской и петербургской школ эпохи строгого классицизма. Как и прежний главный дом, дворец занимал центральное место в усадьбе

и при небольших габаритах отличался комфортабельностью планировки и изысканностью отделки парадных залов. Одновременно были построены и другие здания, расположившиеся в парке, устроенном в стиле новейших английских садов. Большой пруд на Коршунихе стал центром этого пейзажного парка, к пруду был обращен балкон дворца. Поблизости от пруда был построен павильон «Чайный домик», расположенный в конце аллеи, ведущей к Знаменской церкви. Между фасадом дворца и въездными «пилонными» воротами был устроен просторный парадный партер, который огибала подъездная дорога. Справа от партера был построен одноэтажный каменный флигель «Молочный дом» с глубокими подвалами, служивший при Меншиковых кухней (позже он был перестроен и стал называться Гостевым домом, это был второй по величине после главного дома). Позади него вдоль ограды возникла длинная каменная оранжерея. Екатерина Николаевна Меншикова увлекалась ботаникой: в оранжерее, в теплицах и на грунте она выращивала многие сорта фруктов и цветов.

Чертеж дворца в Знаменском Черёмушках. *Архитектор Ф.Х.К. Вильстер*

Напротив дворца и парка был заново построен комплекс служебных построек: конюшня, каретный сарай, коровник, скотный и птичий двор, людские. Комплекс назывался «Экономия» (позже Конным двором). Линия подъездной дороги к дворцу пересекала «Экономию» и переходила в длинную аллею, обсаженную березами, которая вела к старинной дороге, названной на чертеже 1694 г. «Зюзинская дорога, что ездят к Москве». Этот «прешпект», как называли его при Меншиковых, сохранился вплоть до XX в., хотя дорога к Москве пролегла иначе, пересекая усадьбу между дворцом и «Экономией», через верховье Черёмушского оврага, восточнее села Троицкого Черёмушки. А вдоль старой дороги к Москве расположились крестьянские усадьбы села Троицкого, она стала как бы тупиковой, обрываясь у господского дома и прудов Троицкого.

17 декабря 1797 г. император Павел переименовал князя Сергея Александровича Меншикова в тайные советники. В 1801 г. сенатор С.А. Меншиков уволен в отставку с производством в действительные статские советники.

В Отечественную войну 1812 г., согласно отношению священника Троицкой церкви Иоанна Андреева и благочинного священника села Сергиевского Дмитрия Яковлева, остались целыми все крестьянские дворы и три приходских господских дома: Анастаса Фёдорова Ардалионова, его высокоблагородия Ивана Петровича Бекетова и села Черёмушек его

светлости князя Сергея Александровича Меншикова, и церковь Троицкого, что в Черёмушках, прихода, которая вскоре после рапорта священников была освящена и службы в ней продолжены²⁰⁷. Знаменская церковь в этом документе не была отдельно упомянута, она считалась тогда частью Троицкого прихода, в ней тоже сохранился антиминс, и после ухода неприятеля церковь была так же приведена в порядок и освящена для дальнейших служб.

С.А. Меншиков в 1815 г. скончался в Москве и был похоронен в Большом соборе Донского монастыря.

Несколько лет Черёмушкинской усадьбой успешно управляла его вдова Екатерина Николаевна Меншикова (1764–1832), после кончины похороненная рядом с супругом.

У четы Меншиковых было трое детей: Александр (1787–1869), адмирал, генерал-адъютант, член Государственного совета, управлявшего Морским министерством; Николай (1790–1863), полковник, флигель-адъютант; Екатерина (1794–1835).

После затянувшегося раздела родительских имений в 1833 г. Черёмушки достались младшему сыну Николаю Сергеевичу. Кстати, майоратное владение в Александрово, что близ Клина, отошло старшему Меншикову – Александру Сергеевичу, при котором это имение достигло наивысшего расцвета и где он впоследствии был похоронен в ограде Крестовоздвиженской церкви.

Князь Александр Сергеевич Меншиков служить начал в 18 лет в Коллегии иностранных дел, а с 1809 г. перешел на военную службу и участвовал в Русско-турецкой войне 1810–1811 гг. В 1811 г. 24-летний князь вошел в свиту императора Александра I. Дивизионным квартирмейстером 1-го гренадерского полка поручик А.С. Меншиков принимал участие во многих сражениях, в том числе под Бородином, за отличие в бою был произведен в штабс-капитаны. В 1813–1814 гг. участвовал в заграничных походах русской армии. После смерти отца унаследовал родовое майоратное имение Александрово в Клинском уезде. В 1816 г. за отличие по службе произведен в генерал-майоры. После смерти матери А.С. Меншиков, уже значительный государственный деятель, был на дальней службе: 1 ноября 1831 г. его назначили генерал-губернатором Великого княжества Финляндского, и он начал там многолетние работы по сооружению Сайменского канала, открывшего сообщение внутренней водной системы Финляндии с Финским заливом, что имело важнейший экономический эффект для Великого княжества Финляндского.

В 1839 г. А.С. Меншиков возглавил Главный Морской штаб Морского министерства. В 1841 г. Александр Сергеевич вошел в состав секретного комитета по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости и создал ряд законопроектов.

Полковник гвардии князь Николай Сергеевич Меншиков

Николай Сергеевич Меншиков, в отличие от старшего брата, служил в действующей армии. Начал службу в Отечественную войну 1812 г. – в октябре, получив чин флигель-адъютанта, он был адъютантом генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона. Дальнейшие чины: штабс-ротмистр гвардии (09.1813), ротмистр гвардии (12.1813), камер-юнкер 5-го класса (1814), полковник гвардии (12.1815). Он отличился при Бородине и Семёновском, заслужив орден Святой Анны 2-й степени. За участие во взятии Парижа был пожалован несколькими отечественными наградами, а кроме того – орденом Макса Иосифа от короля Баварии, орденом Пур-Лемерита от короля Пруссии и орденом Святого Людовика от короля Франции. В возрасте 33 лет Николай Сергеевич оставил службу и поселился в Москве на Якиманке. Но так и не женился, не завел детей.

Николай Сергеевич был избран предводителем дворянства Клинского уезда Московской губернии (1832–1835), так как в Клинском уезде состояло меншиковское майоратное имение в Александрове. А когда после смерти матери ему досталось имение Черёмушки, он поселился в нем постоянно и с увлечением занялся обустройством садового и экономического хозяйства доставшейся ему подгородной дачи «с землями, лесами, каменными и деревянными строениями, с мебелью, плодовитым садом и оранжерейными плодовитыми и фруктовыми деревьями, с посудой, всякого звания земледельческими орудиями и машинами, с пожарным, кузнечным и столовым инструментом и с конскою упряжью...»²⁰⁸.

Он даже стал действительным членом Московского общества сельского хозяйства (1834). Н.С. Меншиков благоустроил пруды, парки, павильоны. Вместо двух прудов был вырыт один большой прямоугольный с новой плотиной. В одну линию с перестроенным «Чайным домиком» у плотины был построен павильон, напоминавший царицынскую «Миловиду», «Грот» рядом с главным домом перестраивается в купальный павильон («Ванный флигель»), а на противоположном берегу пруда появился павильон с четырехколонным портиком («Мавзолей»).

Оранжерея усадьбы Меншиковых. 1930 г.

Непрерывно преобразовывался и комплекс «Экономии»: корпуса Конного двора по всему периметру были дополнены вторыми этажами, с запада около него построен двусветный манеж, появились и многие другие хозяйственные строения, не сохранившиеся донныне. Увлеченный цветоводством, Николай Сергеевич незадолго до кончины присоединил к своему кабинету в юго-западном углу дворца застекленную пристройку «Цветочный фонарь», служившую ему своеобразным зимним садом.

В 1863 г. Николай Сергеевич умер и был похоронен на Ваганьковском кладбище, а благоустроенное Черёмушкинское имение перешло старшему брату Александру Сергеевичу Меншикову.

Удачливый царедворец, Александр Сергеевич долгое время занимал ряд крупных постов: член Государственного совета, финляндский генерал-губернатор, управляющий Морским министерством, главнокомандующий морскими и сухопутными силами в Крыму в ходе Крымской войны 1853–1855 гг. Один из владельцев Узкого, граф Е.П. Толстой, характе-

ризовал его весьма нелицеприятно: «... князь Меншиков, человек ученый, довольно умный, деятельный; начальник прекрасный. С этой стороны нельзя на него жаловаться; но вместе с тем он человек самый прозаический и мелочный; не понимает ни музыки, ни стихов, ни благородных побуждений, одним словом, человек без души...» В царствование Александра II А.С. Меншиков оставался лишь членом Государственного совета.

Светлейший князь генерал-адъютант Александр Сергеевич Меншиков. Художник Ф. Крюгер. 1787 г.

Когда князь А.С. Меншиков стал владельцем Черёмушек, он уже находился в отставке. Последние годы жизни провел в Москве и в своем имении. Черёмушками он владел недолго, так как скончался в 1869 г., находясь в Петербурге, похоронен в Александрове.

В браке с графиней Анной Александровной Протасовой (1790–1849), дочерью бригадира А.С. Протасова, племянницей камер-фрейлины Екатерины II графини А.С. Протасовой, у князя А.С. Меншикова было двое детей: светлейший князь Владимир Александрович (1816–1893), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; светлейшая княжна Александра Александровна (1817–1884), замужем за гвардии подполковником в отставке И.Я. Вадковским.

Владимир Александрович Меншиков записан владельцем Черёмушек в нескольких документах уже с 1864 г. В списках владельцев и арендаторов в Зюзинской волости 1860–1879 гг. отмечено, что у князя Владимира Меншикова арендовали землю села Черёмушки в 1864 г. под пашню на 12 лет крестьяне села Коломенского (15 дес.) и деревни Нижние Котлы (2 дес.), в 1868 г. 2 дес. под пашню на 7 лет крестьяне деревни Курьяновой²⁰⁹.

В составленном после крестьянской реформы в 1860-х гг. Алфавите дачам по Генеральному и специальному межеванию записано, что дача под литерой 3-6 князей Ивана и Петра Фёдоровичей Голицыных 114 дес. 2058 кв. саж. – ныне генерал-адъютанта князя Владимира Александровича Меншикова с крестьянскими наделами²¹⁰.

В списках землевладельцев 1872, 1878, 1879 гг. записано, что генерал-адъютант князь Владимир Александрович Меншиков владеет в Черёмушках 105 дес. Как видно, он сдал в аренду 9 дес. Вероятно, под глинище тому же В.И. Якунчикову, который в соседнем Троицком Черёмушках уже несколько лет держал кирпичный завод. Ведь 21 мая 1880 г. по купчей крепости В.А. Меншиков продал Якунчикову за 60 тысяч руб. все 114 дес. (землю ненаселенную со строениями)²¹¹.

Василий Иванович Якунчиков (1829–1907) ко времени появления в Троицком Черёмушках, где он активно занялся производством кирпича, был уже почетным гражданином, коммерции советником и московским 1-й гильдии купцом. В купечестве он состоял с 1860 г., торговал бумажной, шерстяной пряжей и москательным товаром в Старом Гостином дворе, под № 9, и в деревне Барановой. Он владел торфоразработками и Воскресенской мануфактурой (прядильной и ткацкой фабриками), находившейся в подмосковном селе Наре Фоминской (Верейский уезд), и продавал продукцию своих фабрик.

Жил в Тверской части во 2-м квартале, в приходе церкви Святых Бориса и Глеба на Средней Кисловке, в собственном доме под № 146. С 1863 по 1866 г. Якунчиков состоял выборным от московского купечества, а с 1866 г. – гласным общей городской думы, с 7 апреля 1871 г. – почетным членом коммерческого училища, с 6 мая 1870 г. – выборным Московского биржевого общества.

В молодые годы на средства, заработанные на откупах, он долго жил в Англии. А вернувшись в Москву, удачно женился (1854) на Екатерине Владимировне Алексеевой (1833–1858). Ее отец, видный московский купец Владимир Сергеевич Алексеев, был в родстве с купцами Сапожниковыми, Мамонтовыми. В недолгом первом браке – Якунчиков потерял жену в 1858 г. – у него родились сын Владимир (1857 г. р.) и две дочери. В 1861 г. он венчался с 18-летней Зинаидой Николаевной Мамонтовой. По словам современников, Василий Иванович был красив, любил музыку, сам играл на скрипке (на собственной Амати), хорошо знал английский язык, имел прекрасные манеры... Юная Зиночка влюбилась и, вопреки уговорам матери не выходить замуж за вдовца с тремя детьми, приняла его предложение руки и сердца. Девять детей во втором браке у Якунчиковых рождались один за другим, двое умерли вскоре после родов.

Якунчиков был одним из основателей Императорского Русского музыкального общества (ИРМО) и Московской консерватории, место для которой нашлось на Большой Никитской, неподалеку от его дома. Дом Якунчиковых стоял на Средней Кисловке (сейчас в нем размещается ГИТИС), и в нем в большой бальной зале часто проходили концерты знаменитостей, на которые собиралась вся культурная Москва.

Построив кирпичный завод на земле села Троицкого, В.И. Якунчиков обнаружил богатейшие залежи годных для изготовления кирпича суглинков и купил землю и в Троицком (у Андреева и у крестьян), и в Знаменском (у Меншикова), а если нельзя было купить, арендовал под глинище (у церкви или у крестьянского общества). Земли нужны были для кирпича. Усадьба, конечно, годилась для проживания, но в Черёмушках его семейство бывало редко, так как у Якунчикова было имение в Наре. Главный черёмушкинский дом – дворец! – он использовал для себя, а многочисленные флигели и разнообразные постройки, расположенные в парке, приспособил для сдачи внаем дачникам.

Однако вскоре на краю усадьбы за прудом, у дороги из села Зюзина, он построил еще один кирпичный завод. Он упомянут в 1896 г. в описании имения в Черёмушках: «В 2 верстах от Серпуховской заставы, владелец имения Василий Иванович Якунчиков, имение примыкает к заводу, из всех 125 дес. распахано 65 дес., остальное парк и в нем усадьба и несколько флигелей дач...»²¹²

В 1890-х гг. В.И. Якунчиков пригласил для ремонта ветшающего дворца молодого и талантливого архитектора Ивана Владиславовича Жолтовского, который проездом в Иркутск, куда он в 1898 г., после окончания Петербургской академии художеств, собирался переехать работать, остановился в Москве и здесь получил приглашение преподавать в Строгановском училище. С тех пор И.В. Жолтовский жил в Москве.

Для будущего академика архитектуры (звание ему присвоили уже в 1909 г.) ремонт черёмушкинского дворца стал чуть ли не первой самостоятельной работой. Деревянные перекрытия были заменены на металлические, было устроено пароводяное отопление, водопровод, канализация, электричество – это требовалось для обеспечения во дворце городского комфорта. Все это вызвало даже некоторые изменения во внутренней планировке. Однако при реконструкции были сохранены и классицистический характер здания, и ценнейшие детали декора. В двухэтажном флигеле в саду установили автономный электрогенератор, чтобы обеспечить усадьбу электричеством, а купольный павильон («Грот» или «Ванный флигель») приспособили под библиотеку. Подпорными террасами с каменными лестницами и балюстрадами укрепили берег пруда.

Архитектор Иван Владиславович Жолтовский

Художник Мария Васильевна Якунчикова

С Черёмушками связано имя Марии Васильевны Якунчиковой, по мужу Вебер (1870–1902), – одной из дочерей нового владельца. М.В. Якунчикова – известная художница, близкая к группе «Мир искусства». В Государственной Третьяковской галерее хранятся ее картина «Церковь старой усадьбы Черёмушки близ Москвы» (1897) и гуашь «Парк в Черёмушках. Пруд» (1899), написанные ею по памяти в Наре Фоминской. В 1904 г. в иллюстрированном журнале «Мир искусства» была репродуцирована еще одна работа художницы на эту же тему – цветной офорт «Черёмушки». Так же называется написанная Якунчиковой гуашь, которая хранится в швейцарском городке Шен-Бужери, где она жила после эмиграции и скончалась, не дожив до 33 лет. Там сохранились дом М.В. Якунчиковой и многие ее работы.

Главный дом усадьбы Знаменское Черёмушки (ныне здесь размещается ИТЭФ)

После кончины Василия Ивановича в 1907 г. заводами и селом с 1909 и до 1917 г. владел его младший сын от второго брака Николай Васильевич Якунчиков (1873–1931), уже не купец, а потомственный дворянин, бывший некоторое время дипломатом, и даже придворный камер-юнкер. При нем в усадьбе продолжали строительные работы по проекту архитектора И.В. Жолтовского, в ходе которых был реконструирован господский дом. Он попытался восстановить и другие строения усадьбы. Но вскоре началась Первая мировая война. В 1914 г. один из черёмушкинских флигелей был отдан под военный лазарет.

В 1917 г., согласно окладному листу, титулярный советник Николай Васильевич Якунчиков владел в Черёмушках землями 126 дес. 2000 кв. саж. (из них 114 дес. в Знаменском, остальные в Троицком).

Советские хозяйства. После октября 1917 г. имения бывших владельцев были обобществлены. Уже в апреле 1918 г. Московский губернский земельный отдел направил в распоряжение местных уездных земельных отделов землемеров (из расчета одного землемера на две волости) для обмера земель имений и распределения земель во временное пользование трудового населения прилегающих селений, а сами имения – прежде всего для коммун и советских сельскохозяйственных хозяйств. В 13 уездов Московской губернии было направлено 68 землемеров. Именно с их помощью к октябрю 1918 г. были составлены подробные списки всех частновладельческих хозяйств – в списке по Московскому уезду уже были вписаны новые волости, утвержденные в октябре 1918 г., в том числе Ленинская, объединившая Зюзинскую, Нагатинско-Люблинскую и Царицынскую волости. В списках было отмечено, сколько десятин земли из имения крестьяне соседних селений взяли для общества во временное использование. Прежде всего это были пастбища, лесные и полевые покосы (леса поступили в ведение лесничеств).

Во всех селениях крестьянами были созданы крестьянские общества по совместной обработке земли (КОВ), продолжившие традиции прежних сельских обществ, и передача земель обществам селений соответствовала принятому закону о социализации земель.

Все имения, согласно постановлению от 27 июля 1918 г., переходили во временное ведение местных совдепов (их земельных отделов), которые должны были содержать имения в неприкосновенности, пока не будут составлены акты и описи по приемке имений. Совдепы с этим, увы, не справлялись.

Задача обработки обобществленной земли в огромном государстве стала наиглавнейшей. Московский Комиссариат земледелия разослал в губернские совдепы указания для исполнения: «В настоящее время вопрос о коллективной обработке земли самой жизнью выдвинут на первый план; на местах, как в России, так и в Сибири, коммуны возникают одна за другой и служат доказательством того, что идея коммунального хозяйства приобретает все больше и больше сторонников. Но очень часто коммуны обладают недостаточными знаниями для организации коммун и для руководства их деятельностью, поэтому на обязанности губернских уездных советов лежит следить за тем, чтобы коммуны организовывались согласно закону о социализации земли, чтобы они строились действительно на трудовых началах, чтобы в них входили исключительно трудовые элементы, чтобы коммуны не вырождались в капиталистические предприятия в скрытой форме...»

После раздела земель крестьянами в октябре 1918 г. (по едокам) оставалось еще немало десятин пашен, старинные усадьбы с садами, хозяйственными постройками, которые полностью крестьянам не передавались, заводы. Там, где по тем или иным причинам в имении не организовано земельной коммуны, следовало организовывать советские коммунистические земледельческие хозяйства (кратко: совхозы). Для удобства руководства многие близко расположенные совхозы объединялись в группы со своим групповым управлением. Название группам давали по головному совхозу.

Особую важность приобретали сельскохозяйственные промыслы: садоводство, огородничество, пчеловодство, животноводство, молочное хозяйство, а также опытные учреждения, ведущие научную работу и распространение сельскохозяйственных знаний среди крестьян. Ближайшие к Москве территории имели именно садово-огородные и молочные направления, и создаваемые совхозы, естественно, специализировались в этом направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.